М. Боголепов.

ВЗГЛЯД на СПОСОБЫ
коими сообщались
ОТКРОВЕНИЯ.

V
162
561

5-61

IX

ВЗГЛЯДЪ НА СПОСОБЫ,

КОИМИ, ПО СКАЗАНІЮ МУХАММЕДАНЪ, СООБЩАЛИСЬ СВЫШЕ МУХАММЕДУ ОТКРОВЕНІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

СТУДЕНТА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ V УЧЕБ. КУРСА (1850—1854 г.)

Матѳея Боголѣпова.

КАЗАНЬ.
Типо- и литографія К. А. Тилли, на Грузинской улицѣ.
1876.

Отъ Казанскаго комитета духовной цензуры печатать дозволяется.
Іюлл 1 дня 1876 г.

Цензоръ, экстраординарный профессоръ Казанской Духовной Академіи,
Священникъ *Евѳимій Маловъ*.

2007237486

Возлюбленніи! не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть, яко мнози лжепророцы изыдоша въ міръ. 1 Іоан. 4, 1.

Не слушайте словесъ пророковъ, иже пророчествуютъ вамъ и прельщаютъ васъ: видѣніе отъ сердца своего глаголютъ, а не отъ устъ Господнихъ. Іерем. 24, 16.

Изступленная преданность мухаммеданъ своему вѣроученію-Исламу основывается на вѣрованіи въ его Божественное происхожденіе, на предубѣжденіи, что Самъ Господь Богъ благоволилъ открыть людямъ это ученіе чрезъ своего пророка—Мухаммеда.

Увѣренность свою въ томъ, что Мухаммеду были небесныя откровенія, мухаммедане основываютъ на чудномъ совершенствѣ Корана, на единствѣ его ученія съ Закономъ Моисея и Евангеліемъ Іисуса Христа, на чудесахъ, совершенныхъ Мухаммедомъ въ доказательство, что онъ посланникъ Бога; но самыя сильныя, непререкаемыя доказательства того, что Исламъ есть небесное откровеніе, мухаммеданинъ находитъ въ свидѣтельствѣ Корана и мухаммеданскаго преданія о способахъ, коими сообщены Мухаммеду откровенія. Въ Коранѣ Мухам-

меда, по мнѣнію его послѣдователей, Богъ ясно, прямо указалъ, какимъ образомъ сообщены ему откровенія; мухаммеданское преданіе въ объясненіе этихъ темныхъ, неопредѣленныхъ, выраженныхъ одними намеками, словъ Корана объ откровеніяхъ Мухаммеду, дополняетъ слова Корана обширными легендами о дѣйствительности откровеній.

Опираясь преимущественно на эти послѣднія доказательства, какъ самыя ясныя, фактическія, мухаммеданинъ вѣритъ и говоритъ, что Исламъ въ порядкѣ Божественнаго откровенія, отъ Адама до Мухаммеда, есть послѣднее, совершеннѣйшее откровеніе, заканчивающее собою всѣ прежнія, и есть несомнѣнное Божественное откровеніе. Связанный предубѣжденіемъ въ Божественное происхожденіе своего вѣроученія, мухаммеданинъ не хочетъ разумно испытать, имѣетъ ли его вѣра въ Божественное происхожденіе Ислама твердое основаніе, есть ли въ положеніи, на которое она опирается, достоинство очевидной непререкаемой истины ([1]).

Имѣя въ виду обнаружить ошибочность взгляда мухаммеданъ на вѣроученіе Мухаммеда, мы оста-

([1]) Возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, предостерегаетъ насъ само истинное откровеніе, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они: потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. 1 Іоан. 4, 1.

навливаемъ вниманіе послѣдователя мухаммедова на вопросъ: могъ ли Мухаммедъ получить откровенія отъ Бога тѣми способами, какіе указываются въ Коранѣ и которые еще подробнѣе высказаны въ преданіи?

При всей очевидной для непредубѣжденнаго мыслителя нелѣпости способовъ сообщенія Мухаммеду откровеній, разсмотрѣть ихъ надлежащимъ образомъ и показать ихъ нелѣпость—дѣло почти и новое и по нѣкоторымъ отношеніямъ трудное. Обличавшіе лжеученіе мухаммеданское, или оставляли безъ вниманія эти способы сообщенія Мухаммеду откровеній, или упоминали объ нихъ мимоходомъ, въ немногихъ словахъ, ограничиваясь замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: „такія небылицы разсказывалъ Мухаммедъ для поддержанія своего пророческаго авторитета“; разсказы о ночномъ путешествіи Мухаммеда на небеса, оканчиваютъ отзывомъ: „подобныя нелѣпости сами себя обличаютъ, и по своей явной неправдоподобности не заслуживаютъ опроверженія“.—Мухаммеданина не убѣдятъ подобныя восклицанія, высказываемыя безъ доказательствъ, не ослабятъ его вѣры въ откровенія Мухаммеду. Вопросъ о дѣйствительности откровеній ему занимаетъ важное мѣсто въ системѣ мухаммеданскаго

вѣроученія, служитъ главною, даже можно сказать, единственною опорою ихъ преданности Исламу. Потому, чтобы убѣдить мухаммеданина въ ложности исповѣдуемой имъ религіи, требуется основательно доказать, что Мухаммедъ не могъ получить небесныхъ откровеній тѣми способами, о какихъ говоритъ Коранъ и преданіе. Для этой цѣли факты и свидѣтельства въ подтвержденіе своихъ мыслей мы будемъ выводить изъ разсказовъ мухаммеданскихъ писателей, которые будутъ имѣть больше значенія для мухаммеданина, убѣдительнѣе будутъ для него, чѣмъ свидѣтельства христіанскихъ писателей.

Трудность показать недѣйствительность способовъ, коими будто сообщалось свыше Мухаммеду откровеніе, увеличивается отъ того, что Мухаммедъ эти способы въ общихъ чертахъ своихъ старался сблизить съ истинными откровеніями. Но, конечно, ложь какъ ни старается прикрыть себя покровомъ истины, во внутреннемъ составѣ своемъ не имѣетъ стройности, силы, самостоятельности, что свойственно только истинѣ. Изъ поверхностнаго сходства ихъ съ истинными откровеніями еще не слѣдуетъ, чтобы ложь первыхъ нельзя было доказывать изъ нихъ самихъ: подложная, фальшивая монета по своей формѣ и общимъ чертамъ подобна истинной, но

частности обличаютъ ея поддѣльность при сравненіи ея съ истинною монетою.

Разсказы Корана и мухаммеданскаго преданія о способахъ сообщенія Мухаммеду откровеній, разсматриваемые въ связи съ окружающими ихъ обстоятельствами, покажутъ намъ, что они только чистый вымыслъ Мухаммеда; какъ ни старался онъ придать своему ученію признаки истинно-откровеннаго ученія, дѣло само себя обличаетъ, и по отношенію къ Мухаммеду въ этомъ случаѣ вполнѣ удобоприложимы слова св. Писанія: *солга неправда себѣ.* (Пс. XXVI, 12).

II.

Изложеніе способовъ, коими будто сообщалось свыше Мухаммеду откровеніе.

По единогласному свидѣтельству мухаммеданъ, небесныя откровенія ниспосланы были Мухаммеду тремя способами, изъ нихъ первый: явленіе Архангела Гавріила Мухаммеду на горѣ Харà, или призваніе Мухаммеда къ пророческому служенію (1);

(1) Призваніе Мухаммеда къ пророческому служенію названо особымъ способомъ откровеній потому, что это событіе мухаммедане отдѣляютъ отъ послѣдующихъ явленій ему Архангела Гавріила, доказывая имъ, что Мухаммедъ не самъ отъ себя вздумалъ учить другихъ, не самъ собою сдѣлался пророкомъ, выступилъ проповѣдникомъ новой вѣры, но призванъ былъ къ тому Самимъ Богомъ чрезъ Ангела, давшаго Мухаммеду первое откровеніе на горѣ Хара.

вторый: повременное, въ продолженіе 23-хъ лѣтъ жизни Мухаммеда, явленіе къ нему Архангела съ откровеніями; третій: ночное путешествіе Мухаммеда на небеса для непосредственнаго собесѣдованія съ Богомъ. Указаніе на каждый изъ этихъ способовъ откровенія мухамедане находятъ въ Коранѣ, дополняя слова его разсказами изъ преданія.

а) На призваніе Мухаммеда къ пророческому служенію, по общему согласію мусульманскихъ толковниковъ, Коранъ указываетъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: 96 гл. въ 1—5 ст. говорится: «Читай во имя Господа твоего, который сотворилъ міръ, который сотворилъ человѣка изъ сгустившейся крови! Читай! Всещедрый Господь твой научилъ употребленію пера, научилъ человѣка тому, чего онъ не зналъ». Другое мѣсто, указывающее на призваніе Мухаммеда къ пророческой должности, находится въ 74 гл. 1—6 ст. «О ты, закрывшій себя! встань и проповѣдуй, возвеличь Господа твоего, очисть одежды и удаляйся идолопоклонства». Прочитавъ эти слова Корана, мы не поймемъ, кому и кѣмъ они сказаны. Но толкователи Корана и знатоки мухаммеданскаго преданія, въ объясненіе этихъ мѣстъ говорятъ, что Архангелъ Гавріилъ, въ первый разъ явившись Мухаммеду, этими словами на-

чалъ съ нимъ бесѣду свою и открылъ ему волю Божію объ избраніи его въ пророка и проповѣдника Ислама. Джелаль-эд-динъ въ своемъ толкованіи на Коранъ говоритъ, что первая часть 96 гл. до конца 5 стиха была прежде всего открыта Мухаммеду въ пещерѣ горы Хара (1). Абульфеда въ жизнеописаніи Мухаммеда разсказываетъ: „въ годъ своей миссіи, на 40 году своей жизни, въ мѣсяцъ Рамазанъ, Мухаммедъ удалился на гору Хара (въ 3-хъ миляхъ отъ Мекки) со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ ту ночь (2), въ которую Богъ избралъ его своимъ пророкомъ, Гавріилъ, да будетъ надъ нимъ миръ, пришелъ къ нему и сказалъ: „Читай! Читай!—Какъ я буду читать, сказалъ Мухаммедъ.—Читай во имя Господа твоего, Который создалъ человѣка изъ сгущенной крови: Читай! достопокланяемый Господь твой научилъ человѣка употребленію пера; Онъ же научилъ людей тому, чего они не знали“. Пророкъ, прочитавши эти слова, пошелъ на средину горы и услышалъ съ не-

(1) Маракчи Refut. Alcorani стр. 811.

(2) Эта ночь, въ коранѣ (гл. 97) называемая Аль-кадръ, падаетъ, по болѣе общему мнѣнію мухаммеданъ на 27 число Рамазана. Въ эту ночь Коранъ, прототипъ земнаго Корана, снесенъ былъ Архангеломъ Гавріиломъ съ высшаго седьмаго неба на четвертое, дабы оттуда передавать Мухаммеду, по требованію обстоятельствъ, тѣ части его, которыя нынѣ составляютъ земной Коранъ.

ба голосъ, который говорилъ: о Мухаммедъ! ты пророкъ Божій, а я Гавріилъ! Мухаммедъ остановился на мѣстѣ и смотрѣлъ на Гавріила до той минуты, когда тотъ изчезъ: оттуда онъ возвратился къ Хадиджѣ и разсказалъ ей все, что видѣлъ. Радуйся, сказала она: клянусь тѣмъ, Который держитъ душу Хадиджы въ своихъ рукахъ; я вѣрю, что ты будешь пророкъ нашего народа. Потомъ Хадиджа отыскала Вараку, своего двоюроднаго брата, которому разсказала все, что слышала отъ Мухаммеда. Боже Святый! вскричалъ Варака, клянусь тѣмъ, который держитъ въ рукахъ своихъ душу Вараки, если ты сказала мнѣ правду, Хадиджа, это Гавріилъ, тотъ, который ходилъ нѣкогда къ Моссею, сыну Имрама, явился твоему супругу, и безъ сомнѣнія онъ будетъ пророкомъ нашего народа. Хадиджа возвратилась отъ него тотчасъ къ пророку Божію и передала ему слова Вараки. Наконецъ, когда кончилось время уединенія, пророкъ возвратился съ горы въ городъ, сдѣлалъ семь обходовъ около Каабы и вошелъ въ свое жилище(1). Абульфеда, сказавъ о призваніи Мухаммеда къ пророческой должности, непосредственно при-

(1) Vie de Moham. par Abulfèda, p. 12, 13.

совокупляетъ: „съ этого времени Божественныя откровенія безпрерывно стали посѣщать Мухаммеда, и рѣшимость его возвѣщать ихъ другимъ была такъ непреклонна, что ни какая сила въ цѣломъ мірѣ не могла поколебать ея(1). Разсказъ Измаилибнъ-Алія, сходный во многомъ съ разсказомъ Абульфеды, представляетъ новыя черты. По его словамъ, когда Мухаммедъ отказался читать то, что велѣлъ ему ангелъ, тогда послѣдній повергъ его на землю и сдѣлалъ ему большія непріятности и только троекратнымъ принужденіемъ заставилъ его читать. Послѣ видѣнія ангела, Мухаммедъ въ великомъ страхѣ приходитъ къ Хадиджѣ, приказываетъ прикрыть себя одеждами, видитъ въ этомъ событіи что-то недоброе для себя; но Хадиджа успокоиваетъ его, представляя, что онъ превосходитъ благочестіемъ и вѣрою всѣхъ смертныхъ и ничего не долженъ страшиться. Хадиджа приводитъ Мухаммеда къ Варакѣ, слѣпому отъ старости, который прежде былъ идолопоклонникомъ, а въ это время христіаниномъ. Варака предсказываетъ Мухаммеду, что онъ будетъ пророкомъ своего отечества, но изгонится изъ него своими согражданами. По возвращеніи

(1) Его слова помѣщаетъ Маракчи: vita et res gestae a Moham. p. 15.

изъ уединенія, послѣ своего призванія, Мухаммедъ долго не видитъ ангела, отъ чего предается сильной печали, удаляется въ горы и покушается низвергнуть себя съ стремнины, но Гавріилъ удерживаетъ его отъ этого покушенія представленіемъ, что онъ посланникъ Божій, и только послѣ продолжительныхъ уговоровъ заставляетъ Мухаммеда повѣрить себѣ, заставляетъ удалиться съ горы. На пути въ Мекку всѣ камни, деревья и растенія поздравляютъ Мухаммеда съ пророческимъ званіемъ". Мухаммеданскій писатель сочиненія: „Признаки руководства по прямому пути", не опредѣляя точно времени призванія Мухаммеда къ пророческой должности, только замѣчаетъ, что Мухаммедъ съ 37 года своей жизни, когда бывалъ при стадѣ дяди своего Абу-Талеба, видѣлъ неоднократно ангела, который поздравлялъ его съ достоинствомъ посланника Божія. Однажды Мухаммедъ спросилъ его-кто онъ таковъ? ангелъ назвалъ себя Гавріиломъ, посланнымъ отъ Бога, возвѣстить ему Божественное посланничество. По словамъ мухаммеданскаго писателя Алія-ибнъ-Ибрагима, Мухаммедъ на 40-мъ году своей жизни принялъ отъ Гавріила слѣдующія слова Алкорана: „очевидно предписывается тебѣ удаляться отъ всякаго идолослуженія"; потомъ

взошелъ на камень и началъ проповѣдывать жителямъ Мекки, что Богъ Единъ, а Мухаммедъ посланникъ Божій.—Такимъ образомъ приведенные нами мусульманскіе писатели призваніе Мухаммеда къ пророческой должности передаютъ намъ въ различныхъ противоположныхъ чертахъ, и каждый изъ нихъ основываетъ свой разсказъ, по собственнымъ словамъ, на несомнѣнномъ преданіи, со словъ самого Мухаммеда.

б) Въ продолженіи 23 лѣтняго пророческаго служенія Мухаммеда, Архангелъ Гавріилъ передавалъ ему все, чему онъ училъ другихъ. На это указываетъ Коранъ во многихъ мѣстахъ; мы приведемъ здѣсь болѣе ясныя изъ нихъ, присоединивъ къ сему разсказы, коими мухаммеданское преданіе дополняетъ эти мѣста Корана. Гл. 11, 98: „Гавріилъ по повелѣнію Божію низвелъ его (Коранъ) на твое сердце, въ подтвержденіе того, что прежде было открыто, для руководства и благовѣстія вѣрнымъ“. Гл. 16, ст. 101: „Когда мы въ замѣнъ одного стиха (Корана) даемъ другой, они говорятъ: ты выдумщикъ ихъ. Нѣтъ: большая часть изъ этихъ людей ничего не разумѣютъ. Скажи: духъ святый по истинѣ приноситъ его отъ Господа твоего для утвержденія вѣрующихъ, въ наставленіе и благовѣ-

стіе мусульманамъ". Въ 105—106 ст. гл. 17 говорится: „Дѣйствительно мы низпослали его (Коранъ) и дѣйствительно онъ низшелъ, и тебя, Мухаммедъ, мы послали только благовѣстникомъ и возвѣстителемъ угрозъ. Мы по частямъ открываемъ Коранъ, чтобы ты читалъ его людямъ съ отдохновеніемъ. Дѣйствительно онъ наше откровеніе". Гл. 81, ст. 14—24: „Клянусь звѣздами скрывающимися и планетами закатывающимися, клянусь ночью, когда она темнѣетъ, зарею, когда она яснѣетъ, что Коранъ есть слово посланника достоуважаемаго, одареннаго силою предъ владыкою трона; (посланника) крѣпкаго, послушнаго, вѣрнаго, и что вашъ согражданинъ не одержимъ бѣсомъ, онъ видѣлъ его на ясномъ горизонтѣ небесномъ, и не сомнѣвался въ тайнахъ откровеній этихъ. Слова эти не суть слова сатаны, пораженнаго каменьями". Гл. 75 ст. 17—21: „Не ворочай языка своего, чтобы скорѣе прочитать Коранъ, потому что наше дѣло собрать его и читать; а когда читаемъ его тебѣ, слѣдуй за его чтеніемъ: послѣ того наше дѣло изъяснить его тебѣ". Джелаль-эд-динъ такъ объясняетъ эти слова Корана: „Когда надобно будетъ тебѣ (Мухаммедъ) читать Коранъ (слова Корана. отъ лица Бога), ты не ворочай языка твоего прежде, чѣмъ кончитъ

это чтеніе Гавріилъ; не торопись въ этомъ дѣлѣ, чтобы онъ не удалился отъ тебя. Ибо наше дѣло слагать его въ твоемъ сердцѣ и паучать тебя произносить его языкомъ твоимъ; потому, когда мы читаемъ его чрезъ Гавріила, ты слѣдуй его чтенію, вслушиваясь въ его чтеніе. Пророкъ Божій, исполняя слова сіи, прежде выслушивалъ Гавріила, а послѣ уже самъ читалъ".

Преданіе говоритъ, что ангелъ сносилъ Мухаммеду откровенія по частямъ, по одной главѣ, по одному даже стиху, и сносилъ всегда то, что нужно было Мухаммеду по обстоятельствамъ его жизни: всѣ толковники мухаммеданскіе согласно утверждаютъ, что каждая глава изъ Корана открыта была по поводу какого-нибудь обстоятельства изъ жизни Мухаммеда. Ангелъ являлся къ Мухаммеду съ откровеніями иногда невидимо для самаго Мухаммеда, иногда видимо, какъ для него самаго, такъ и для другихъ лицъ, его окружавшихъ. Видимо являлся Ангелъ Мухаммеду въ обыкновенномъ человѣческомъ образѣ и по большей части въ образѣ Дахіи-эль-Келеби, одного изъ друзей (асхабовъ) Мухаммеда; иногда въ образѣ неизвѣстнаго человѣка, въ которомъ самъ только Мухаммедъ узнавалъ небеснаго посѣтителя. Вотъ одинъ изъ разсказовъ о явленіи

Архангела Гавріила Мухаммеду, переданный Таджъ-уд-диномъ([1]): «Великій Гавріилъ по временамъ, оставляя дерево Лотосъ, составляющее предѣлъ мірозданія, входилъ въ рукавъ одежды Мухаммеда и приносилъ ему тайны откровенія. Богъ это совершалъ такъ, что не уменьшалъ величины Гавріила и не увеличивалъ рукава у одежды пророка, тогда какъ у Гавріила пять сотъ крыльевъ и пространство каждаго изъ нихъ есть пространство пятисотлѣтняго пути. Говорятъ, что Гавріилъ, принося къ пророку откровенія, не всегда являлся въ своемъ образѣ, но по большей части въ образѣ Дахіи-эль-Келеби». Рейскіе Богословы утверждаютъ, что пророкъ въ свою жизнь только одинъ разъ видѣлъ Гавріила въ настоящемъ, естественномъ его образѣ. Въ Багавіевомъ толкованіи на Коранъ разсказывается: «однажды пророкъ сказалъ Гавріилу: другъ мой! покажи мнѣ настоящій, истинный твой образъ! Гавріилъ отвѣчалъ: Мухаммедъ! Ты не можешь этого стерпѣть. Пророкъ говоритъ: пѣтъ, хочу видѣть! Гавріилъ сказалъ: поди на Мединское кладбище Бекій; въ какой-либо день тамъ я покажу тебѣ мой образъ, въ которомъ сотворилъ меня Вышній». Получивъ это обѣщаніе, пророкъ въ

(1) Рисалян Газвая стр. 21.

одинъ день пришелъ на кладбище Бекій; тамъ онъ увидѣлъ Гавріила въ его естественномъ образѣ: Архангелъ крыльями своими закрылъ все небо. Пророкъ, изумленный видѣніемъ, безъ чувства упалъ на землю. Чрезъ нѣсколько времени онъ опамятовался, а Гавріилъ, перемѣнивъ образъ, принялъ видъ Дахіи-эль-Келеби».

Изъ многихъ разсказовъ о явленіи Гавріила Мухаммеду въ образѣ неизвѣстныхъ лицъ приводимъ слѣдующій: «въ одинъ день Мухаммедъ бесѣдовалъ съ своими друзьями: въ бесѣду ихъ явился Гавріилъ; лице у него было бѣлое, волосы черные; онъ былъ одѣтъ въ бѣлую одежду. Никто не зналъ, кто былъ этотъ посѣтитель. Преклонивъ колѣна къ колѣнамъ пророка и положивъ на нихъ свои руки, онъ спросилъ: Мухаммедъ, въ чемъ состоитъ вѣра? пророкъ отвѣчалъ: въ томъ, чтобы вѣровать въ Бога Вышняго, ангеловъ Его, въ книги откровенія, въ пророковъ, въ день всеобщаго воскресенія, также чтобы знать, что добро и зло въ мірѣ отъ вседѣйствія Божія и что по смерти будетъ воскресеніе. Неизвѣстный посѣтитель сказалъ: истину говоришь, Мухаммедъ; и еще спросилъ: въ чемъ состоитъ Исламъ (преданность Богу, мухаммеданская дѣятельность)? пророкъ сказалъ: Исламъ состоитъ

въ исповѣданіи, что нѣтъ Бога, кромѣ истиннаго Бога (Аллаха), что Мухаммедъ посланникъ Божій; также въ совершеніи молитвы, въ подаяніи милостыни, въ постѣ во время мѣсяца Рамазана и въ хожденіи, если достанетъ силъ, на поклоненіе въ Каабу. Тотъ человѣкъ сказалъ: истину говоришь Мухаммедъ, и далѣе спросилъ: въ чемъ состоитъ благочестіе? пророкъ отвѣчалъ: въ сознаніи вездѣприсутствія Божія, или по крайней мѣрѣ въ томъ, чтобы знать и говорить: Всевышній Господь видитъ меня. Неизвѣстный сказалъ: истину говоришь. Сказавъ послѣднія слова, онъ скрылся отъ лица пророка. Пророкъ, обратившись къ Омару, спросилъ: знаешь ли, Омаръ, кто теперь приходилъ сюда. Омаръ отвѣчалъ: это знаетъ Господь и знаетъ посланникъ Господа. Пророкъ сказалъ: это былъ Гавріилъ; онъ приходилъ дать вамъ наставленіе въ вѣрѣ».

Когда Архангелъ невидимо для другихъ являлся Мухаммеду для сообщенія откровеній, его приходъ сопровождался для Мухаммеда странными послѣдствіями. Мухаммедъ, по разсказу его послѣдователей, приходилъ въ ужасное положеніе. Инсанъ-эль-Уйонъ приводитъ преданіе, основывающееся на словахъ жены Мухаммедовой Айши, которое говоритъ: «пророкъ находился въ необыкновенно за-

трудительномъ положеніи, какъ скоро являлся ему Ангелъ: при самомъ сильномъ холодѣ со лба его струился потъ, его глаза дѣлались красными, и по временамъ онъ мычалъ, какъ молодой верблюдъ». Зейдъ-ибнъ-Сабитъ разсказываетъ: «когда были откровенія пророку, онъ находился въ очень затруднительномъ положеніи; однажды въ такое время его нога упала на мою ногу и, клянусь Богомъ, что не будетъ ни у кого такой тяжелой ноги, какъ у посланника Божія». Иногда ему было сообщаемо откровеніе въ то время, когда онъ сидѣлъ на своемъ верблюдѣ: тогда верблюдъ дрожалъ такъ, что думали, что онъ сейчасъ умретъ и онъ обыкновенно падалъ на колѣни». «Когда пророкъ получалъ откровенія, думали, что душа изъ него выходитъ, тогда онъ впадалъ въ нѣкоторый родъ обморока и озирался, какъ пьяный». Въ собраніи преданій Мослема Абу-Гурейра разсказываетъ: «когда откровеніе низходило къ Мухаммеду, никто изъ насъ не смѣлъ поднять на него своихъ глазъ; онъ дѣлался злымъ, если на него смотрѣли; его лице покрывалось пѣною, его глаза закрывались и нѣсколько разъ онъ мычалъ, какъ верблюдъ»([1]).

([1]) Всѣ эти преданія приводитъ Вейль въ «Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre». 1843 г. стр. 43 прим. 48.

с) О путешествіи Мухаммеда по седьми небесамъ Коранъ, по словамъ его толкователей, говоритъ въ 2-хъ мѣстахъ. Первое мѣсто, служащее основаніемъ вѣры въ ночное путешествіе, находится въ словахъ гл. 17 ст. I: «Хвала тому, который во время одной ночи перенесъ своего раба изъ священнаго храма въ отдаленный храмъ, котораго окрестности мы благословили, чтобы показать ему наши чудеса». Второе указаніе на восхожденіе Мухаммеда на небеса заключается въ 13—19 ст. 53 главы Корана: «Онъ видѣлъ его въ другой разъ при Лотосѣ, составляющемъ границу міра, при райскомъ селеніи, когда Лотосъ покрытъ былъ тѣмъ, что его покрывало. Его очи не отвратились и не обманули его; дѣйствительно онъ видѣлъ нѣкоторыя величайшія чудеса Господа своего». По единогласному свидѣтельству мухаммеданскихъ толковниковъ здѣсь рѣчь идетъ о ночномъ путешествіи Мухаммеда по небесамъ.

Вотъ что разсказываетъ преданіе объ этомъ путешествіи. Въ двѣнадцатый годъ Мухаммедова пророческаго служенія, ночью, когда онъ лежалъ съ Айшею, любимѣйшею изъ всѣхъ своихъ женъ([1]),

---

([1]) О женахъ Мухаммеда см. Миссіонерскій противомусульманскій Сборникъ вып. X, въ приложеніи, стр. 6—38.

онъ слышитъ у двери стукъ; отворивши двери, онъ увидѣлъ Ангела Гавріила, у котораго было 70 паръ крыльевъ, распростертыхъ по бокамъ его, бѣлѣе снѣга и чище хрусталя(1). Яхъя-ибнъ-Салямъ и Мухаммедъ-ибнъ-Абдалла и Джелаль-эддинъ(2) такъ заставляютъ Мухаммеда разсказывать свое путешествіе по небесамъ: «Когда я, посланникъ Божій, находился около Меккскаго храма (Каабы), пришелъ ко мнѣ нѣкто, который разсѣкъ мою грудь подъ горломъ, вынулъ мое сердце, обмылъ его водою изъ источника Земземъ и положилъ на прежнее мѣсто. У Гавріила золотые кудри небрежно разсыпались по плечамъ, высокое чело его выражало божественное веселіе, золотая діадема его со словами: «нѣтъ Бога, кромѣ истиннаго Бога», украшала его голову. Мантія его казалась сотканною изъ золота и жемчуговъ, облако носилось надъ нимъ и придавало ему чудный видъ. «Возстань, спящій, и слѣдуй за мной къ престолу Божію», сказалъ ему Гавріилъ, «встань и надѣнь мантію». Въ это время молнія пронеслась по небесному своду и разразилась на землѣ; явился Эль-

(1) Придо въ жизни Мухаммеда стр. 41.

(2) Ихъ слова передаетъ буквально Маракчи: Prodrom. ad Refutat. Alcor. pars secunda, p. 17.

боракъ, который сіялъ подобно солнцу; тѣло его состояло изъ алмазовъ и драгоцѣнныхъ камней, грива блистала бѣлизною, какъ жемчугомъ, уши изумрудныя и сверкающіе глаза, какъ два яхонта. Эль-боракъ влекъ за собою огненный хвостъ, какъ хвостъ кометы, имѣлъ лице прекрасной дѣвы. Онъ разумѣлъ слова и только не отвѣчалъ. Два крыла вѣяли по бокамъ его, благоуханіе дымилось изъ ноздрей, прекрасная узда изъ изумрудовъ и яхонта небрежно лежала на хребтѣ его. Удивленный такимъ видомъ Мухаммедъ протянулъ руку удостовѣриться, не мечта ли это. Но Эль-боракъ фыркалъ, становился на дыбы. Въ эту минуту Гавріилъ положилъ крѣпкую руку свою на спину животнаго и сказалъ: Эль-боракъ! ужели ты не согласенъ носить друга Божія, вѣнецъ пророковъ? Конь согнулся, пророкъ сѣлъ на него, и онъ быстрѣе молніи понесъ его къ Іерусалиму(1). По другимъ(2), — Мухаммедъ не вдругъ сѣлъ на Эль-борака; когда Мухаммедъ хотѣлъ сѣсть на Эль-борака, онъ обращался въ бѣгство. Когда же Мухаммедъ ска-

(1) Эти описанія Гавріила и Эль-борака заимствуются изъ татарской рукописи. Сравн. Жизнь Магомета. Соч. Вашингтона Ирвинга. Перев. съ англійск. Петра Кирѣевскаго. Москва. 1857 г., стр. 80—91. Ред.

(2) Рякордо заимствуетъ этотъ разсказъ изъ мухаммеданскаго писателя и приводитъ его въ Cont. Alcor. c. 14.

залъ ему: «стой смирно! я, Мухаммедъ, хочу на тебя сѣсть»; Эль-боракъ спросилъ его: «кто тебя послалъ сѣсть на меня»? онъ отвѣчалъ: «Гавріилъ». Тогда животное сказало: «не позволю сѣсть на себя, если прежде не помолишся обо мнѣ Богу». Мухаммедъ помолился за него Богу и уже безпрепятственно сѣлъ на него. Когда Мухаммедъ ѣхалъ ко храму Іерусалимскому, то услышалъ голосъ, съ правой стороны, три раза повторенный: «Мухаммедъ остановись на нѣсколько времени, прошу тебя». Но я продолжалъ путь, говоритъ Мухаммедъ; тотъ же голосъ услышалъ я съ лѣвой стороны пути и объ немъ не позаботился. Потомъ я видѣлъ жену прекраснѣйшую, блиставшую украшеніями; она простирала ко мнѣ объятія: я не отвѣчалъ ей ничего и нисколько не помышлялъ объ ней. Когда я прибылъ ко храму Іерусалимскому, то привязалъ Эль-борака къ кольцу, къ которому привязывали его пророки. Вошедъ во храмъ, я помолился въ немъ, дважды поклонившись въ землю. Когда я вышелъ изъ храма, Гавріилъ принесъ мнѣ сосудъ вина и сосудъ молока; я взялъ сосудъ молока. Гавріилъ похвалилъ меня за это и изъяснилъ мнѣ, что голосъ, слышанный съ правой стороны мною, былъ призывомъ къ Іудейству, которому еслибы я

послѣдовалъ, то народъ мой сдѣлался бы Іудействующимъ, а голосъ съ лѣвой стороны былъ побужденіемъ къ Христіанству, которому если бы я послѣдовалъ, то народъ мой держался бы Христіанства. Звавшая тебя женщина, сказалъ мнѣ Гавріилъ, есть міръ, которому ты предался бы, если бы кинулся въ объятія этой женщины». Во храмѣ явились къ Мухаммеду всѣ пророки и святые, уже умершіе, чтобъ поздравить его, и сопровождая его въ великій притворъ, просили у него за себя молитвъ и потомъ удалились. Вышедши изъ храма съ Гавріиломъ, Мухаммедъ нашелъ лѣстницу изъ свѣта, для нихъ приготовленную, по которой они и пошли, оставивши до своего возвращенія Эль-борака привязаннымъ къ тому самому камню, или столбу, къ которому прежде привязывали его пророки.

Послѣ сего Мухаммедъ и Гавріилъ пришли къ прекраснѣйшему изъ всѣхъ мѣсту, гдѣ просидѣвъ немного, взошли на первое небо,—небо луны. Гавріилъ постучался въ дверь; его спросили, кто онъ; онъ сказалъ: я Гавріилъ, а кто съ тобой? спросили его; онъ отвѣчалъ: Мухаммедъ. Небожители спросили: ужели онъ сдѣланъ пророкомъ? Да, отвѣчалъ Гавріилъ. Благословенъ и счасливъ приходъ

твой (т. е. добро пожаловать), сказали на это небожители и отворили имъ двери. (Эти переговоры повторяются предъ дверми каждаго неба). Когда они вошли на небо, имъ на встрѣчу шелъ сѣдой старецъ. Мухаммедъ спросилъ Гавріила: кто это? Тотъ отвѣчалъ: это твой праотецъ Адамъ. Тогда Адамъ облобызалъ Мухаммеда и ласково разговаривалъ съ нимъ. И вотъ души понеслись къ нему: когда проходила мимо его душа вѣрная, онъ говорилъ: добрый духъ, и запахъ добрый; когда проходила мимо его душа невѣрная, онъ говорилъ: злой духъ, и запахъ злой. Потомъ Мухаммедъ увидѣлъ души, обложенныя гнилою плотію, о которыхъ онъ узналъ отъ Гавріила, что это были любодѣи и развратные. Это небо состояло изъ дыма и тонкаго эѳира. Между Ангелами, здѣсь находящимися, особенно отличались три великіе ангела: Михаилъ, владыка водъ, неба и земли; Азраилъ, мститель преступленій, пороковъ, наказующій смертныхъ мученіями и землетрясеніемъ,—ангелъ Асмаилъ, стражъ небесъ; войско послѣдняго состояло изъ 70,000 ангеловъ, изъ коихъ каждый имѣлъ у себя войска по 70,000. На этомъ небѣ Мухаммедъ увидѣлъ звѣзды, величиною съ гору Нохо, повѣшенныя на золотыхъ цѣпяхъ; ангелы охраняли это

небо отъ демоновъ, не допуская ихъ узнавать тайны неба. На этомъ же небѣ были ангелы, изъ которыхъ у однихъ былъ образъ человѣческій, у другихъ птичій, а у третьихъ образъ звѣрей. Въ числѣ имѣющихъ образъ птичій Мухаммедъ увидѣлъ пѣтуха, который былъ бѣлъ, какъ снѣгъ, и такъ великъ, что стоя на первомъ небѣ, головою касался, по однимъ, втораго неба, а по другимъ, седьмаго неба и престола Божія; крылья его были покрыты корбункуломъ и жемчугомъ; одно крыло доставало до востока, другое до запада. Пѣтухъ этотъ былъ главнѣйшій ангелъ пѣтуховъ, который къ рабу, поющему ежеутренно святый гимнъ, присовокупляетъ и свой голосъ, столь громкій, что его слышатъ всѣ живущіе на небѣ, и на землѣ, исключая людей и геніевъ. Предъ послѣднимъ днемъ суда Богъ велитъ ему опустить крылья и болѣе не пѣть, что будетъ знакомъ приближенія сего дня для всѣхъ живущихъ на небесахъ и на землѣ, кромѣ людей и геніевъ; они не слыша его пѣнія, не могутъ замѣтить и его молчанія.

На второмъ небѣ, послѣ такихъ же переговоровъ, какъ и на первомъ, спросили Гавріила: ужели Мухаммеду посланъ даръ пророчества? Гавріилъ отвѣчалъ утвердительно. Это небо отстояло на 500

лѣтъ пути отъ перваго; пространство это было наполнено цвѣтомъ яркаго стекла; врата неба были изъ бронзы и отворены, а по другимъ заперты; второе небо состояло изъ чистаго золота; на немъ Мухаммедъ встрѣтилъ двухъ сыновей отъ сестеръ: Іоанна и Іисуса, которые поздравляли его и ласково бесѣдовали съ нимъ. Здѣсь же онъ встрѣтилъ Ноя, который препоручилъ себя его молитвамъ.

На третьемъ небѣ Мухаммедъ нашелъ Іосифа, который имѣлъ изящнѣйшую красоту, поздравилъ его и ласково бесѣдовалъ съ нимъ. Это небо состояло изъ драгоцѣнныхъ камней; врата его были изъ алмазовъ; здѣсь между безчисленными ангелами Мухаммедъ увидѣлъ одного, величина котораго была такъ громадна, что разстояніе между двумя глазами было на 70,000 дней земной ѣзды, вышина его 14,000 лѣтъ пути. Ангелъ этотъ имѣлъ предъ собою большой столъ, на которомъ непрестанно писалъ и стиралъ. Гавріилъ изъяснилъ Мухаммеду, что это былъ ангелъ смерти, который пишетъ имена родившихся, исчисляетъ ихъ дни, и когда они исполняютъ предопредѣленное число, стираетъ ихъ имена и они умираютъ. Мухаммедъ шепталъ: „и такъ вотъ убійца живущихъ, истребитель предметовъ, любезныхъ моему сердцу“. „Я выполнялъ

приказаніе Великаго“, возгласилъ ангелъ, и слова его повторились эхомъ, подобно громамъ небеснымъ, —„я сбираю съ древа жизни перезрѣлые плоды“.

На четвертомъ небѣ они нашли Эдриса (Эноха), который вышелъ имъ на встрѣчу. Это небо состояло изъ изумруда, а по другимъ изъ чистаго серебра. Здѣсь былъ ангелъ, который горько плакалъ, по изъясненію Гавріила, о грѣхахъ человѣческихъ, и о погибели, которую люди навлекли на себя ими. По другимъ сказаніямъ здѣсь Мухаммедъ вмѣсто Эноха встрѣтился съ Іосифомъ, а по другимъ съ Адамомъ.

На пятомъ небѣ нашли Аарона, который въ это время имѣлъ ту особенность, что половина его бороды была чрезвычайно бѣла, а другая половина черна. Это небо состояло изъ бриліантовъ, по другимъ изъ чистаго золота; петли и вереи воротъ его были золотыя; надъ ними сіяла надпись: „Аллахъ ахадъ ва пебейю-гу Мухаммедъ (Богъ единъ и Мухаммедъ пророкъ его)“. Эти слова облегчили сердце Мухаммеда. По сказаніямъ другихъ, онъ здѣсь встрѣтился не съ Ааропомъ, а съ Моуссемъ; иные говорятъ, что онъ здѣсь ничего не видалъ, кромѣ зіяющей пропасти шипящаго пламени, которое клу-

билось въ неизмѣримой глубинѣ ея; все пространство казалось текущею огненною рѣкою: на престолѣ сидѣло видѣніе злобнаго, отвратительнаго вида, искры сыпались изъ глазъ его; въ правой рукѣ оно держало огненное копье, вкругъ него пресмыкались гады; голосъ осужденныхъ на мученія въ семъ мѣстѣ, казалось, услаждалъ слухъ его. Холодный потъ выступилъ на челѣ Мухаммеда; онъ спросилъ Гавріила: кто этотъ духъ? Это Иблисъ — отвѣчалъ тотъ; его наказанія будутъ еще мучительнѣе въ будущемъ вѣкѣ.

Съ пятаго неба Мухаммедъ и Гавріилъ перенеслись на шестое. Это небо состояло изъ корбункула, а по сказаніямъ другихъ, изъ кристалла. На этомъ небѣ Мухаммедъ встрѣтился съ Моисеемъ, который поздравилъ его, назвалъ своимъ братомъ и сказалъ: сыны Израилевы признавали честнѣйшимъ изъ всѣхъ созданій меня, но ты честнѣе меня предъ Богомъ. По сказаніямъ другихъ на этомъ небѣ Мухаммедъ, вмѣсто Моисея, встрѣтилъ Іоанна Крестителя. Великій духъ занималъ средину этого неба; его окружали другіе ангелы, хранители земли и небесъ; здѣсь смѣшаны всѣ стихіи и пока міръ существуетъ, небо это сохранитъ свой видъ, но въ день всеобщаго разрушенія измѣнится.

Наконецъ Мухаммедъ и Гавріилъ прибыли на седьмое небо: оно состояло изъ божественнаго свѣта, который окружилъ Мухаммеда. Они нашли здѣсь Авраама, живущаго въ домѣ, въ который ежедневно входятъ, для постояннаго жилища въ немъ, 70,000 ангеловъ. Авраамъ поздравилъ Мухаммеда и ласково бесѣдовалъ съ нимъ. Около Авраама былъ народъ многочисленный: одна часть его была въ бѣлыхъ одеждахъ, а другая въ одеждахъ мѣднаго цвѣта. Но они были всѣ вмѣстѣ смѣшаны. И Мухаммедъ узналъ, что это тѣ, которые смѣшали добрыя дѣла съ худыми. Мѣсто это было жилищемъ Мухаммеда и его народа. По сказаніямъ другихъ здѣсь Мухаммедъ увидѣлъ вмѣсто Авраама Іисуса Христа, который просилъ за себя помолиться Богу([1]). Потомъ они пришли къ дереву Лотосу (сидрятуль-мунтагп), которое было красивѣйшимъ изъ всѣхъ, сотворенныхъ Богомъ вещей; одинъ листъ этого дерева могъ бы всѣхъ покрыть; на каждомъ листѣ его сидѣло по ангелу. Подъ этимъ деревомъ протекалъ источникъ (сальсабиль), изъ котораго вытекаютъ два ручья—Рогматъ и Кевсеръ.

([1]) Придо говоритъ, что не Іисусъ Христосъ просилъ за себя молитвъ у Мухаммеда, но что сей послѣдній просилъ его молитвъ за себя. Жизнь Мухаммеда въ русск. пер. Колмакова стр. 47.

Мухаммедъ омылся въ Рогматѣ и ему отпущены были всѣ грѣхи, какъ прошедшіе, такъ и будущіе. Потомъ вошедши въ источникъ Кевсеръ и переплывъ его, достигъ рая, гдѣ были птицы, похожія на персидскихъ верблюдовъ. Разнообразны разсказы о томъ, что Мухаммедъ видѣлъ въ раю. Источникъ Кевсеръ простирался въ длину и ширину на 70,000 дней пути; его воды сладки и достаточны для такого числа людей, какое будетъ число вѣрныхъ на небѣ. Тутъ были отроки и отроковицы, назначенныя мухаммеданамъ, и такія прекраснѣйшія, что еслибы одно изъ этихъ лицъ появилось на небѣ во время ночи, то освѣтило бы весь міръ свѣтлѣе солнца, и если бы одно изъ нихъ плюнуло въ море, то соленыя и горькія воды его перемѣнились бы въ сладкія и пріятныя. Мухаммедъ, по разсказу одного мусульманскаго писателя, на этомъ небѣ видѣлъ сонмъ ангеловъ, изъ коихъ каждый былъ больше тысячи міровъ; каждый имѣлъ войска 70,000 ангеловъ, изъ коихъ каждый имѣлъ 70,000 головъ, въ каждой головѣ было 70,000 устъ, въ коихъ по 70,000 языковъ, хвалящихъ Бога на 70,000 парѣчіяхъ. Въ раю Мухаммедъ увидѣлъ отроковицу, у которой спросилъ: кому ты уготована, отроковица? она отвѣчала: Зейду-ибнъ-Харесу. По-

томъ онъ видѣлъ огонь геенскій и наказанія, которымъ не могли противостоять ни камень, ни желѣзо. Потомъ возвратился я (такъ заставляютъ разсказывать Мухаммеда его послѣдователи) къ дереву Лотосу, далѣе котораго нельзя было идти. И открылъ въ немъ по повелѣнію Божію то, что открылъ; и по каждой вѣтви его восходилъ ангелъ и Богъ поддерживалъ его своими руками. Тогда самъ Богъ повелѣлъ мнѣ совершать 50 молитвъ на каждый день; когда я возвратился къ Моусею, онъ сказалъ мнѣ: что учредилъ тебѣ Господь твой? 50 молитвъ на каждый день и ночь далъ мнѣ, сказалъ я. Тогда Моусей сказалъ мнѣ: воротись къ Господу твоему и проси Его уменьшить ихъ, ибо не можетъ исполнить ихъ народъ твой; я уже испыталъ это на сынахъ израилевыхъ. Я воротился къ Господу моему и сказалъ: Господи! уменьши молитвы народу моему, онъ не можетъ исполнять ихъ,—и Господь уменьшилъ 5 молитвъ. Когда я возвратился къ Моусею, онъ спросилъ у меня: что учредилъ для тебя Господь твой? я отвѣчалъ: уменьшилъ пять молитвъ. Иди, сказалъ онъ, къ Господу твоему, и умоляй Его еще уменьшить ихъ, ибо не можетъ и сего исполнить народъ твой. Я возвратился къ Господу, который уменьшилъ еще пять молитвъ.

Я не переставалъ ходить и возвращаться отъ Моусея къ Богу, пока не сказалъ мнѣ Богъ: „Мухаммедъ! не хочу болѣе отмѣнять того, что опредѣлилъ, ибо мои законы неизмѣнны. Пять молитвъ предписываются тебѣ каждый день и ночь, чтобы каждая изъ нихъ равнялась десяти молитвамъ такъ, чтобы въ цѣлости было 50 молитвъ". Я возвратился къ Моусею и разсказалъ ему это; онъ сказалъ мнѣ: возвратись къ Господу твоему и умоляй Его, чтобы Онъ уменьшилъ и это число. Но посланникъ Божій сказалъ: стыдно мнѣ опять возвращаться къ Нему; узнай величіе, славу и доброту Господа моего. Послѣ этого Мухаммедъ съ Гавріиломъ опять отправился къ Іерусалиму.

Относительно этого разсказа существуютъ прибавленія и разности. Гавріилъ, приведши Мухаммеда на седьмое небо, отказался далѣе слѣдовать съ Мухаммедомъ и велѣлъ ему одному совершать путь до престола Божія. Онъ совершилъ его съ великимъ трудомъ, переходя чрезъ воды и снѣгъ; наконецъ услышалъ голосъ: „Мухаммедъ! поклонись твоему Создателю". Восходя далѣе, онъ увидѣлъ такой свѣтъ, котораго не могли снести глаза его. Здѣсь было жилище Всевышняго. На правой сторонѣ его было написано арабскими буквами имя

Божіе и имя Мухаммеда. Сидя на престолѣ своемъ, Богъ имѣлъ предъ лицемъ 70 покрововъ изъ различныхъ тканей. Богъ дружески бесѣдовалъ съ Мухаммедомъ, далъ ему многія преимущества и отличія предъ другими людьми, между прочимъ то, что онъ будетъ обладать знаніемъ языковъ и добыча, пріобрѣтенная войною, должна принадлежать ему одному. Хоры Ангеловъ съ Херувимами наполняли пространство седьмаго неба и сопровождали Мухаммеда до Азрафаила, предъ глазами коего лежала золотая доска, на которой онъ записывалъ дѣянія людей. Престолопосецъ Божій разсѣялъ туманъ,—и очамъ Мухаммеда представились четыре рѣки. Раздался трубный звукъ—и духи пали на колѣна: ибо поколебались,—и громовой голосъ воскликнулъ: „Ангелы! поднимите завѣсу тайны предъ Мухаммедомъ“. Облако разсѣялось,—и престолъ Божій въ неизреченномъ свѣтѣ открылся Мухаммеду; вдругъ раздался голосъ: „избранный! приближайся къ св. Владыкѣ“. Невидимая сила подняла Мухаммеда и приблизила къ облаку и онъ стоялъ предъ Творцемъ своимъ, котораго онъ видѣлъ только очами духовными, а по другимъ, тѣлесными. Творецъ прикоснулся къ нему—и Мухаммедъ очистился отъ всѣхъ своихъ грѣховъ. Возвратившись

назадъ, Мухаммедъ нашелъ Гавріила, который повелъ его чрезъ всѣ семь небесъ тѣмъ же путемъ, которымъ велъ туда, посадилъ на Эль-борака, который привезъ его обратно въ Мекку.

Вѣру въ восхожденіе Мухаммеда на небо мусульмане ставятъ необходимымъ условіемъ своего правовѣрія, и, считая невѣрными (кафирами) отвергающихъ этотъ догматъ ихъ вѣроученія, утверждаютъ дѣйствительность восхожденія на небо Мухаммеда частію доказательствами изъ разума, частію историческими обстоятельствами этого, мнимаго по существу, но по мнѣнію ихъ несомнѣннаго, событія. Пространство семи небесъ, которое перейти по обыкновеннымъ законамъ природы нельзя въ продолженіе многихъ тысящелѣтій, и переходъ по нему въ нѣсколько секундъ, или минутъ, такъ что постеля, съ которой Мухаммедъ отправился въ это путешествіе, не успѣла простыть до его возвращенія, опрокинутый имъ при уходѣ кувшинъ съ водою не успѣлъ докончить своего паденія на землю и пролить изъ себя воду,—эти двѣ несовмѣстности одного событія—неизмѣримость мѣста и непостижимая быстрота перехода понему—изумляли самихъ мухаммеданъ, но они соглашаютъ это тѣмъ, что Богъ всемогущъ: „для Бога нѣтъ

труднаго и Онъ въ одно мгновеніе могъ показать Мухаммеду весь міръ. Богъ всесиленъ; и намъ не должно говорить: для чего это такъ сдѣлано, почему это такъ не сдѣлано". Мухаммедане выставляютъ фактическимъ доказательствомъ Мухаммедова путешествія на небо свидѣтельство постороннихъ лицъ. Мухаммедъ на обратномъ пути изъ Іерусалима къ Меккѣ, проѣзжалъ мимо каравана купцевъ, ѣдущихъ въ тотъ же городъ, потребовалъ у нихъ воды для питья себѣ, и по прибытіи въ городъ сказалъ о скоромъ пріѣздѣ каравана. На слѣдующій день прибывшіе туда путники эти подтвердили свидѣтельствомъ своимъ истину путешествія Мухаммеда.

II.

Изъ одного описанія способовъ, которыми будто сообщались свыше Мухаммеду откровенія, видна уже отчасти ихъ несбыточность. Есть разсказы, которые безотчетно, безъ полнаго сознанія ихъ вымысла, мы прямо считаемъ невозможными Таковы же разсказы и о способахъ сообщенія Мухаммеду откровеній. Всякій, имѣющій правильное понятіе о Богѣ, пойметъ очень скоро, что способы откровеній, о которыхъ говорятъ мухаммедане, имѣютъ

въ себѣ много такого, что отзывается вовсе не божественнымъ, хотя бы даже и не могъ дать себѣ полнаго отчета, не могъ вполнѣ уяснить себѣ, въ чемъ именно состоитъ то, почему онъ не можетъ признать ихъ за дѣйствительные способы. Но чтобы это безсознательное чувство недѣйствительности способовъ было сознательное и отчетливое, чтобы всякій могъ видѣть, почему они не могутъ быть приняты за дѣйствительные, нужно показать твердыя основанія, почему они не могутъ быть признаны тѣмъ, за что выдаютъ ихъ мухаммедане.

Не все, что выдается за Божественное и Богооткровенное, безъ всякаго прекословія должно быть признаваемо таковымъ; очевидно, должны быть признаки для различенія истинно Божественнаго отъ ложно выдаваемаго за Божественное, должны быть признаки, по которымъ можно судить о томъ, могутъ-ли бывшія Мухаммеду откровенія, выдаваемыя его послѣдователями за Божественныя, быть признаны таковыми на самомъ дѣлѣ. Такъ какъ предметъ нашего разсужденія состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть только историческую достовѣрность откровеній Мухаммеду, опредѣлить, были ли на самомъ дѣлѣ, или могли ли быть откровенія Мухаммеду такъ, какъ говорятъ о ихъ дѣйствитель-

ности его послѣдователи; то мы здѣсь изъ всѣхъ началъ, по которымъ распознаются истинныя откровенія отъ ложныхъ, возьмемъ только тѣ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ опредѣленію, т. е. утвержденію или отрицанію способовъ откровеній Мухаммеду. Достовѣрность откровеній Мухаммеду, дѣйствительность или несбыточность ихъ, мы можемъ выводить съ одной стороны изъ общихъ понятій о Богѣ, съ другой—изъ общихъ законовъ историческаго познанія объ откровеніи, имѣя въ примѣрѣ характеръ дѣйствительно бывшаго и достовѣрно узнаннаго откровенія.

По требованію общихъ основныхъ понятій нашихъ о Богѣ, образы или способы небесныхъ откровеній должны быть:

а) достойны Бога; въ нихъ не должно быть ничего такого, что было бы несогласно съ свойствами Божіими, съ Его безконечными совершенствами, что унижало бы Его въ Его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ. Богъ, какъ всемогущій и безконечно премудрый, безъ сомнѣнія, можетъ сообщать свои откровенія, объявлять свою волю людямъ разнообразными способами. Его дѣйствій нельзя ограничивать извѣстною мѣрою, Ему нельзя полагать границъ въ избраніи средствъ къ достиженію извѣст-

ныхъ цѣлей. Но Господь Богъ имѣетъ самъ въ себѣ законъ, по которому Его дѣятельность проявляется въ согласіи съ совершенствами существа Божія, по которому Его всемогущество, Его всевластіе дѣйствуютъ всегда въ высочайшей степени свято и премудро, а не по какому нибудь не разсудительному самовластному произволу. Всѣ дѣйствія Его, къ чему бы они ни относились и чего бы ни касались, какъ дѣйствія безконечно-премудраго и благаго, всегда бываютъ достойны Его Самого.

б) Сообразны съ цѣлію, для которой дается людямъ откровеніе. И человѣкъ благоразумный, предполагая какую либо цѣль для дѣятельности, всегда по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, избираетъ средства вполнѣ достаточныя для достиженія цѣли; тѣмъ болѣе это должно сказать о Богѣ, Существѣ безконечно премудромъ и всемогущемъ. По общимъ законамъ историческаго познанія объ откровеніи—дѣйствительность откровеній должна свидѣтельствоваться опредѣленно и точно; потому свидѣтельство объ откровеніи со стороны принявшаго Его должно быть прямо, однообразно; если извѣстія объ откровеніи будутъ передаваться его послѣдователями, то не должны заключать въ себѣ про-

тиворѣчій, которыя касаются не стороннихъ какихъ либо подробностей, а существа дѣла([1]).

Прилагая къ этимъ началамъ всѣ три описанныя нами способа сообщенія Мухаммеду откровеній, мы можемъ опредѣлить подлинное значеніе каждаго изъ нихъ. Каждый изъ описанныхъ нами способовъ откровеній Мухаммеду, кромѣ общихъ, удобоприложимыхъ къ общимъ началамъ сторонъ, имѣетъ свои частныя, особенныя, ему одному принадлежащія стороны, которыя тѣмъ не менѣе вѣрно и ясно высказываютъ его подлинное значеніе. Посему мы эту часть разсужденія раздѣлимъ на два отдѣла, изъ коихъ въ первомъ покажемъ подлинное значеніе каждаго изъ способовъ откровеній Мухаммеду на основаніи выставленныхъ нами началъ, во второмъ разсмотримъ каждый изъ этихъ способовъ порознь, въ связи съ окружающими его обстоятельствами.

([1]) Выставленные нами признаки, или начала для различенія истинныхъ способовъ откровенія отъ ложныхъ—только отрицательные, тѣмъ не менѣе они имѣютъ полную силу убѣдительности; т. е. отсутствіе ихъ въ извѣстныхъ способахъ прямо и рѣшительно доказываетъ ихъ недѣйствительность; тогда какъ признаки истинности способовъ, со стороны положительной, имѣютъ значеніе только предположительное; но отрицательными признаками мы устраняемъ отъ истинно-Божественныхъ дѣйствій всякое несовершенство: отъ Бога—источника всякаго совершенства не можетъ произойти не свойственное совершенству; но какіе положительные признаки должны находиться въ способахъ, избранныхъ Его волею, этого вполнѣ опредѣлить невозможно.

А.

Прилагая къ вышеозначеннымъ началамъ способы откровеній Мухаммеду, видимъ, что они не могутъ быть признаны за дѣйствительные способы сообщенія небесныхъ откровеній и—

Въ 1-хъ, разсматривая достовѣрность откровеній Мухаммеду со стороны общихъ нашихъ понятій о Богѣ, мы видимъ, что а) способы, коими по разсказамъ мусульманъ, сообщены откровенія ихъ лжепророку, не достойны Бога, унижаютъ Его въ Его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ.

Богъ существо чисто-духовное. Коранъ прямо и ясно проповѣдуетъ это. Но поелику Онъ долженъ быть познаваемъ существами духовно-тѣлесными, то можетъ быть созерцаемъ ими подъ какими нибудь чувственными образами. Въ истинномъ откровеніи Богъ, существо духовное, представляетъ Себя въ образахъ чувственныхъ, приспособительно къ способу познанія человѣческаго о дѣйствіяхъ существъ духовныхъ. Но въ образныхъ представленіяхъ о Богѣ не можетъ быть допущено все, что только человѣкъ по своему образу разумѣнія можетъ представить о Богѣ, не всякое образное представленіе можетъ приличествовать божественному естеству. Божест-

венная природа въ ея свойствахъ и дѣйствіяхъ, по самому понятію о ней, не можетъ быть измѣряема человѣческою и сравниваема съ ней. Посему не просто человѣкообразное представленіе не достойно Бога, но представленіе чрезъ мѣру человѣкообразное, которое приписываетъ ему распоряженія, дѣйствія, недостойныя Премудраго Вседѣтеля,— представленіе, которое допускаетъ въ Богѣ много такого, что недостойно и человѣка, напр. безцѣльныя распоряженія, замысловатую ихъ обстановку. Такая именно человѣкообразность господствуетъ въ способахъ сообщенія Мухаммеду откровеній. Ангелъ въ первый разъ является Мухаммеду на горѣ и заставляетъ его читать извѣстныя слова; Мухаммедъ отказывается неумѣньемъ. Странное дѣло! Ангелъ, хотя дѣйствовалъ по волѣ Бога, однакожъ не зналъ, что Мухаммедъ не умѣетъ читать, и Самъ Господь Богъ, распоряжавшійся дѣйствіями Ангела, представляется незнающимъ, что Мухаммедъ не умѣетъ читать. Ангелъ, услышавъ отказъ Мухаммеда, не хочетъ отказаться отъ своихъ словъ и принуждаетъ его читать, принуждаетъ неблагоприличнымъ образомъ. Упорство Мухаммеда побѣждено,—онъ прочиталъ, что приказалъ ему Ангелъ, и Ангелъ велегласно вопіетъ: „Мухаммедъ! я Гавріилъ, а ты посланникъ

Божій". Всякій можетъ видѣть, на сколько образъ этого перваго откровенія Мухаммеду со всею его обстановкою достоинъ Бога.

Послѣ того, какъ Богъ призвалъ Мухаммеда къ пророческому служенію, Мухаммедъ не увѣренъ еще въ истинѣ этого призванія; для успокоенія его и лучшаго увѣренія въ истинности перваго призванія Богъ посылаетъ снова Ангела, который и успокоиваетъ Мухаммеда, а послѣ нѣсколькихъ явленій и совершенно увѣряетъ его въ его новомъ служеніи.

Послѣдующія посѣщенія Мухаммеда ангеломъ доказываютъ тоже. Ангелъ получилъ отъ Бога повелѣніе—сносить Мухаммеду по частямъ откровенія, которыя онъ долженъ былъ заимствовать изъ вѣчной книги, спущенной предъ тѣмъ временемъ съ седьмаго неба на четвертое. Вѣрный этому повелѣнію, Ангелъ при каждой малѣйшей нуждѣ Мухаммеда въ откровеніи, при каждомъ недоумѣніи Мухаммеда, чего бы оно ни касалось, при удачѣ и неудачѣ, при ничтожной распрѣ Мухаммеда съ женами, или соотечественниками—сноситъ ему откровенія, когда и сколько нужно для Мухаммеда,—одинъ стихъ, нѣсколько стиховъ, или цѣлую главу. Такая заботливость, такое вниманіе Господа Бога

къ Мухаммеду, въ которыхъ видно не столько попеченіе Бога о просвѣщеніи людей истиною, сколько попеченіе Его о домашнихъ дѣлахъ и даже семейныхъ интригахъ Мухаммеда, низводитъ Бога на степень человѣка!

Ночное путешествіе Мухаммеда по небесамъ для непосредственной бесѣды съ Богомъ выказываетъ человѣкообразность, недостойную Бога еще нагляднѣе. Это чрезъ мѣру чудесное событіе столько же не достойно Бога, сколько само въ себѣ невѣроятно; весь этотъ разсказъ какъ въ общихъ чертахъ своихъ, такъ и въ развитіи частностей, до того человѣкообразенъ и вычуренъ, что нельзя всего того приписать человѣку, что въ немъ приписывается Богу. И человѣкъ безъ униженія собственаго достоинства не можетъ дѣлать такихъ распоряженій, какія въ этомъ разсказѣ приписываются Богу. Господь Богъ какъ бы для забавы ведетъ Мухаммеда къ его цѣли какими-то окольными дорогами, среди разныхъ церемоній, каковы напр. переговоры Ангела съ привратниками каждаго неба, представляетъ ему на пути разныя искушенія, которыя, разумѣется, тотъ препобѣждаетъ съ честію. И что представляетъ самая бесѣда Бога съ Мухаммедомъ? Изъ этой бесѣды достовѣрно и прямо из-

вѣстно, по преданію отъ мухаммеданъ, только учрежденіе пятикратнаго моленія на каждый день. Но какъ учреждено это число молитвъ? Богъ съ самаго начала далъ 50 молитвъ на каждый день, но далъ какъ бы не обдумавши надлежащимъ образомъ этого распоряженія и не сознавая вполнѣ трудности этого дѣла для людей; по этому, когда Мухаммедъ по совѣту Моусея возвратился къ Богу съ просьбою объ уменьшеніи числа молитвъ, Богъ съ охотою исполнилъ его просьбу, и послѣ нѣсколькихъ разъ возвращенія, Онъ уменьшилъ число молитвъ до пяти. Эта чрезмѣрная человѣкообразность поражаетъ всякаго, читающаго разсказъ объ этомъ способѣ откровенія; человѣкообразность не только по отношенію къ Самому Богу, но и къ ангелу, который здѣсь представленъ главнымъ посредствующимъ лицомъ между Богомъ и Мухаммедомъ. Ангелъ является къ Мухаммеду, стучится въ двери его спальни, поздравляетъ его съ Божіею милостію и проч. и проч. Во всѣхъ этихъ разсказахъ нѣтъ согласія съ основными, здравыми понятіями разума о Богѣ и мірѣ; все совершается какъ то безотчетно, фантастически. Всѣ лица, какія введены въ разсказъ, живутъ и дѣйствуютъ, мыслятъ и говорятъ несообразно съ своею природою; существа не

разумныя и предметы неодушевленные утрачивают свои естественныя свойства. Такъ разсказываются одни сказки, а недѣйстительныя событія. Въ этихъ разсказахъ о способахъ, коими будто сообщались Мухаммеду откровенія, какъ въ главныхъ чертахъ, такъ и въ подробностяхъ, преобладаетъ не чудесное, а вычурное, недостойное ни Бога, ни Святыхъ Ангеловъ, ни истинныхъ пророковъ.

Б.

Способы откровеній Мухаммеду несообразны съ цѣлію, для которой дѣлаются людямъ откровенія.

Откровенія Мухаммеду совершались, какъ мы видѣли, съ непостижимою таинственностію; съ одной стороны истинное благо людей, съ другой премудрость, благость и всемогущество Творца требуютъ способовъ откровенія убѣдительныхъ не для одного посредника въ этомъ дѣлѣ между Богомъ и людьми—пророка, но и для другихъ, кому назначается откровеніе. Когда Богъ по своимъ неисповѣдимымъ судьбамъ благоизволяетъ дать людямъ познаніе о Себѣ, то безъ сомнѣнія открываетъ его способомъ вполнѣ сообразнымъ съ цѣлію. Цѣль откровенія состоитъ въ томъ, чтобы вести людей

по пути истины и добродѣтели, нравственно усовершить человѣка, открыть ему путь къ истинному блаженству, которое состоитъ въ ближайшемъ общеніи съ Богомъ, въ удаленіи отъ Котораго для человѣка нѣтъ и быть не можетъ спасенія. Такое высокое назначеніе откровенія заставляетъ необходимо предполагать, что Господь Богъ употребитъ средства дѣйствительныя къ тому, чтобы люди приняли наставленіе въ вѣрѣ, убѣдились въ ея истинѣ. Съ другой стороны для убѣжденія человѣка въ истинности и божественности откровенныхъ истинъ недостаточно представить ясно и неоспоримо вышечеловѣческое происхожденіе содержанія ихъ; нѣтъ, для него нужны средства, которыя бы убѣдительно и наглядно свидѣтельствовали о ихъ небесномъ, свышечеловѣческомъ происхожденіи. Онъ неспособенъ самъ собою, безъ особенныхъ къ тому побужденій возвыситься до пониманія божественнаго происхожденія религіи, неспособенъ понять и усвоить высокое ея содержаніе, потому-что онъ не будетъ видѣть побужденій, слѣдовать ея внушеніямъ и предписаніямъ. Слѣдовательно и премудрость и всемогущество Бога, дающаго откровеніе и состояніе человѣковъ, пріемлющихъ отъ Него оное, требуютъ осязаемыхъ и наглядныхъ доказательствъ того, что

сообщаемое откровеніе дѣйствительно отъ Бога. Таковы въ истинномъ откровеніи: Явленіе Бога Моисею на Синаѣ, Сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, Богоявленіе на Іорданѣ, Преображеніе на Ѳаворѣ и др. Такое доказательство, очевидно, ближе всего можетъ быть въ способахъ сообщенія откровеній, именно въ способахъ торжественныхъ, видимымъ образомъ поражающихъ людей, наглядныхъ болѣе или менѣе, и во всякомъ случаѣ не такихъ, какіе способы сообщенія откровеній Мухаммеду. Недостатокъ такого признака можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ не божественнаго происхожденія религіи. Справедливость нашего мнѣнія вполнѣ подтверждается тѣмъ, что истинныя религіи—Моисеева и Іисусъ—Христова такъ дѣйствительно и сообщены, а Божественное происхожденіе сихъ религій признаютъ всѣ мухаммедане. По собственнымъ словамъ Мухаммеда, его Исламъ исправляетъ и замѣняетъ прежнія религіи—Моисееву и Іисусъ—Христову; онъ долженъ запечатлѣть эти религіи; если такъ, то необходимо, чтобы этотъ законъ былъ объявленъ міру несравненно торжественнѣе, чѣмъ первые два.

Недостатокъ свидѣтелей при сообщеніи Мухаммеду откровеній въ Коранѣ замѣняется, правда, сви-

дѣтельствомъ самого Бога: въ каждой почти главѣ Корана Самъ Богъ клянется въ дѣйствительности откровеній Мухаммеду. Но Господь Богъ не могъ клясться такъ, какъ Онъ клянется въ Коранѣ. Для кого и для чего, въ самомъ дѣлѣ, нужна была эта клятва? Для самого Мухаммеда она очевидно была не нужна; онъ, какъ пророкъ, и самъ по себѣ безъ этой клятвы со стороны Бога, долженъ былъ быть увѣренъ въ дѣйствительности сообщенія ему откровеній. Для другихъ эта клятва была совершенно безполезна: ибо другіе не слышали и не могли слышать этой клятвы; слѣдовательно она не могла убѣдить ихъ въ дѣйствительности откровеній Мухаммеду. Но положимъ, что эти клятвенныя увѣренія со стороны Бога могли имѣть значеніе; ужели онѣ могутъ быть приписаны Богу? Ни какъ! Эти усиленныя увѣренія съ клятвою не свойственны Богу. Представлять Бога постоянно клянущимся въ подтвержденіе истинности своихъ словъ,—значитъ представлять, что Онъ опасается, что Ему не повѣрятъ,—и вотъ клятвою хочетъ утвердить истинность словъ Своихъ!

Во 2-хъ разсматривая подлинное значеніе способовъ откровеній Мухаммеду со стороны законовъ историческаго познанія объ откровеніи, мы видимъ,

что разсказы о небесныхъ откровеніяхъ Мухамме-ду заключаютъ въ себѣ много противорѣчій.

Противорѣчія въ разсказахъ о событіяхъ, при-надлежатъ ли эти разсказы тому самому лицу, съ кѣмъ происходили событія, или свидѣтелямъ по-сторонннмъ, получившимъ свѣдѣнія отъ непосред-ственныхъ свидѣтелей событій,—могутъ или совер-шенно подрывать достовѣрность этихъ событій, или по крайней мѣрѣ наводить на мысль, что со-бытія происходили не такъ, какъ передаются: тѣмъ сильнѣе опровергаютъ истинность событія тѣ про-тиворѣчія, которыя касаются не частностей только извѣстнаго событія, не малѣйшихъ и сторонних подробностей, которыя не имѣютъ прямой суще-ственной связи съ главнымъ событіемъ, которыя мо-гутъ быть и не быть, быть такъ, или иначе, не из-мѣняя существа дѣла, но которыя относятся къ существу дѣла, имѣютъ прямое и непосредствен-ное отношеніе въ сущности событія. Такого рода противорѣчія опровергаютъ дѣйствительность собы-тія въ томъ видѣ, какъ оно передается и какимъ его хотятъ видѣть ревнители подлинности его. Та-кого рода противорѣчія и находятся въ разсказахъ о способахъ, коими будто сообщались свыше Му-

хаммеду откровенія, въ разсказахъ, переданныхъ намъ мухаммеданскими писателями.

Каждый писатель, передавая всѣ, или какой нибудь одинъ изъ способовъ, которыми по его мнѣнію, сообщались Мухаммеду откровенія, восклицаетъ: „клянусь Богомъ, что это правда, что это передается со словъ самого Мухаммеда“! Между тѣмъ въ этихъ разсказахъ находятся противорѣчія важныя и сильныя, (что мы показали въ описаніи самыхъ способовъ) противорѣчія не въ частныхъ и сторонихъ подробностяхъ, но въ главномъ и существенномъ, что составляетъ основу разсказа. Изъ этого видно, что самъ Мухаммедъ не имѣлъ одного опредѣленнаго представленія о способахъ, что естественно и необходимо бы было, если бы эти способы дѣйствительно существовали по волѣ Самого Бога, въ такомъ случаѣ Мухаммедъ былъ бы въ состояніи передавать это другимъ всегда одинаково вѣрно, ясно и опредѣленно. Разсказы Мухаммеда обличаютъ въ немъ такого разскащика, который, не имѣя одного цѣльнаго, опредѣленнаго понятія о предметѣ, въ одно время разсказываетъ одно и такъ, въ другое—дургое и иначе, и мѣняетъ подробности съ перемѣною времени, мѣста и обстоятельствъ.

И такъ, разсмотрѣнные нами на основаніи извѣстныхъ началъ, способы, коими будто сообщались Мухаммеду откровенія, не могутъ быть признаны за дѣйствительные.

В.

Доселѣ мы разсматривали способы откровеній Мухаммеду вообще, и, прилагая къ извѣстнымъ началамъ всѣ три способа, брали во вниманіе стороны общія всѣмъ имъ. Теперь разсмотримъ по розни каждый изъ нихъ, въ связи съ окружающими его обстоятельствами.

Призваніе Мухаммеда къ пророческой должности.

Даже обыкновенныя событія въ жизни человѣка, тѣмъ болѣе чрезвычайныя и чудесныя, не могутъ быть предугадываемы и, заранѣе обдуманными средствами, обращаемы въ пользу свою тѣмъ, съ кѣмъ онѣ случаются. Мухаммедъ, между тѣмъ, какъ будто предугадываетъ почему-то свое призваніе къ пророчеству и хотѣлъ благопріятною обстановкою обратить его въ свою пользу. Подозрительна въ Мухаммедѣ чрезвычайная, внезапно возродившаяся, по выраженію его послѣдователей, любовь къ уединенію; она еще болѣе подозрительна потому, что

возродилась въ немъ именно тогда, когда онъ уже сдѣлался чрезъ женитьбу на Хадиджѣ богатымъ, независимымъ и знатнымъ человѣкомъ, а не прежде: чѣмъ объяснить эту возродившуюся любовь къ уединенію, продолжавшуюся цѣлыя пятнадцать лѣтъ? Ужели, какъ увѣряютъ мухаммедане, Самъ Господь Богъ возродилъ въ немъ эту любовь къ уединенію? Нѣтъ; этому прямо противорѣчитъ съ одной стороны то, что онъ до 40 лѣтъ оставался идолопоклонникомъ, какъ показываютъ несомнѣнныя свидѣтельства, оставался идолопоклонникомъ до того самаго времени, какъ выступилъ на поприще общественнаго учительства; съ другой стороны это пятнадцатилѣтнее уединеніе нельзя ставить въ зависимости отъ воли Божіей и слѣдовательно считать временемъ приготовленія къ пророческому служенію потому, что онъ и послѣ такъ называемаго торжественнаго призванія къ пророческому служенію не тотчасъ выступастъ пророкомъ, а спустя уже цѣлые два года. Гораздо естественнѣе, что эта любовь къ уединенію была чистымъ расчетомъ со стороны Мухаммеда, когда онъ воспитывалъ въ себѣ мысль о нравственномъ и религіозномъ преобразованіи своего отечества. Еще страннѣе и необъяснимѣе то событіе, что въ прежъ

нее время Мухаммедъ удалялся на гору одинъ; въ послѣдній годъ, когда онъ будто призванъ къ пророческому служенію, онъ беретъ съ собою все свое семейство, даже родственниковъ, какъ это достовѣрно извѣстно о Варакѣ. Чѣмъ объяснить этотъ поступокъ Мухаммеда? Случайнымъ, совешенно безразличнымъ по отношенію къ самому призванію, его считать нельзя, потому что это случилось въ тотъ же самый годъ, такъ знаменитый для Мухаммеда, а не въ другое какое нибудь время. И признать его бывшимъ по волѣ Божіей также не можемъ: для чего бы это было благоугодно Господу Богу, чтобы Мухаммеду сопутствовало семейство? Если для того, чтобы оно могло быть свидѣтелемъ торжественнаго призванія Мухаммеда къ пророческой должности и тѣмъ способствовало бы къ скорѣйшему и безпрекословному признанію его пророкомъ. Но это ни мало не подтверждается самымъ дѣломъ; ни изъ одного разсказа о призваніи Мухаммеда къ пророческой должности не видно, чтобы кто нибудь изъ его семейства былъ свидѣтелемъ его призванія. Такимъ образомъ открывается, что это событіе нужно приписать волѣ самого Мухаммеда, который и прежде видѣлъ ангела (какого? это видно будетъ ниже), но не могъ рѣшить самъ со-

бою одинъ, за что принять его? И вотъ для разрѣшенія этихъ недоумѣній взялъ съ собою въ послѣдній разъ все свое семейство; если же ему не удалось въ этомъ случаѣ достигнуть своей цѣли, то это очень естественно. Явленіемъ ангела въ такое или другое время онъ, конечно, не могъ распоряжаться по произволу; да и какого ангела онъ могъ показать своему семейству? Какой голосъ могли услышать его домашніе, когда явленіе ангела было ему одному, а не всему семейству?

Какъ ни приготовлялъ Богъ Мухаммеда къ пророческому служенію, какъ думаютъ мухаммедане, однакожъ когда призваніе уже совершилось, Мухаммедъ вовсе не былъ увѣренъ въ дѣйствительности его и въ томъ значеніи этого событія, какое приписываютъ ему мухаммедане. Какъ ни ясно и какъ ни прямо было сказано ангеломъ Мухаммеду, что онъ пророкъ Божій, однакожъ сначала Мухаммедъ вовсе не думаетъ признавать за собой этого званія. Пересказывая Хадиджѣ свое видѣніе ангела, онъ ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ не высказалъ того, что онъ принимаетъ это видѣніе за явленіе добраго ангела, а себя считаетъ Божественнымъ посланникомъ. И здѣсь не то, чтобы Мухаммедъ умолчалъ только о томъ, какъ онъ понима-

етъ это явленіе, принявъ его надлежащимъ образомъ; нѣтъ, въ немъ дѣйствительно было сомнѣніе, колебаніе касательно того, что бы значило это видѣніе? По преданію достовѣрно извѣстно, что Мухаммедъ, невидавши долго ангела послѣ перваго явленія, пришелъ въ отчаяніе и хотѣлъ броситься съ вершины горы; но здѣсь ангелъ снова явился ему и удержалъ его отъ паденія. Ясное доказательство, что Мухаммедъ не признавалъ явленія ангела и колебался, за что признать это видѣніе. Онъ безъ сомнѣнія желалъ видѣть здѣсь добраго ангела: божественное посланничество льстило его самолюбію; но для большей и рѣшительной увѣренности желалъ видѣть этого ангела во второй разъ. Мало того, что Мухаммедъ не вѣрилъ, что добрый ангелъ ему являлся,— онъ принималъ это видѣніе за обольщеніе злаго духа. Пораженный этимъ видѣніемъ и послѣдовавшимъ за нимъ обморокомъ, покрытый потомъ Мухаммедъ приходитъ къ Хадиджѣ, приказываетъ закрыть себя одеждами и разсказываетъ ей все, что съ нимъ случилось,—все еще не увѣренный въ томъ, что не злой духъ обольщаетъ его([1]). Хадиджа и двоюродный братъ

([1]) Что Мухаммедъ послѣ перваго явленія ему ангела сомнѣвался еще въ своемъ посланничествѣ и желалъ разувѣрить себя, что это злой духъ обольща-

ея Варака старались разсѣять его сомнѣнія въ божественномъ его посланничествѣ и невдруг ь успѣли въ этомъ. Ибо во второй разъ ангелъ явился Мухаммеду со словами: клянусь тростію и тѣмъ, что ею пишутъ, что ты, по милости Твоего Господа не одержимъ злымъ духомъ, напротивъ ты нѣкогда получишь вѣчную награду, потому что твоя вѣра высока([1]). Повторявшееся ли нѣсколько разъ явленіе

етъ его,—это видно изъ разныхъ разсказовъ о томъ, что предпринимала Хадиджа для того, чтобы узнать, кто это являлся Мухаммеду. Петръ Гвадальолскій въ своей апологіи (гл. III, 1), говоря о Мухаммедѣ, приводитъ изъ разныхъ мухаммеданскихъ писателей мѣсто: «Когда Мухаммедъ разсказывалъ Хадиджѣ о видѣніи ангела, она всегда говорила, что это обольщеніе демона. Когда къ нему явился снова ангелъ и открылъ вторую главу (74), онъ показалъ ее Хадиджѣ, которая признала ее навожденіемъ дьявола и прибавила: если опять и чаще этотъ духъ будетъ являться тебѣ, то будетъ добрый ангелъ, а если не явится, то злой. Гавріилъ опять явился и передалъ Мухаммеду третью главу (93). Когда онъ показалъ ее Хадиджѣ, она тѣмъ не менѣе признала это навожденіемъ дьявола. Она говорила, что тогда только повѣритъ этому, когда сама увидитъ Гавріила. Но когда Мухаммедъ сказалъ, что она не на столько вѣрна и добродѣтельна, чтобы видѣть ангела, Хадиджа успокоилась и увѣровала въ Мухаммеда». (Маракчи: Maraccii Prodr. pars. II.). Другой разсказъ: Писанъ-эль-Уйюнъ и Сиратъ-Аррасуль разсказываютъ слѣдующее: Хадиджа сказала Мухаммеду (послѣ перваго явленія ему ангела): если тебѣ опять явится ангелъ, то скажи мнѣ объ этомъ. Гавріилъ опять явился къ Мухаммеду и онъ сказалъ ей: я вижу его. Тогда она посадила его сперва на свою лѣвую ногу, потомъ на правую и спросила: теперь ты видишь его? Мухаммедъ отвѣчалъ—да! Тогда она сказала: поворотись и сядь мнѣ на лоно; когда онъ это сдѣлалъ, она спросила его опять: видишь его? Онъ отвѣчалъ на этотъ разъ—нѣтъ. Тогда она сказала: клянусь Богомъ, это правда, это былъ ангелъ, а не злой духъ. Это преданіе приводитъ Вейль въ Mohammed der Prophet sein Leben und seine Lehre. pag. 42 Anmerk. 48.

([1]) Гл. 68, ст. 1—4. Эти преданія приводятъ Вейль въ томъ же сочиненіи.

ангела, или рѣшительныя слова Хадиджи и Варака убѣдили наконецъ Мухаммеда въ томъ, что онъ дѣйствительно божественный посланникъ. И такъ Мухаммедъ не самъ собою, но по словамъ другихъ, вовсе не видавшихъ ангела, принимаетъ его за небеснаго вѣстника, а себя за божественнаго посланника. Согласно ли это съ дѣйствительнымъ, бывшимъ по волѣ Божіей, призваніемъ пророковъ? Истинный пророкъ прежде всѣхъ другихъ самъ долженъ быть увѣренъ въ истинѣ своего призванія къ пророческому служенію: этого необходимо требуютъ свойства Божіи и истинное, существенное благо людей, или цѣль религіи. Если Господь Богъ благоволитъ призвать извѣстное лице къ какому бы то ни было служенію, то, какъ всемогущій и безконечно-премудрый, Онъ, объявляя человѣку свою волю, безъ сомнѣнія употребитъ для этого такое средство, которое вполнѣ достаточно для того, чтобы Онъ понялъ и выразумѣлъ Его волю. Если гдѣ необходимо это предположеніе, то преимущественно въ призваніи пророка къ его высокому, чрезвычайному служенію. Цѣль религіи, къ возвѣщенію которой былъ призванъ Мухаммедъ, цѣль высокая и спасительная,—требовала необходимо, чтобы пророкъ былъ увѣренъ въ дѣйстви-

тельности своего высокаго служенія. Успѣшнѣйшее выполненіе дѣла зависитъ отъ увѣренности въ важности и правотѣ его. Какъ сталъ бы пророкъ возвѣщать новую религію отъ имени Бога, какъ бы онъ могъ успѣшно дѣйствовать на людей, когда бы самъ вовсе не былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ пророкъ? То, что Мухаммедъ, какъ показали его послѣдующія слова и дѣйствія, вѣрилъ своему призванію къ пророчеству и успѣшно дѣйствовалъ въ распространеніи своей вѣры, – это говоримъ ни мало не опровергаетъ нашей мысли. Мухаммедъ дѣйствительно повѣрилъ тому, что онъ пророкъ, но онъ дошелъ до этой увѣренности не самъ собою, а вслѣдствіе долгихъ и заботливыхъ убѣжденій другихъ лицъ—Хадиджи и Варака. Неизвѣстно надлежащимъ образомъ, сколько времени прошло между призваніемъ Мухаммеда къ пророческой должности и его увѣренностію въ томъ, что онъ дѣйствительно пророкъ и что на горѣ къ нему явился добрый ангелъ,—временемъ, въ которое Мухаммедъ боролся съ опасеніемъ впасть въ обольщеніе отъ злаго духа. Абульфеда, разсказавъ о первомъ явленіи ангела Мухаммеду, прибавляетъ, что съ того времени начался рядъ непрерывныхъ откровеній пророку; но его замѣчаніе относится не опре-

дѣленно ко всей послѣдующей жизни Мухаммеда. Другія мусульманскія преданія ясно говорятъ, что два года прошло послѣ перваго откровенія и Мухаммедъ ни разу не видалъ ангела. Значитъ это время было временемъ, въ которое постороннія увѣренія, что Мухаммедъ пророкъ, боролись въ немъ съ его собственными сомнѣніями о призваніи Божіемъ, готовили его къ самозванству и успѣли преодолѣть первопачальную его нерѣшимость къ такому смѣлому дѣлу. И онъ открыто объявляетъ себя пророкомъ(1).

Такимъ образомъ нѣтъ основанія видѣть дѣло Божіе въ такъ называемомъ призваніи Мухаммеда къ пророческому служенію; оно, какъ само въ себѣ, такъ и по окружающимъ его обстоятельствамъ, рѣшительно не можетъ быть признано таковымъ!

Сообщеніе Мухаммеду откровеній ангеломъ во все время его 23-хъ лѣтняго пророческаго служенія.

Постоянная, въ продолженіе 23-хъ лѣтъ, передача откровеній Мухаммеду ангеломъ заключаетъ въ себѣ такія черты, по которымъ она не можетъ быть признана за дѣйствительную.

(1) Vie de Moham. texte arabe d'Abulfeda par Noël des Vergers стр. 13.

Мы не будемъ здѣсь въ подробности разбирать тѣхъ нелѣпыхъ самихъ по себѣ и не достойныхъ Бога вѣрованій мухаммеданъ, относительно предшествующихъ этому откровенію Мухаммеду религіи обстоятельствъ, которыя выдавалъ самъ Мухаммедъ,—не станемъ разбирать несообразностей касательно самого Корана, какъ и для чего и для кого Господь отъ вѣчности написалъ Коранъ на своемъ престолѣ, для чего Коранъ съ седьмаго неба низпущенъ на четвертое, откуда уже Гавріилъ сносилъ Мухаммеду откровенія по частямъ: подобныя вѣрованія сами собою доказываютъ свою нелѣпость и тѣмъ самымъ подрываютъ достовѣрность и божественное происхожденіе главнаго событія, котораго они составляютъ подробности. Обратимъ здѣсь преимущественное вниманіе на три пункта, именно: Мухаммеду была сообщена религія ангеломъ,—сообщена по частямъ и въ строгой, необходимой связи съ обстоятельствами жизни Мухаммеда, что не сообразно съ свойствами Божіими.

Въ передачѣ откровеній Мухаммеду ангеломъ унижается и ангелъ и самъ пророкъ: ангелъ потому, что какъ будто онъ не могъ всего, имѣющаго быть открытымъ Мухаммеду, запомнить и въ одно время передать ему; унижается пророкъ: онъ,

вѣроятно, не былъ въ состояніи принять и усвоить всего вдругъ, что имѣло быть ему открытымъ; онъ слѣпо передаетъ, какъ бездушная машина, только то, что благоволитъ открыть ему ангелъ; къ чему же послужили для него тѣ пятнадцать лѣтъ приготовленія къ пророческой должности, о которыхъ мы поминали въ своемъ мѣстѣ? Подобную должность пророка могъ исполнить всякій; ему слѣдовало только буквально передать другимъ слова ангела.—Господь Богъ при всемъ Своемъ всемогуществѣ не творитъ чудесъ безъ особенныхъ причинъ: чего можно достигнуть путемъ естественнымъ, при помощи только естественныхъ силъ и законовъ, того Онъ такъ и достигаетъ. И въ сообщеніи откровеній людямъ цѣль лучше и скорѣе могла быть достигнута путями естественными, чрезъ духовное просвѣтленіе и особенное озареніе духа пророка божественною силою, чѣмъ чрезъ посредство ангела. Такого рода способъ сообщенія откровеній былъ бы гораздо сообразнѣе съ цѣлію самой откровенной религіи: въ этомъ случаѣ пророкъ, будучи способенъ самъ собою внутренно созерцать высокія, божественныя тайны религіи, можетъ легко и удобно приспособлять Богооткровенное ученіе къ нуждамъ и потребностямъ людей. Сообразность такого спо-

соба религіи съ цѣлію ея и слѣдовательно справедливость нашей мысли видна и изъ того, что прежнія Истинныя Откровенія были именно такъ сообщены. При томъ, какъ этотъ ангелъ, вѣстникъ небесный, передавалъ Мухаммеду откровенія? Онъ училъ Мухаммеда произносить Коранъ, Мухаммедъ не долженъ былъ торопиться въ чтеніи, иначе ангелъ не вытерпитъ и улетитъ(1). Какая человѣкообразная школа, недостойная божественнаго посланника – ангела и оскорбительная для пророка, пріемлющаго такимъ образомъ откровенія! А въ какомъ видѣ ангелъ, – этотъ таинственный учитель Мухаммеда, являлся къ нему съ откровеніями? Въ собственномъ своемъ видѣ онъ являлся къ Мухаммеду только одинъ разъ на мединскомъ кладбищѣ. Слѣдовательно ангелъ являлся къ Мухаммеду съ откровеніями не въ собственномъ видѣ. Изъ свидѣтельствъ мухаммеданскихъ сочиненій „Инсанъ-эль-Уйюнъ“ Али Халеби и „Хамисъ“(2) Хусейна Аддіарбекри о способахъ, какъ сообщались Мухаммеду откровенія, видно, что ангелъ являлся къ Мухаммеду съ откровеніями иногда не будучи видимъ для него, иногда въ обыкновенномъ чело-

(1) См. выше свидѣтельство Джеляль-эд-дина, стр.

(2) Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre. pag. 43 прим. 48.

вѣческомъ видѣ, а по большей части въ видѣ друга его Дахія. Почему же ангелъ являлся къ Мухаммеду съ откровеніями въ разныхъ видахъ? Если онъ являлся не въ собственномъ своемъ видѣ изъ состраданія, чтобы не приводить Мухаммеда своимъ видомъ въ то жалкое состояніе, въ какое онъ привелъ его на мединскомъ кладбищѣ, то не видно причины, почему же онъ является именно въ разныхъ видахъ, а не въ одномъ какомъ нибудь опредѣленномъ видѣ. Для разнообразія ангелъ являлся въ разныхъ видахъ? —Или различный видъ ангела обусловливался различнымъ содержаніемъ сносимыхъ имъ Мухаммеду откровеній? Для всѣхъ этихъ странностей рѣшительно не видно основанія! Но положимъ, ангелъ долженъ былъ являться въ разныхъ видахъ,—почему же именно по большей части въ видѣ друга Мухаммедова Дахія? Если видъ сего послѣдняго болѣе всякаго другаго былъ годенъ для явленій ангела, то почему бы ангелу всегда не являться въ такомъ видѣ? Всѣ эти странности рѣшительно заставляютъ заподозрить дѣйствительность явленій ангела къ Мухаммеду съ откровеніями и наводятъ на мысль объ обманѣ Мухаммеда. Мухаммедъ долженъ былъ очень хорошо понимать, что скрытныя явленія ангела съ откровеніями по-

дозрительны и что для удостовѣренія другихъ въ дѣйствительности явленія къ нему ангела, онъ долженъ былъ показать имъ его,—согласившись предварительно съ Дахіемъ; онъ обыкновенное явленіе выдавалъ за посѣщеніе ангела и разговоръ съ нимъ, предварительно обдуманный,—за бесѣду съ ангеломъ. Эту мысль подтверждаютъ разсказы мухаммеданскихъ писателей о бесѣдѣ ангела съ Мухаммедомъ, приведенные нами въ первой части разсужденія. А такъ какъ Мухаммедъ не всегда могъ располагать явленіями Дахія и откровенія ему иногда нужны были въ такое время, когда Дахія при немъ вовсе не было, то въ этихъ случаяхъ онъ говорилъ, что ангелъ является къ нему не видимо для него самого и для другихъ(1).

Не достойно Бога и не сообразно съ цѣлію религіи, сообщать истины ея Мухаммеду,—провозвѣстнику религіознаго ученія другимъ, по частямъ и приспособительно къ обстоятельствамъ его жизни. Богъ какъ будто не знаетъ, что, когда, какъ и сколько открыть Мухаммеду истинъ вѣры,—и вотъ

(1) Явленіе ангела невидимое и въ обыкновенномъ человѣческомъ образѣ относится къ тому времени, когда Мухаммедъ дѣйствовалъ по самообольщенію, а явленіе въ видѣ Дахія къ тому времени, когда Мухаммедъ дѣйствовалъ уже по корыстнымъ расчетамъ,—что видно будетъ изъ третей части нашего разсужденія.

Ему являются на помощь обстоятельства жизни Мухаммедовой, онѣ указываютъ Ему, что именно открыть, когда и какъ открыть. Допустить это— значитъ согласиться, что Господь Богъ не Самъ управляетъ откровеніями, а событія жизни Мухаммедовой руководятъ и направляютъ Его въ этомъ случаѣ. Изъ этого нелѣпаго, недостойнаго Бога предположенія, прямо вытекающаго изъ вѣрованія мухаммеданъ, раждается самымъ естественнымъ образомъ другое предположеніе, еще нелѣпѣйшее прежняго и болѣе недостойное Бога. Если бы не было такихъ, или другихъ обстоятельствъ изъ жизни Мухаммедовой, то не было бы открыто извѣстныхъ частей Корана; если бы эти событія происходили въ другомъ видѣ, то и откровенное ученіе было бы другаго содержанія; богатая событіями жизнь Мухаммеда породила большую по объему книгу Коранъ и если бы лжепророкъ прожилъ долѣе, если бы онъ не сдѣлался преждевременно жертвою яда([1]), то вѣроятно, оставилъ бы послѣ себя книгу сообщенныхъ ему откровеній въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ какою осталась она теперь.

([1]) Ядъ этотъ поднесенъ былъ Мухамеду въ кушаньѣ одною Еврейкою, которая мстила ему за смерть жениха и родныхъ. (См. жизнь Мухаммеда соч. Вашингтона Ирвинга. Перев. съ англ. Петра Корфевскаго. Москва 1857 г. стр. 167 и 241).

Мухаммедане говорятъ, что самыя событія въ жизни Мухаммеда приспособлены были Богомъ къ вѣчнымъ законамъ Корана, а не обратно. Между жизнію Мухаммеда и откровеніемъ законовъ Корана они допускаютъ какъ бы harmoniam praestabilitam. Потому въ такомъ порядкѣ откровеній они видятъ Премудрость Божію.

Но истинная религія не есть только частное разрѣшеніе непріятныхъ въ жизни пророка событій; она дается для просвѣщенія и наученія людей, а при способѣ сообщенія религіи Мухаммеду возможно ли полное и надлежащее ея раскрытіе?

При описаніи способовъ откровеній Мухаммеду мы замѣчали, что какъ первое явленіе ангела Мухаммеду на горѣ Хара, такъ и всѣ почти послѣдующія явленія его съ откровеніями, сопровождались для Мухаммеда ужасными страданіями; минуты общенія его съ ангеломъ были тяжелыми и мучительными минутами, такъ что Мухаммедъ нерѣдко опасался за свою жизнь. Чѣмъ объяснить такое дѣйствіе ангела на Мухаммеда? Приписать ли его тому, что при необычайномъ явленіи, каково явленіе ангела, очень естественно смущеніе? Но въ такомъ случаѣ нельзя будетъ согласить этого обстоятельства съ тѣмъ приготовленіемъ къ пророчеству,

какое было для Мухаммеда въ продолженіи цѣлыхъ 15 лѣтъ. И простое, обыкновенное смущеніе при видѣ даже необычайнаго явленія не можетъ сопровождаться для человѣка такими послѣдствіями, какими сопровождалось для Мухаммеда принятіе откровеній. При томъ это смущеніе, естественное при первомъ явленіи ангела, съ теченіемъ времени должно было мало по малу уменьшаться; съ повтореніемъ видѣній ангела Мухаммедъ мало-по малу долженъ былъ привыкнуть къ его явленіямъ и слѣд. подъ конецъ жизни, по крайней мѣрѣ, они не должны были производить на него ни какого особеннаго дѣйствія. Нельзя приписать этого ни самому ангелу, ни откровенію; и ангелъ не могъ быть такъ ужасающъ, ни содержаніе откровеній небесныхъ не могло такъ дѣйствовать на Мухаммеда, чтобы онъ не могъ оставаться въ обыкновенномъ состояніи. Небесному, святому, божественному не свойственно быть причиною такихъ ужасныхъ страданій, какія испытывалъ Мухаммедъ во время принятія откровеній; несвойственно быть причиною тяжелыхъ и мучительныхъ минутъ, каковыя испытываются только подъ вліяніемъ силъ ада. Впечатлѣнія явленій бываютъ сообразны съ свойствами самого предмета явленія. Явленіе добраго ангела должно сопро-

вождаться добрыми послѣдствіями. Душа того, кто удостоился видѣть добраго ангела, исполняется веселія и мирнаго спокойствія; внѣшній, душевный человѣкъ какъ бы безчувственъ бываетъ со всѣми своими потребностями(1); въ сердцѣ остается миръ, сладость и сильное желаніе пребывать въ такомъ состояніи, наслаждаться такимъ видѣніемъ.—Ангелъ Божій своимъ явленіемъ производитъ иногда въ человѣкѣ страхъ, но на короткое время (2) и вскорѣ возвращаетъ душѣ миръ и тишину. Явно послѣ этого, что ангелъ, являвшійся Мухаммеду и производившій на него такія неблагопріятныя дѣйствія, не отъ Бога! Состояніе Мухаммеда въ присутствіи ангела не отличается отъ состоянія людей, пораженныхъ тяжелыми болѣзнями; благій и всемогущій Богъ изберетъ ли такой мучительный способъ, когда благоволитъ входить въ особенное, ближайшее общеніе съ человѣкомъ?

Ночное путешествіе Мухаммеда по небесамъ для непосредственной бесѣды съ Богомъ.

Этотъ способъ сообщенія Мухаммеду откровеній

---

(1) Исаакъ Сиринъ гл. 16 См. Хр. Чт. 1826 г. X, 122.

(2) Оеофилактъ Болгарскій въ толкованіи на Евап. Луки 1, 12.

заключаетъ въ себѣ, подобно первымъ двумъ, такія черты, которыя прямо и ясно доказываютъ, невозможность его. Мы видѣли уже, что, со времени призванія Мухаммеда къ пророческой должности до самаго конца его жизни, съ божественными откровеніями являлся къ нему ангелъ Гавріилъ; на 12 году его 23-хъ лѣтняго пророческаго служенія Господу Богу угодно было употребить иной способъ для сообщенія Мухаммеду откровеній - именно непосредственную бесѣду съ Собою. Для чего Господь Богъ вдругъ измѣнилъ способъ сообщенія Мухаммеду откровеній, для кого и для чего нужна была эта непосредственная бесѣда съ Богомъ? Нельзя найти ни одного предположенія, которое бы сколько нибудь оправдывало и объясняло такую внезапную перемѣну въ способѣ сообщенія откровеній. Имѣлъ ли Господь Богъ сообщить Мухаммеду такія тайны, которыхъ нельзя было довѣрять Гавріилу, или, быть можетъ, тайны, которыя Господь имѣлъ сообщить Мухаммеду въ непосредственной бесѣдѣ съ Собою, были такъ высоки, что ангелъ не могъ вполнѣ усвоить ихъ и потому не могъ надлежащимъ образомъ передать Мухаммеду? Но это предположеніе недостойно Бога и унизительно для ангела. Ужели ангелы,—высшія духовныя су-

щества, не заслуживаютъ довѣрія такихъ таинъ, которыя безпрекословно поручаются людямъ, и ужели эти существа не могутъ понимать такихъ таинъ, которыя вполнѣ усвояются людьми? Правда, мухаммедане говорятъ, что Господь Богъ чрезъ ночное путешествіе хотѣлъ показать Мухаммеду свое могущество и славу, показать величіе своего небеснаго царства. Но то могущество и слава, то величіе царства, какое видѣлъ Мухаммедъ во время своего путешествія по небесамъ, несовмѣстны съ самымъ понятіемъ о Богѣ, какое имѣютъ о немъ сами мусульмане. При томъ, почему, для чего Господу Богу угодно было показать Мухаммеду величіе своего царства? Для того ли, чтобы сильнѣе подѣйствовать на Мухаммеда и больше убѣдить его въ истинѣ его небеснаго посланничества и въ важности его служенія? Но для этого были прежде другіе способы. Мухаммедъ прежде сего вѣроятно не зналъ, или невѣрно понималъ величіе и могущество Творца, Котораго онъ проповѣдывалъ? И къ чему служило торжественное призваніе Мухаммеда къ пророческой должности, какъ онъ отправлялъ эту должность, если въ продолженіи 11-ти лѣтъ своего служенія не былъ вполнѣ увѣренъ въ истинности своего посольства?

Но положимъ, что Господу Богу благоугодна была эта непосредственная бесѣда съ Мухаммедомъ,—какъ же она должна была совершиться, гдѣ она должна произойти? Ужели для того, чтобы сообщить человѣку какія нибудь тайны, Господу Богу нужно поднимать его въ какія нибудь превысшія страны, заставлять путешествовать къ Себѣ по небесамъ? Міръ духовный, какъ неподлежащій пространству, существуетъ вездѣ, а посему требуется только, чтобы въ духѣ человѣка раскрылась способность къ сообщенію съ симъ міромъ духовнымъ и человѣкъ безъ всякой перемѣны мѣста, безъ всякихъ путешествій, можетъ быть на небѣ въ обществѣ ангеловъ и Самого Бога. Мухаммедъ Самого Бога представляетъ клянущимся звѣздою, что онъ (Мухаммедъ) не разсказываетъ ничего такого, чего не видалъ, что онъ видѣлъ всѣ чудеса Господа(1). И мухаммедане дѣйствительно вѣрятъ, что это путешествіе происходило именно такъ, какъ оно представлено было нами выше, не соглашаясь между собою только въ томъ, какъ путешествовалъ Мухаммедъ,— въ тѣлѣ, или безъ тѣла—однимъ духомъ; иначе—было ли это путешествіе совершено по фи-

(1) См. Коран. гл. 17, ст. 26.

зическимъ законамъ, или это было только духовнымъ видѣніемъ. Изъ собственныхъ словъ Мухаммеда видно, что онъ самъ не имѣлъ объ этомъ опредѣленнаго, яснаго понятія, онъ выдавалъ его то за видѣніе, то за дѣйствительное путешествіе, совершившееся по физическимъ законамъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ, при томъ и другомъ воззрѣніи выходятъ очевидныя нелѣпости, которыя не дозволяютъ принять это путешествіе за то, за что выдаютъ его мусульмане.

Является Ангелъ Гавріилъ, вызываетъ Мухаммеда изъ спальни; Мухаммедъ садится на эль-борака, ѣдетъ въ Іерусалимъ, привязываетъ животное къ кольцу, молится во храмѣ съ праведниками и проч.; – все это такія событія, которыя совершаются естественнымъ образомъ, по физическимъ законамъ. Въ доказательство этого разсказывается, что Мухаммедъ, возвращаясь въ Мекку изъ ночнаго путешествія, встрѣтился на дорогѣ съ купцами Коразинскими, пилъ изъ ихъ сосуда воду, а остальное вылилъ, и по прибытіи въ Мекку разсказалъ жителямъ ея, что эти купцы при восходѣ солнца придутъ въ ихъ городъ. Все это показываетъ, что путешествіе совершилось естественнымъ образомъ, по физическимъ законамъ и слѣд. требовало для

совершенія много времени; между тѣмъ, тѣже самые мухаммедане, которые считаютъ это путешествіе за дѣйствительное, совершавшееся по физическимъ законамъ, увѣрены вполнѣ въ необыкновенной скорости совершенія его; они опредѣляютъ скорость совершенія его нѣсколькими минутами времени, такъ что вода, пролитая имъ при отъѣздѣ, не успѣла вылиться изъ сосуда до его возвращенія. Утверждать вмѣстѣ и неестественную быстроту и естественную послѣдовательность явленій, значитъ говорить вопреки человѣческому смыслу— говорить нелѣпость! Другіе изъ мухаммеданъ, какъ бы понимая невозможность совершенія такого путешествія въ тѣлѣ, вѣрятъ и утверждаютъ, что оно было только духовнымъ видѣніемъ, или, по ихъ выраженію, совершено было однимъ духомъ, хотя въ тоже время соглашаются, что Мухаммедъ дѣйствительно видѣлъ все то, о чемъ разсказывалъ. Послѣднее вѣрованіе безспорно разумнѣе перваго; однакожъ и оно не чуждо противорѣчій и нелѣпостей. Правда, человѣкъ своею духовною частію можетъ безпрепятственно входить въ общеніе съ міромъ духовнымъ, можетъ созерцать тайны Божества. Согласимся, что такое состояніе могло быть и у Мухаммеда во время его ночнаго путешествія;

но того, что можно видѣть и слышать въ этомъ состояніи, нельзя пересказать другимъ. Раскрытіе такой способности созерцать міръ духовный по необходимости сопряжено съ ослабленіемъ обыкновеннаго союза души съ тѣломъ, съ нѣкотораго рода бездѣйствіемъ низшей природы; ибо тѣло тлѣнное, замѣчаетъ Премудрый (Прем. Сол. IX, 16. 17), отягчаетъ душу, земное жилище обременяетъ умъ и не попускаетъ ему возноситься въ свойственную область духовъ. Повидимому, если можно было слышать, то можно и пересказать, но человѣкъ, когда созерцаетъ міръ духовный, находится въ сверхъестественномъ состояніи. Посему, когда онъ низходитъ изъ этого сверхъестественнаго состоянія, тогда дѣятельность души принимаетъ другое направленіе и потому естественно не можетъ представить всего видѣннаго и слышаннаго въ полной ясности и опредѣленности и для выраженія даже тѣхъ представленій, какія еще остаются о предметахъ сверхъестественныхъ, уже не находитъ словъ на языкѣ человѣческомъ. Примѣръ Св. Ап. Павла вполнѣ подтверждаетъ это. *Вѣмъ человѣка.... яко восхищенъ бысть въ рай и слыша неизрѣченны глаголы, ихъ же не льть есть человѣку глаголати.* (2 Кор. XII, 3. 4.). Слѣдовательно Мухаммедъ тѣмъ самымъ, что под-

робно и ясно пересказалъ все, что будто онъ видѣлъ и слышалъ на небесахъ, или вообще все, что касается ночнаго путешествія, доказываетъ, что такого путешествія не могло быть.

Вся обстановка ночнаго путешествія и самой бесѣды Мухаммеда съ Богомъ рѣшительно заставляетъ считать это путешествіе за фантастическій вымыслъ, не имѣющій въ себѣ ничего истиннаго и даже вѣроятнаго. Что это за чудное явленіе—эль-боракъ? Что за чудовищные ангелы наполняютъ небеса? По какимъ это причинамъ патріархи размѣщены по седьми небесамъ и въ такомъ именно порядкѣ? Что за странное обхожденіе ихъ съ ангеломъ и Мухаммедомъ? Подобная обстановка уничтожаетъ всякое значеніе ночнаго путешествія,—ночное путешествіе таковое и такъ, какъ описываетъ его Мухаммедъ, не могло быть.

Такимъ образомъ все, сказанное нами во второй части разсужденія, показываетъ, что способы, коими, по словамъ мухаммеданъ, сообщались свыше откровенія ихъ пророку, ни коимъ образомъ не могутъ быть приняты за дѣйствительные.

И такъ способы, коими будто сообщались свыше Мухаммеду откровенія—произведеніе самого Мухаммеда. Теперь естественно раждается вопросъ:

что же такое были эти Мухаммедовы разсказы о способахъ--чистый ли обманъ со стороны Мухаммеда, или обманъ не намѣренный, произшедшій изъ самообольщенія? Рѣшеніе этого вопроса необходимо для надлежащаго взгляда на предметъ. Доселѣ мы разсматривали эти, такъ называемые у мухаммеданъ, способы сообщенія откровеній ихъ пророку съ отрицательной стороны, показали, что такими способами не могло быть сообщено небесное откровеніе; но отрицаніе извѣстныхъ качествъ въ предметѣ не даетъ надлежащаго понятія о предметѣ. Слѣдовательно необходимо выказать положительныя свойства этихъ мнимыхъ способовъ сообщенія Мухаммеду откровеній, —показать надлежащее, подлинное ихъ значеніе.—Это и составитъ предметъ слѣдующей части нашего разсужденія.

III.

II такъ, что же такое были Мухаммедовы разсказы о способахъ, коими будто сообщались ему свыше откровенія? Чистый ли обманъ со стороны Мухаммеда, или обманъ не намѣренный, произшедшій изъ самообольщенія? Христіанскіе писатели въ своихъ сочиненіяхъ о мухаммеданствѣ часто рѣзко и рѣшительно утверждаютъ, что Мухаммедъ лжецъ и

обманщикъ,—эпитеты, безспорно, вѣрные и удобоприложимые къ Мухаммеду; но въ какомъ смыслѣ? Обманщикомъ можно быть намѣреннымъ и не намѣреннымъ,—по самообольщенію, когда человѣкъ, будучи самъ въ чемъ нибудь обманутъ, обманываетъ и другихъ, но не намѣренно, потому что самъ въ себѣ бываетъ глубоко убѣжденъ въ дѣйствительности того, что онъ передастъ другимъ.

Большая часть христіанскихъ писателей прямо и рѣшительно называетъ Мухаммеда обманщикомъ въ первомъ смыслѣ,—утверждаютъ, что онъ изъ своихъ корыстныхъ расчетовъ, злонамѣренно выдавалъ свое ученіе за Богооткровенное; а чтобы подѣйствовать на соотечественниковъ, чтобы скорѣе привлечь ихъ на свою сторону, выдумывалъ и способы, коими будто сообщались ему небесныя откровенія, какъ фактическія доказательства того, что ему были небесныя откровенія. Но приписывать все это злонамѣренной выдумкѣ Мухаммеда, значитъ обличать въ себѣ незнаніе исторіи жизни Мухаммедовой, не знать души человѣческой и ея дѣйствій на другихъ. Религіозные преобразователи у языческихъ народовъ были несомнѣнно и твердо убѣждены въ правотѣ своего дѣла, въ истинности своихъ убѣжденій, въ благонамѣренности предпо-

ложенныхъ цѣлей и чистотѣ средствъ къ достиженію этихъ цѣлей. Этимъ почти исключительно обусловливались и ихъ быстрые успѣхи въ достиженіи своихъ цѣлей. Если человѣкъ говоритъ что-нибудь не отъ искренняго убѣжденія, то его слова не скоро подѣйствуютъ на слушателей, или лучше, онъ никогда не убѣдитъ слушателей надлежащимъ образомъ въ справедливости своихъ словъ, никогда не увлечетъ ихъ на свою сторону такъ и такъ рѣшительно, какъ это можетъ сдѣлать человѣкъ, говорящій отъ искренняго убѣжденія. Когда человѣкъ передаетъ что-либо другимъ отъ полнаго убѣжденія, отъ чистаго сердца, то въ этомъ самомъ убѣжденіи его заключается сила, которая невольно покоряетъ ему сердца и умы людей; въ его рѣчи есть что-то живое, одушевленное, что прямо входитъ въ душу слушателей, невольно заставляетъ сочувствовать говорящему; въ душѣ слушателей какъ-то безсознательно возникаетъ сочувствіе къ говорящему, полная довѣренность къ его словамъ; въ этомъ случаѣ и безъ различныхъ риторическихъ фигуръ, безъ особенныхъ умозаключеній цѣль достигается скоро. Слушатель невольно и вполнѣ соглашается съ тѣмъ, что ему говорятъ, хотя и не можетъ дать полнаго отчета въ томъ, почему онъ этому вполнѣ довѣ-

ряетъ. Это глубокое убѣжденіе всегда одушевляло преобразователей и доставляло имъ торжество надъ слушателями, это же глубокое убѣжденіе въ правотѣ своего ученія, если не исключительно, то преимущественно предъ всѣмъ прочимъ доставило успѣхъ и Мухаммеду; да, онъ дѣйствовалъ по крайней мѣрѣ въ началѣ своего лжепророческаго служенія съ глубокимъ, искреннимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла; все что онъ ни говорилъ, что ни выдавалъ за божественное, все это проистекало изъ его самообольщенія. Слова и дѣйствія его въ первое время его лжепророческаго служенія вполнѣ подтверждаютъ это. Главы, открытыя въ Меккѣ, обличаютъ въ авторѣ смиреннаго грѣшника, кротко увѣщевающаго соотечественниковъ оставить идолопоклонство, принять новую, проповѣдуемую имъ религію. Въ Мухаммедѣ въ это время преобладалъ поэтическій элементъ; въ его ученіи проглядываетъ глубокое сознаніе истины, внутренніе порывы истиннаго воодушевленія; ясно видно, что всѣ его мысли проистекали изъ глубокаго, чистосердечнаго убѣжденія. Цѣлую половину длиннаго періода своего служенія Мухаммедъ обнаруживалъ въ себѣ смиреннаго учителя, котораго Богъ послалъ для того, чтобы возвести Іудейство и Христіанство къ

вѣрѣ Авраама; въ его рѣчи, при истинномъ одушевленіи, видно естественное теченіе мыслей, чуждое всякой предварительной обдуманности и разсчитанности, которыя бы обличали въ немъ человѣка, дѣйствующаго по самолюбію и низкимъ корыстнымъ разсчетамъ. Все это прямо и несомнѣнно доказываетъ, что Мухаммедъ, по крайней мѣрѣ, въ это время, дѣйствовалъ съ полнымъ сознаніемъ правоты своего дѣла. Да и могъ ли иначе дѣйствовать человѣкъ съ такими природными качествами, какими надѣленъ былъ Мухаммедъ? Если и преувеличены похвалы, какія воздаютъ его душевнымъ качествамъ послѣдователи его, называя ихъ ни съ чѣмъ несравненными и неподражаемыми, во всякомъ случаѣ въ основаніи всего этого есть много истиннаго. „Мухаммедъ, говоритъ Абульфеда, показывалъ себя превосходнѣйшимъ изъ людей и по благородству своихъ чувствъ и по своей мудрости; его отвѣты были удивительны, его разговоры всегда чистосердечны, и его благочестіе было столь твердо, а отвращеніе отъ всего безчестнаго столь велико, что въ семействѣ прозвали его вѣрнымъ (аминъ), свидѣтельствуя этимъ о тѣхъ драгоцѣнныхъ качествахъ, которыя Богу угодно было сое-

динить въ немъ“(1). Дѣйствительно, рожденный отъ благородныхъ родителей, воспитанный благородными родственниками, Мухаммедъ отличался предъ всѣми своими соотечественниками благородствомъ и честностію; полученное имъ отъ природы мечтательно-религіозное направленіе еще болѣе располагало его къ искренности и благородной дѣятельности. Могъ ли такой человѣкъ дѣйствовать злонамѣренно, безсовѣстно лгать и обманывать другихъ? Нѣтъ. Мухаммедъ въ первое время своего воображаемаго пророческаго служенія дѣйствовалъ по искреннему, глубокому убѣжденію въ правотѣ своего дѣла. Слова, высказанныя имъ на пиршествѣ у Абу-Талеба, подтверждаютъ это. Когда на семейномъ собраніи, въ домѣ дяди Мухаммедова Абу-Талеба, сей послѣдній началъ убѣждать Мухаммеда отстать отъ намѣренія распространять свою вѣру, то Мухаммедъ воскликнулъ: „о, мой дядя! Поставьте противъ меня съ одной стороны солнце, а съ другой — луну, я и тогда не откажусь отъ своихъ предпріятій“(2). Это слова не обманщика, съ злымъ намѣреніемъ рѣшившагося разыгрывать чужую роль,

(1) Vie de Mahomet par Abulfeda p. 10.

(2) Abulfeda, Vie de Mahomet p. 13.

но слова человѣка, твердо и искренно убѣжденнаго въ правотѣ своихъ дѣйствій. Вообще, говорить и дѣйствовать такъ, какъ говорилъ и дѣйствовалъ Мухаммедъ въ первую половину своего поприща, могъ только человѣкъ глубоко, искренно сознающій правоту своего дѣла. Что Мухаммедъ дѣйствовалъ по самообольщенію, это видно и изъ того, что мнимые способы сообщенія Мухаммеду откровеній, какъ его собственное произведеніе, заключаютъ въ себѣ много противорѣчій, много другихъ сторонъ и чертъ, которыя обличаютъ ихъ земное, человѣческое происхожденіе; но если бы они были чистымъ произведеніемъ холоднаго разсудка Мухаммедова, если бы они были выдуманы имъ самимъ съ преступнымъ намѣреніемъ—безпрепятственнѣе и скорѣе достичь извѣстныхъ цѣлей; то онъ, безъ сомнѣнія, выдалъ бы ихъ такими, чтобы въ дѣйствительности и подлинности ихъ никто не имѣлъ повода сомнѣваться. И сами мухаммедане, если безпрекословно вѣрятъ всему, чему училъ и что говорилъ Мухаммедъ, то вовсе не потому, чтобы они сознательно, разумно были убѣждены въ этомъ, а только потому, что связанные заповѣдью Мухаммеда—„не изслѣдывать ничего своимъ умомъ, а довѣрять всему безпрекословно“,—они никогда не из-

слѣдуютъ основаній своихъ вѣрованій, не дерзаютъ, отрѣшившись отъ своихъ предубѣжденій въ пользу извѣстныхъ вѣрованій, разбирать ихъ относительнаго достоинства. Итакъ несомнѣнно, что Мухаммедъ въ первое время своего мнимо-пророческаго служенія находился въ самообольщеніи; слѣдовательно и разсказы о способахъ, коими будто сообщалось ему свыше откровеніе, произошли изъ того-же самообольщенія. Какимъ же образомъ Мухаммедъ дошелъ до обольщенія, до мечты, что ему извѣстными способами сообщалось небесное откровеніе? Состояніе отечества Мухаммеда, его собственный характеръ, событія въ его жизни вполнѣ раскрываютъ намъ, какимъ образомъ въ немъ родилось, возросло и во всю его жизнь господствовало надъ нимъ обольщеніе, что онъ находится въ общеніи съ міромъ небеснымъ, съ ангелами, Богомъ?

Историческія обстоятельства мѣста и времени, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Мухаммедъ, и которыя вслѣдствіе неизбѣжнаго вліянія должны были дать извѣстное направленіе его мыслямъ, какъ нельзя болѣе благопріятствовали мечтательности Мухаммеда. Эти историческія обстоятельства были такого рода, что одни изъ нихъ возбуждали

сильнѣйшую потребность въ религіозной реформѣ, а другія въ высшей степени благопріятствовали ея совершенію.

Аравія во времена Мухаммеда была пантеономъ почти всѣхъ восточныхъ религій. Этому стеченію ихъ въ одномъ мѣстѣ очень много способствовало географическое положеніе Аравіи. Она была сколько открыта для народовъ всѣхъ частей свѣта, столько же и замкнута сама по себѣ; открыта потому, что окружена съ трехъ сторонъ моремъ(1), а съ четвертой, сѣверной стороны, прилегаетъ къ Сиріи, чрезъ которую, равно какъ и нижній Египетъ, открывалась Европейцамъ дорога въ Аравію; замкнута потому, что внутренность ея составляютъ по большей части неизмѣримыя пустыни, которыя по своей безплодности и свирѣпствующимъ бурямъ, превращающимъ ихъ въ песчаное, взволнованное море, съ одной стороны отбивали охоту у чужеземцевъ овладѣвать ими, а съ другой—давали туземцамъ и странникамъ, искавшимъ у нихъ гостепріимства, надежнѣйшее убѣжище въ оазисахъ. Такимъ образомъ въ Аравію, какъ въ безопаснѣйшее и совершенно независимое мѣсто, издавна стекались от-

(1) См. Абульфеды Descriptio Arabiae p. 1. Энцикл. Лексик. т. II. «Аравія».

всюду людей гонимые, которые не находили безопасности въ своихъ отечественныхъ странахъ. Населенная сперва потомками Измаила(1), Аравія въ разныя времена принимала на свою почву Персовъ, палестинскихъ Іудеевъ, Абиссинцевъ, Сирійцевъ и даже Европейцевъ—еретиковъ. Съ этими разнородными пришельцами въ Аравію, естественно, должны были собраться и самыя разнородныя религіи. И дѣйствительно, тамъ была и языческая религія въ различныхъ формахъ Сабеизма и Магизма, и религія Іудейская и Христіанская, распространенная здѣсь преимущественно несторіанскими и якобитскими монахами. Эти главныя религіи, имѣвшія многочисленныхъ приверженцевъ какъ между пришельцами, такъ и самими арабами, не препятствовали каждому арабскому племени и даже каждой семьѣ исповѣдывать своихъ домашнихъ боговъ и совершать свои особенныя церемоніи, потому что предоставлена полная свобода держаться вѣрованій, какія кому понравятся. Отсюда можно понять, что Аравія содержала разнородную смѣсь вѣрованій до появленія Мухаммеда. Отсюда возбуждалась силь-

(1) См. Ritters Erdkunde 2. Theil p. 263. Впрочемъ часть Аравитянъ считаетъ своимъ родоначальникомъ Кантана, который долженъ быть Іоктаномъ, сыномъ Эвера (Быт. 11, 17).

ная потребность въ религіозной реформѣ арабовъ и богатое содержаніе было подготовлено для нея. Ясно, что когда одни изъ арабовъ въ своей религіозной жизни переходили отъ грубаго идолопоклонства къ менѣе грубому – Сабеизму и Магизму, другіе къ Іудейству, третьи — къ Христіанству, — послѣ этого имъ оставалось лишь перейти къ такой религіи, которая бы совмѣщала въ себѣ по возможности всѣ другія. Мухаммедъ постигъ смыслъ будущей религіозной реформы. Такую же потребность реформы возбуждало и нравственное состояніе арабовъ до Мухаммеда.

Такъ какъ религію арабы подчиняли своимъ страстямъ и даже обожали въ ней свои страсти, то ихъ нравственная жизнь рѣшительно ни чѣмъ не обуздывалась и арабы предавались всѣмъ наклонностямъ своей дикой природы. Племена, разселившіяся по неизмѣримымъ пустынямъ, и ни чѣмъ не связываемыя, кромѣ единства страны, языка и преданій, вѣчно враждовали другъ противъ друга, вѣчно были снѣдаемы взаимною мстительностію, которая воспламеняла между ними почти безпрерывныя войны, которыхъ до Мухаммеда насчитываютъ

до 1700(1). Эта дикая воинственность, обращаемая на другія страны, на чужеземные караваны, выражалась въ разбойническихъ набѣгахъ, въ грабѣжахъ, къ которымъ побуждали арабовъ сколько необузданное удальство, столько же бѣдность страны. Нищенство бедуиновъ часто доходило до того, что отцы семействъ заживо хоронили новорожденныхъ дѣтей, особенно женскаго пола, не имѣя возможности прокормить ихъ.

Полудикая жизнь арабовъ, естественно, не могла способствовать и умственному ихъ образованію. Изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ арабской словесности, относящихся ко временамъ невѣжества (такъ называютъ времена, предшествовавшія Мухаммеду), можно видѣть, что арабы имѣли только формальное образованіе. Они не заботились обогащать себя знаніями, за то тщательно обработывали свой языкъ. При такой заботливости о чистотѣ и изяществѣ языка свободно развивались у арабовъ краснорѣчіе и поэзія. Ораторъ всегда пріобрѣталъ у нихъ великое уваженіе, а поэтъ, особенно импровизаторъ, составлялъ честь и славу не только пле-

(1) Д'Эрбело Biblioth. orient. p. 75 впрочемъ упоминаетъ только о 1,200 битвахъ. Знаменитая въ преданіяхъ арабскихъ война Dahes Gabrah была начата изъ-за двухъ лошадей и продолжалась 10 лѣтъ.

мени, въ нѣдрахъ котораго онъ родился и воспитался, но и цѣлаго народа. Оттого власть надъ арабами скорѣе можно было пріобрѣсть даромъ слова, чѣмъ другими талантами.

Политическое состояніе арабовъ до Мухаммеда отличалось патріархальною простотою и полною независимостію. Большая часть арабовъ жили отдѣльными племенами и при томъ совершенно по своей волѣ. Старшій, или достойнѣйшій въ извѣстномъ родѣ, или племени, естественно считался главою этаго племени, судіею въ его распряхъ и предводителемъ въ битвахъ. Такой глава племени назывался шейхомъ, или эмиромъ. Когда же какой нибудь общій интересъ соединялъ нѣсколько племенъ и заставлялъ ихъ образовать грозную армію, тогда избирался общій для всѣхъ предводитель — эмиръ надъ эмирами, которому всѣ въ нужное время подчинялись, впрочемъ такъ, что вскорѣ оставляли его знамя, когда онъ злоупотреблялъ своею властію. Въ городахъ былъ тотъ же образъ правленія, какой и въ шатрахъ бедуиновъ. Лишь Мекка и Медина представляли среди всей Аравіи форму республики. Дѣдъ Мухаммеда и его прародители представляются въ иностранныхъ и отечественныхъ переговорахъ какъ бы князьями своего

отечества. Но они властвовали также, какъ Периклъ въ Аѳинахъ, или Медичи во Флоренціи. Племя Корейшитовъ, глава котораго управлялъ Меккою, въ глазахъ арабовъ имѣло высокое значеніе особенно потому, что ему принадлежало право охраненія каабы—національной святыни.

При такомъ политическомъ состояніи аравитянъ, гдѣ каждый членъ лично свободенъ, и можетъ поступать такъ, какъ ему угодно, стоило только явиться человѣку, который бы глубоко и ясно созналъ сильнѣйшую, пастоятельную потребность своей націи въ нравственно-религіозномъ преобразованіи, который бы всѣми силами своего существа проникся идеею этаго преобразованія и посвятилъ ей всю свою жизнь, и онъ имѣлъ полную возможность достигнуть своей цѣли. Такимъ человѣкомъ въ Аравіи и явился Мухаммедъ.

Мухаммеду даровано было судьбою все, что только нужно было для великаго арабскаго реформатора. Онъ родился отъ знатнѣйшаго и благороднѣйшаго въ цѣлой Аравіи рода Корейшитовъ. Прадѣдъ Мухаммеда, дѣдъ и отецъ своими дѣлами высоко поставили свой родъ предъ глазами арабовъ. Мухаммедъ, рано сдѣлавшись сиротою, отданъ былъ на воспитаніе кормилицѣ въ семейство бедуина.

Возвратившись подъ родственный кровъ своего дѣда Абъ-эль-Маталеба, а потомъ дяди Абу-Талеба, Мухаммедъ скоро свыкся съ превосходнѣйшимъ изъ всѣхъ арабскихъ діалектовъ—корейшитскимъ и имѣлъ всѣ средства образовать свой необыкновенный даръ слова до крайней степени совершенства. Надѣленный прекрасною наружностію, осанкою привлекательною и въ тоже время внушавшею уваженіе, быстрымъ проницательнымъ умомъ, обширною памятью, роскошнѣйшею фантазіею, энергическою, непреклонною волею, въ высшей степени впечатлительнымъ сердцемъ, поэтическимъ талантомъ, и получивъ съ дѣтства мечтательное, религіозное направленіе, онъ рано обратилъ на себя вниманіе дальновидныхъ. На 13 году жизни его, въ Бопрѣ, куда его бралъ съ собою Абу-Талебъ, во время своего торговаго путешествія, одинъ несторіанскій монахъ по имени Богаира, или Сергій, пораженный чрезвычайно выразительной физіономіей Мухаммеда, его умными отвѣтами, рѣзкими и вольными фразами, предсказалъ, что великая судьба ожидаетъ его въ будущемъ(1). Это предсказаніе,

(1) Ганье приводитъ одно мѣсто изъ Масуди, гдѣ говорится, что имя Богайра въ христіанскихъ книгахъ есть Сергій (онъ жилъ въ монастырѣ Абу-эль-Кан). Предсказаніе Богайры у Абульфеды читается такъ: «возвратись, сказалъ

равно какъ и всеобщее вниманіе, которое онъ невольно обращалъ на себя своими рѣдкими качествами, должны были рано пробудить въ немъ сознаніе своихъ силъ и живое стремленіе болѣе и болѣе развивать ихъ. Достигши юношескаго возраста, онъ имѣлъ случай выказать свою неустрашимость въ войнѣ, которая была предпринята родственнымъ ему племенемъ и его союзниками противъ Шенанитовъ и Авозенитовъ, осквернившихъ священный округъ Мекки. Но не одна воинская доблесть отличала молодаго араба; онъ, какъ говоритъ Абульфеда, показывалъ себя превосходнѣйшимъ изъ людей и по благородству своихъ чувствъ, и по своей мудрости(1). Все это невольно утверждало Мухаммеда въ той мысли, что онъ предназначенъ къ чему-то великому.

Обитая въ Меккѣ, средоточіи не только политической и религіозной, но и промышленно-торговой жизни независимыхъ арабовъ, Мухаммедъ всегда имѣлъ предъ глазами самый живой источникъ разнообразныхъ свѣденій въ лицѣ многочисленныхъ пришельцевъ, стекавшихся въ Мекку со

онъ Абу-Талебу, съ этимъ отрокомъ и береги его отъ Іудеевъ: ибо великія судьбы обѣщаны сыну твоего брата». Vie de Mahomet par Abulf. p. 9.

(1) Ibid. p. 10.

всѣхъ сторонъ Аравіи, сколько по торговымъ, столько же и по религіознымъ побужденіямъ. Въ свободномъ обращеніи съ этими пришельцами онъ очень легко могъ узнать какъ политическій бытъ и характеръ племенъ Аравіи, вѣчно соперничествовавшихъ между собою и проливавшихъ свою родную кровь, такъ и теорію и практику Іудеевъ, воздыхавшихъ по обѣтованномъ Избавителѣ и Христіанъ, раздѣлявшихся другъ съ другомъ среди еретическихъ разглагольствій. Очень естественно было, что и нѣкоторые свѣдущіе чужестранцы, имѣвшіе нужду въ гостепріимствѣ жителей Мекки, были распрашиваемы Мухаммедомъ о разныхъ предметахъ, относящихся къ религіи и политикѣ, особенно если мы примемъ въ соображеніе его сильную наклонность къ религіознымъ размышленіямъ и бесѣдамъ. А когда онъ, надмѣнный своимъ происхожденіемъ отъ Авраама—родоначальника его націи - привелъ въ ясное сознаніе съ одной стороны разстроенное, хаотическое состояніе своего отечества, особенно въ религіозно-нравственномъ отношеніи, а съ другой—огромное богатство своихъ силъ духовныхъ, которыхъ могущественнаго, неотразимаго вліянія на другихъ онъ не могъ не видѣть и сознаніе которыхъ тайно и вмѣстѣ внятно гово-

рило ему, что онъ призванъ къ совершенію чего-то необыкновеннаго, великаго,—такъ,— когда онъ все это привелъ въ ясное сознаніе, то не могъ не придти къ мысли, что онъ именно и предназначенъ къ совершенію преобразованія своего отечества.

Когда эта мысль посѣтила Мухаммеда, то онъ мало-по-малу предался ей всею душею. Умъ его уже прежде обогатился многими религіозными свѣдѣніями, съ которыми онъ могъ бы явиться реформаторомъ; но онъ очень хорошо понималъ какъ великость подобнаго подвига, такъ и то, что лучшею школою генія служитъ уединеніе. Къ такой мысли онъ тѣмъ скорѣе могъ придти, что достоинство и превосходство уединенной, аскетической жизни онъ видѣлъ между Христіанами и узналъ все ея достоинство и превосходство предъ жизнію обыкновенною, превосходство, которое такъ внятно и наглядно доказывало монашество тогдашняго времени. Сдѣлавшись чрезъ женитьбу на Хадиджѣ богатымъ человѣкомъ, Мухаммедъ все время досуга проводилъ въ постѣ, молитвахъ и размышленіяхъ въ уединенной пещерѣ горы Хара. Здѣсь, на свободѣ отъ житейскихъ дѣлъ, онъ размышлялъ о состояніи своего отечества во всѣхъ отношеніяхъ, о возможности преобразованія его—и преобразова-

нія именно религіознаго(1) и о томъ, что онъ именно предназначенъ къ совершенію этого преобразованія. 15 лѣтъ такой жизни(2) достаточны были для того, чтобы его геній образовалъ тотъ взглядъ на религію, какой видимъ въ его Коранѣ. Мысль, что онъ предназначенъ къ преобразованію отечества и прежде была въ его головѣ; но она не была еще рѣшительною: Мухаммедъ находился въ сомнѣніи, точно ли онъ Самимъ Богомъ назначенъ къ этому. Въ его положеніи естественно было желать какого нибудь подтвержденія съ неба этой любимой его мечты. И тѣмъ больше, тѣмъ пламеннѣе онъ долженъ былъ желать этого, что планъ

(1) Мухаммедъ, какъ сообразительный человѣкъ, очень хорошо зналъ, что религіозное преобразованіе вообще удобнѣе и скорѣе выполнимо; а въ Аравіи къ такому преобразованію представляло болѣе удобствъ и надежды на успѣхъ нравственно-религіозное состояніе Арабовъ; онъ вполнѣ сознавалъ, что Арабы, по своей природной мечтательности и склонности къ чудесному, скорѣе и легче могли быть увлечены религіозными бреднями; они при томъ не были привязаны къ одной какой либо религіи. Да и самъ Мухаммедъ по своему мечтательному направленію скорѣе всего могъ именно взяться за такое преобразованіе, если бы даже и не было исчисленныхъ нами къ тому удобствъ.

(2) Что Мухаммедъ проводилъ время въ пещерѣ горы Хара не только въ теченіи мѣсяца Рамазана, какъ доселѣ утверждали всѣ Европейцы вслѣдъ за Абульфедою, но и въ другое время года, объ этомъ ясно замѣчается «Писаньяль-Уйюнъ», мухаммеданскомъ сочиненіи: «Мухаммедъ многія ночи проводилъ въ пещерѣ горы Хара; въ иной разъ три ночи, въ иной—девять, иногда и цѣлый мѣсяцъ Рамазанъ, или другой какой нибудь». См. Weil, Moham. der Prophet, sein Leben und seine Lehre p. 40, 41. Anmerk. 46. Тоже самое подтверждаетъ Придо стр. 17 и 18; Абульфеда стр. 15 и 16 и Гаинье стр. 133 см. у Пасторета о Мухаммедѣ, его законѣ, догматахъ и нравств. стр. 11.

преобразованія у него былъ уже, безъ сомнѣнія, подготовленъ къ концу 15 лѣтняго уединенія: оставалось только привести его въ дѣло. Проникнутый этою мыслію и руководимый господствующею страстію — религіознымъ энтузіазмомъ, Мухаммедъ принялъ свой собственный, внутренній голосъ за голосъ неба, а образы своей фантазіи за Ангела Божія, который торжественно объявилъ ему, что онъ избранъ въ пророка(1). Есть люди отъ природы направленія мистическаго, мечтательные, склонные къ религіознымъ размышленіямъ, которые, увлекшись своими созерцаніями, построенные ими фантастическіе образы и идеалы, перестаютъ отличать отъ дѣйствительности, къ нимъ устремляютъ свою дѣятельность и въ нихъ исключительно сосредоточиваютъ свою жизнь. Проводя такую жизнь, мистики доходятъ до того, что, сближаясь болѣе и болѣе съ своимъ фантастическимъ міромъ, съ своими задушевными мечтами и удаляясь такимъ образомъ болѣе и болѣе отъ опыта и дѣйствительности, начинаютъ вѣрить въ истинность своихъ созерцаній и всѣ явленія своего идеальнаго, ими самими постро-

(1) Такъ объясняетъ явленіе ангела Мухаммеду Испанецъ Гваданьоли, см. in Apolog. ejus c. 10. Этого же мнѣнія держится большая часть Европейскихъ оріенталистовъ и историковъ Мухаммеда.

ваемаго міра, начинаютъ почитать дѣйствительными. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Мухаммедъ(1). Послѣ этого не удивительно, что онъ увидѣлъ ангела и въ фантастической бесѣдѣ съ нимъ призванъ къ пророческому служенію. Пламенные образы фантазіи, по временамъ возвышавшіе Мухаммеда надъ всѣмъ земнымъ, могли отражаться въ его чувствѣ, какъ небесныя внушенія; чрезмѣрная напряженность мысли могла разрѣшаться въ видѣнія и внутренній голосъ, очень легко, при содѣйствіи поэтическаго таланта, который по самой природѣ своей стремится придать всему отвлеченному конкретный, наглядный образъ, могъ принять на себя видъ ангела Божія. Минута, когда этотъ образъ ангела Божія, созданный поэтическою фантазіею Мухаммеда, предсталъ ему во всемъ своемъ идеальномъ величіи въ сокровенномъ гротѣ, среди мистическихъ созерцаній и можетъ быть во время физической полудремоты отшельника (явленіе было ночью) и предсталъ за тѣмъ, чтобы высказать ему призваніе къ посланичеству, — эта минута должествовала быть торжественною и рѣшительною для

(1) Если бы онъ и не былъ такимъ отъ природы, то уединенная, созерцательная, въ продолженіи 15 лѣтъ, жизнь могла образовать изъ него такого мистика.

арабскаго лжепророка. „Читай! сказалъ ему ангелъ, во имя твоего Господа“. „Я Гавріилъ, а ты посланникъ Божій....“. Вотъ во что разрѣшилась мысль Мухаммеда о его посланничествѣ!

Въ нынѣшнія времена разительный примѣръ такого явленія представляютъ сибирскіе шаманы: достовѣрныя свѣдѣнія показываютъ, что прежде рѣшительнаго вступленія въ должность шамана, человѣкъ дѣлается мрачнымъ, задумчивымъ, тоскливымъ, не способнымъ ни къ какимъ житейскимъ занятіямъ, удаляется въ пустыню и тамъ—вдали отъ людей, проводитъ жизнь свою дотолѣ, пока не придетъ время вступить ему въ должность шамана. Очевидно, мрачность и нелюдимость, предшествующія шаманскому служенію, есть природная мечтательность, и шаманство есть плодъ мечтательнаго направленія души. И въ мірѣ христіанскомъ есть примѣры, показывающіе, сколь важныя дѣйствія производитъ иногда религіозная мечтательность. Какимъ образомъ Шведенборгъ увѣрялъ себя, что онъ имѣетъ сношеніе съ міромъ духовнымъ? Кто внушилъ Іоаннѣ д'Аркъ, что она призвана небомъ къ спасенію своего отечества? Очевидно, что какъ исключительная наклонность перваго къ религіознымъ созерцаніямъ открыла для него міръ духов-

ный и закрыла міръ внѣшній; такъ мечтательность послѣдней, исключительно устремленная къ одному предмету, была причиною того, что Іоанна сочла себя посланницею неба.

Подобное Мухаммедову посвященіе въ пророка описано въ Зендавестѣ, въ сказаніи о Зороастрѣ. Однажды онъ взошелъ на высокую гору и тамъ въ уединеніи, въ пламенной молитвѣ, просилъ свѣтъ о своемъ просвѣщеніи; вдругъ предъ нимъ явился первый изъ добрыхъ духовъ, по имени Баманъ, и вознесъ его прямо къ престолу Божества. Первый вопросъ, сдѣланный Зороастромъ Ормузду, былъ: „какое твореніе тебѣ всѣхъ любезнѣе“? Ормуздъ отвѣчалъ: „то, чье сердце правдиво, кто не ищетъ богатствъ, кто готовъ дѣлать добро всѣмъ земнородным. Блаженъ человѣкъ, такъ поступающій“! Потомъ Ормуздъ открылъ ему всѣ таинства природы, міры духовъ, и наставилъ его, что должно дѣлать для учрежденія порядка въ обществѣ и въ религіи(1). Также о Миносѣ, первомъ царѣ и законодателѣ Критскомъ, извѣстно сказаніе древнихъ, что онъ на горѣ Идѣ, по другимъ на горѣ Диктеѣ,

(1) См. руководство ко всеобщей исторіи Лоренца ч. 1. стр. 11. Сравн. Зороастръ, Конфуцій и Мухаммедъ. Соч. Пасторета. Перев. съ француз. Д. Т. Москва 1793, ч. 1, стр. 13, 14.

бесѣдовалъ съ Юпитеромъ и отъ него получилъ всѣ мудрыя постановленія, послѣ сообщенныя имъ народу. Нума Помпилій, который считается основателемъ богопочитанія у древнихъ Римлянъ, по словамъ легенды, удостоиваемъ былъ въ одномъ гротѣ дружеской бесѣды богини Эгеріи, которая научила его какъ учредить іерархію и самые обряды богослуженія. Кому также не извѣстенъ разсказъ о геніи Сократа, сообщавшемъ будто бы ему философическія идеи и по временамъ внушавшемъ ему одно дѣлать, а другаго не дѣлать.

Всѣ эти—аналогическіе съ призваніемъ Мухаммеда къ пророческому служенію, факты, изъ которыхъ въ однихъ изображается, какъ люди мечтательные увѣряются, что они имѣютъ общеніе съ міромъ духовнымъ и считаютъ себя посланниками небесъ, въ другихъ поэтически изображается и вступленіе геніальныхъ людей на свойственное каждому изъ нихъ поприще дѣятельности и внушенія собственнаго ихъ генія при самыхъ ихъ дѣйствіяхъ,—всѣ эти факты прямо ведутъ къ тому заключенію, что и Мухаммедъ принялъ образы своей фантазіи за ангела, а внутренній голосъ — плодъ любимой своей мысли—о посланничествѣ за призваніе къ пророческому служенію.

Но если Мухаммедъ разъ могъ принять, по самообольщенію, образы своей фантазіи за явленія ангела, а внутренній свой голосъ за бесѣду съ нимъ; то что же такое были таинственныя явленія ему ангела съ откровеніями въ продолженіе всего его 23-хъ лѣтняго поприща?—Продолженіе ли того же самообольщенія, или уже намѣренный обманъ? Если человѣкъ разъ сдѣлалъ какое нибудь дурное дѣло не по злонамѣренію, но по самообольщенію, считая его добрымъ и истиннымъ, и если это ему вполнѣ удалось; то въ послѣдующее время, когда обстоятельства раскроютъ предъ нимъ настоящее, подлинное значеніе поступка,—въ послѣдующее время онъ уже сознательно можетъ продолжать тоже самое, выдавая его за то, чѣмъ сначала былъ признанъ имъ самимъ. Но возможность не предполагаетъ еще дѣйствительности,—тѣмъ болѣе это должно сказать объ образѣ дѣйствій Мухаммеда. Признавши разъ посланнымъ себя свыше пророкомъ и посланнымъ такъ торжественно,—принявши разъ образы своей фантазіи за ангела Божія, а свой внутренній голосъ за бесѣду съ нимъ, Мухаммедъ при своей мечтательной настроенности легко могъ оставаться въ томъ же самообольщеніи и относительно послѣдующихъ своихъ дѣйствій и ученія. Да и

могъ ли дозволить себѣ намѣренный обманъ человѣкъ прямодушный, какимъ является Мухаммедъ въ первое время своего пророческаго служенія? При томъ, призваніе его къ пророчеству было исполненіемъ его любимой, задушевной мечты: какія обстоятельства сильны были разувѣрить его въ этомъ? Содержаніе откровеній, сообщенныхъ будто въ началѣ Мухаммеду, тонъ и языкъ ихъ вполнѣ подтверждаютъ, что въ это время Мухаммедъ дѣйствовалъ по самообольщенію. — Какимъ же образомъ поддерживалось въ Мухаммедѣ самообольщеніе относительно явленія къ нему ангела съ откровеніями? Рѣшить этотъ вопросъ не трудно.

Принявъ за дѣйствительную свою мечту о явленіи ангела, Мухаммедъ уже легко могъ видѣть повтореніе этого явленія. Мы видѣли уже, что онъ, занятый мыслію о преобразованіи и считая себя предназначеннымъ къ совершенію этого преобразованія, такъ живо и пламенно желалъ какого нибудь подтвержденія съ неба этой мысли. Эта мысль исключительно занимала его душу, на нее постоянно устремлены были всѣ силы его ума и воли; въ продолженіи 15 лѣтъ она составляла для него центръ, около котораго вращалась вся его душевная дѣятельность въ продолженіи такого длиннаго

періода времени. Понятно послѣ этого, какъ горячо, какъ пламенно долженъ былъ принять Мухаммедъ исполненіе такъ долго ожидаемаго желанія, какъ твердо и глубоко должна была запасть эта мысль въ душѣ Мухаммеда, съ какимъ чувствомъ живаго убѣжденія онъ долженъ былъ признать ея дѣйствительное, по его мнѣнію, осуществленіе. Исполненіе его задушевнаго желанія наполнило всю его душу, онъ весь былъ, такъ сказать, эта мысль, эта увѣренность. Обрадованный увѣренностію въ дѣйствительности своего посланничества, онъ не могъ допустить и мысли усумниться въ этомъ не могъ дозволить себѣ ни малѣйшаго поползновенія изслѣдовать это дѣло хладнокровно, если бы даже и представлялись къ тому настоятельныя побужденія, если бы даже кто сталъ опровергать эту его увѣренность. Слова: „поставьте противъ меня съ одной стороны солнце, съ другой—луну, я и тогда не откажусь отъ своихъ предпріятій“—вполнѣ подтверждаютъ наши мысли. Послѣ этого легко понять, какъ для него могли повторяться явленія ангела съ откровеніями. При своей живой натурѣ, при своемъ мечтательномъ направленіи и при своей увѣренности въ дѣйствительности перваго явленія ангела Мухаммедъ всякій образъ разгоряченной

своей фантазіи легко могъ принимать за того же ангела, котораго онъ видѣлъ на горѣ Хара, всякую случайную мысль, мелькнувшую въ его головѣ, за внушенія съ неба(1). Нужно разъ убѣдить себя въ чемъ-нибудь, въ другой разъ это будетъ гораздо легче; повтореніе тѣхъ же случаевъ, хотя и не при такой уже обстановкѣ, можетъ казаться для человѣка тѣмъ же, за что онъ считалъ ихъ прежде. Человѣкъ уже отъ природы вообще любитъ все объяснять по своему взгляду на извѣстныя вещи. Мухаммедъ получилъ давно ожидаемое: задушевная его мечта осуществилась,—и онъ вѣрилъ этому отъ всей души; поэтому онъ легко и скоро могъ принимать свои грезы за видѣніе ангела, хотя оно происходило въ его воображеніи не при такой уже обстановкѣ; всякая случайная мысль могла быть признаваема имъ за голосъ съ неба, образы фантазіи легко и скоро могли отражаться въ его чувствѣ, какъ небесныя внушенія. Это убѣжденіе тѣмъ легче могло поддерживаться въ Мухаммедѣ, тѣмъ удобнѣе и тѣмъ чаще могло повторяться для него потому, что онъ дѣйствовалъ безъ сомнѣнія всегда

(1) Это убѣжденіе легко могло поддерживаться въ Мухаммедѣ его религіознымъ энтузіазмомъ—господствующею въ немъ страстію. Восточная набожность не умѣла объяснять подобныхъ явленій психологически, естественнымъ образомъ. И греческая фантазія производила энтузіазмъ отъ Бога, откуда и слово энтузіазмъ—Ἐνθεος.

и во всемъ по увлеченію, по страстямъ. Поэтому для него довольно было одинъ разъ убѣдиться въ томъ, что онъ пророкъ, что ему ангеломъ сообщаются небесныя откровенія, чтобы послѣ этого всякую мысль, хотя бы она была чистымъ разсчетомъ съ его стороны, плодомъ собственнаго его мышленія(1), признавать небеснымъ внушеніемъ; тѣмъ скорѣе и тѣмъ легче могли представиться Мухаммеду небеснымъ внушеніемъ тѣ идеи, которыя возникали въ его головѣ нечаянно, безъ всякихъ предварительныхъ размышленій и соображеній.

Убѣжденіе, что къ нему является ангелъ съ небесными откровеніями, еще легче могло укорениться въ головѣ Мухаммеда и еще чаще возобновляться и долѣе поддерживаться отъ того, что онъ былъ эпилептикъ. Что Мухаммедъ былъ эпилептикъ, объ этомъ мы знаемъ изъ Θеофана и слѣдовавшихъ за нимъ христіанскихъ писателей, которыхъ новѣйшая критика обвиняла въ клеветѣ, и не только изъ отдѣльныхъ, намѣкающихъ на эту

(1) Это замѣчаніе объясняетъ намъ, отъ чего въ ученіи Мухаммеда, явившемся въ первыя времена его пророческаго служенія, по мѣстамъ являются черты, которыя, очевидно, суть слѣдствія чистыхъ разсчетовъ со стороны Мухаммеда, плодъ его холоднаго соображенія, хотя онъ въ это время дѣйствовалъ по всемъ по самообольщенію

болѣзнь, мѣстъ Корана, которыя въ случаѣ нужды могли толковать иначе, но и изъ древнѣйшихъ, достовѣрнѣйшихъ мусульманскихъ біографовъ Мухаммеда. Вотъ нѣкоторыя, относящіяся сюда мѣста изъ „Инсанъ-Уйюна“ и „Хамиса“. Въ первомъ говорится: „Ибнъ-Исаакъ разсказываетъ, что онъ слышалъ отъ своего учителя: Мухаммедъ подверженъ былъ припадкамъ обморока, когда онъ былъ въ Меккѣ, прежде, нежели ему былъ открытъ Коранъ. Когда Коранъ низшелъ къ нему, онъ имѣлъ тѣже самые припадки, какіе съ нимъ были прежде, именно: уже прежде онъ впадалъ въ нѣкоторый родъ разслабленія, послѣ сильнаго дрожанія глаза его закрывались, его лице покрывалось пѣною и онъ мычалъ, какъ молодой верблюдъ. Тогда говорила ему Хадиджа (Боже будь милостивъ къ ней!): я приведу къ тебѣ кого нибудь (заклинателя демоновъ), чтобы онъ полечилъ тебя. Мухаммедъ (да будетъ надъ нимъ міръ) отвѣчалъ: „нѣтъ мнѣ не нужно ни кого“. Шерифъ-эддинъ-Абусспри, передавая преданіе о томъ, что предпринимала Хадиджа, чтобы увѣриться, что злой духъ (джинъ) обольщаетъ Мухаммеда, говоритъ: „Гавріилъ пришелъ въ домъ Хадиджи; тогда она отбросила свое

покрывало, чтобы узнать, истинное ли это откровеніе, или обморокъ(1) (игмау)".

Если бы Мухаммедъ дошелъ до увѣренности въ призваніи себя къ совершенію преобразованія отечества только путемъ размышленія, то и въ такомъ случаѣ его живая фантазія не долго оставалась бы въ бездѣйствіи и онъ скоро долженъ бы былъ, будь это во снѣ, или въ напряженномъ состояніи духа, увидѣть съ божественнымъ откровеніемъ ангела, который бы утвердилъ то, что онъ самъ признавалъ истиннымъ. Но это самообольщеніе тѣмъ понятнѣе въ Мухаммедѣ, тѣмъ больше могло въ немъ поддерживаться, что онъ подверженъ былъ припадкамъ эпилепсіи; теперь это безсознательное состояніе, которое вѣроятно очень часто повторялось послѣ большихъ напряженій ума надъ какимъ нибудь важнымъ вопросомъ, легко могло быть приписываемо Мухаммедомъ сверхъестественному общенію съ ангелами, и на то, что послѣ пробужденія прояснилось въ его умѣ, онъ могъ смотрѣть какъ на небесное откровеніе, которое, естественно, утверждало то, что онъ самъ признавалъ истин-

(1) Относительно слова «Игмау» въ «Писанъ-Уйюнъ» замѣчается, что «это извѣстная болѣзнь, въ которую Мухаммедъ по временамъ впадалъ». См. Weil, Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre. Стр. 42. Примѣч. 42.

нымъ. Такимъ образомъ частые припадки эпилепсіи, которымъ Мухаммедъ былъ подверженъ, помогли ему утвердить и поддерживать увѣренность, будто онъ находится въ общеніи съ небомъ. Время своихъ припадковъ онъ выдавалъ за такое время, которое Всевышнимъ Существомъ назначалось для его пророческихъ восхищеній и небесныхъ наставленій, а судороги свои объяснялъ не инымъ чѣмъ, какъ живымъ ощущеніемъ близкаго присутствія божественнаго посланника, ангела(1).

Пришедши совершенно естественнымъ путемъ къ убѣжденію, что онъ избранъ самимъ Богомъ въ пророка и что къ нему являлся ангелъ Гавріилъ съ откровеніемъ, Мухаммедъ не могъ скоро разстаться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что оно какъ нельзя лучше гармонировало съ его направленіемъ. Мухаммедъ былъ арабъ, житель востока. Востокъ въ свое время составлялъ первую ступень въ развитіи человѣчества, а нынѣ, равно какъ и во времена Мухаммеда, самую низшую: онъ никогда не выходилъ изъ состоянія младенчества. Поэтому и представленія его чисто дѣтскія,—представленія, общій характеръ которыхъ — олицетвореніе существъ не-

(1) Придо, жизнь Мухаммеда, въ переводѣ Колмакова. Стр. 15.

одушевленныхъ и образовъ воображенія, олицетвореніе пожеланій и страстей(1). Дитя легко принимаетъ вещи не за то, чѣмъ онѣ бываютъ на самомъ дѣлѣ. Оно твердо напр. бываетъ увѣрено, что палка, на которую оно садится верхомъ, есть настоящая лошадь, что куклы дѣйствительно одушевлены, и потому, давая вопросы имъ и само отвѣчая на нихъ, думаетъ, что куклы отвѣчаютъ на его вопросы. Мухаммедъ былъ дитя востока и общевосточныя представленія не были ему чужды. При такомъ образѣ воззрѣнія на міръ внѣшній и внутренній—Мухаммедъ легко и скоро могъ олицетворять образы своей фантазіи и признавать ихъ за явленіе ангела Божія, а свои задушевныя мысли за сообщенныя имъ откровенія. Если бы Мухаммедъ не имѣлъ на своей сторонѣ другихъ обстоятельствъ, поддерживавшихъ въ немъ эту увѣренность, если бы онъ отъ природы не былъ такимъ мечтательнымъ, если бы не развилъ этой мечтательности пятнадцатилѣтнимъ уединеніемъ, если бы онъ и не былъ подверженъ припадкамъ эпилепси-

(1) Въ настоящее время и вся миѳологія восточная перестала имѣть значеніе историческихъ фактовъ, которыхъ прежде такъ ревностно доискивались во всякомъ миѳологическомъ сказаніи; онѣ нынѣ стали объясняться просто и естественно: миѳологическія личности не что иное, какъ олицетвореніе психологическихъ явленій,—пожеланій, страстей.

ческой болѣзни, еслибъ, говоримъ, Мухаммедъ не имѣлъ всего этого, то и одного того, что у него былъ восточный образъ представленія, одного этого, при его увѣренности въ своемъ посланничествѣ отъ Бога, достаточно было къ тому, чтобы онъ образы своей фантазіи признавалъ за явленіе ангела Божія, а свои собственныя мысли за сообщенныя имъ откровенія.

Послѣ всего этого понятно, какимъ образомъ Мухаммедъ свои собственныя мысли и соображенія принималъ за небесныя внушенія, образы своей фантазіи—за явленіе ангела Божія. Въ самомъ дѣлѣ, каковъ былъ этотъ ангелъ, который невидимо и вмѣстѣ непосредственно внушалъ Мухаммеду небесныя откровенія? Ежели о немъ судить по самымъ этимъ откровеніямъ, то мы невольно и еще придемъ къ тому заключенію, что онъ былъ вымыслъ фантазіи Мухаммеда, его собственный геній. Пусть рѣчи ангела иногда возвышенны и благородны, предписанія мудры и назидательны, но этотъ ангелъ представляется забывающимъ то, что онъ прежде Мухаммеда благовѣствовалъ нѣкоторымъ Новозавѣтнымъ лицамъ, напр.: предъ лицемъ Пресвятой Дѣвы Маріи Гавріилъ предсказывалъ, что отъ нея родится Сынъ Божій (Лук. 1, 35); по

истеченіи же VI вѣковъ онъ представляетъ это благовѣствованіе въ откровеніи Мухаммеду совершенно въ другомъ видѣ (Коран. гл. 3, ст. 37—43); и, главное, всячески старается опровергнуть мысль, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій,—и такимъ образомъ разрушить главное основаніе прежняго откровенія. Этотъ ангелъ искажаетъ многіе историческіе факты (Коран. гл. 11, ст. 58, 63—69 и др.): такъ извѣстное обстоятельство изъ жизни Гедеона, когда онъ отдѣлилъ воиновъ мужественныхъ отъ ненадежныхъ, воспользовавшись, какъ средствомъ къ узнанію ихъ качествъ, тѣми пріемами, которые они употребляли, когда пили воду,—это обстоятельство въ откровеніяхъ Гавріила отнесено къ жизни Саула(1). Этотъ ангелъ передаетъ иногда понятія о Богѣ унизительныя для высочайшаго существа: Богъ въ нѣкоторыхъ его откровеніяхъ имѣетъ характеръ деспотическій (Коран. гл. 7, ст. 154., гл. 3, ст. 172), представляется виновникомъ грѣховъ и заблужденій человѣческихъ (Коран. гл. 6, ст. 107—112., гл. 14, ст. 4., гл. 27, ст. 4., гл. 59, ст. 19 и др.), попрекающимъ человѣку тѣмъ, что Онъ призы-

(1) Коран. гл. 2, ст. 250. Сн. такъ же постановленіе Моисея объ очищеніи пепломъ яицы прикасавшихся къ мертвечинѣ съ сказаніемъ объ этомъ Мухаммеда. (Числ. IX. Коран, гл. 2, ст. 63—69).

ваетъ его къ истинной вѣрѣ (Коран. гл. 49, ст. 17), перехитряющимъ людей (Коран. гл. 4, ст. 156) и т. п. Этотъ ангелъ раздѣляетъ съ Мухаммедомъ многія заблужденія и суевѣрія его вѣка и обличаетъ въ себѣ плохаго физика и историка. Такъ, по словамъ Корана, Абрага—владѣтель счастливой Аравіи, потерялъ всю свою армію во время похода противъ Мекки будто бы отъ нападенія птицъ—ababils, которыя смертельно поражали камнями нападавшихъ воиновъ и смяли ихъ въ кучу, какъ зерна, поѣдаемыя животными. (Коран. гл. 105). Но учеными несомнѣнно доказано, что эти мнимыя птицы—ababils столь гибельныя для войска Абрага, были ничто другое, какъ мелкіе нарывы оспы(1). По откровенію ангела, горы утверждены на землѣ какъ pilotis (сваи), для того чтобы она съ не потряслась и не сдвинулась съ мѣста (Коран. гл. 21, ст. 32., гл. 31, ст. 9), и на бѣду этому откровенію, всему міру извѣстно, что земля и трясется очень часто и движется безпрестанно. Падучія звѣзды потому же откровенію суть ничто иное, какъ дротики, бросаемые ангелами,—стражами неба на демоновъ, когда эти отваживаются про-

(1) Histoire de la Medicine par Sprengel.

стирать свое неумѣренное любопытство до предѣловъ и тайнъ неба. Кратко: этотъ ангелъ до того связанъ съ личностію Мухаммеда, что всегда дѣйствуетъ въ его интересахъ, является съ своими откровеніями всякій разъ, какъ только представляется нужда(1) Мухаммеду, даже является по его прихотямъ, сочувствуетъ и потворствуетъ его страстямъ(2), вмѣшивается въ его домашнія интриги(3), бываетъ измѣнчивъ въ своихъ опредѣленіяхъ до такой степени, что иногда въ новыхъ откровеніяхъ противорѣчитъ прежнимъ. Вообще этотъ ангелъ такъ тѣсно связанъ съ личностію Мухаммеда, что оба они составляютъ одного, у котораго выгоды, страсти, мысли, чувства, желанія и дѣйствія не раздѣльны; самъ Мухаммедъ, при однихъ собсвенныхъ силахъ, подъ вліяніемъ собственныхъ побужденій и цѣлей, могъ только дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуетъ этотъ ангелъ. На основаніи всего этого мы заключаемъ, что ангелъ Гавріилъ, внушавшій Мухаммеду откровенія, вовсе не обитатель небесъ,

(1) Всѣ главы Корана вызваны разными случаями общественной или домашней жизни Мухаммеда, какъ объясняютъ сами мухаммеданскіе толковники.

(2) См. Коран. гл. 33, ст. 33, 53, 49, 51. Гл. 46, ст. 1.

(3) Коран. гл. 46. Здѣсь въ семейныя интриги, разумѣется пустыя, вмѣшивается Самъ Богъ, ангелы и вѣрующіе, чтобъ помочь Мухаммеду въ борьбѣ противъ женъ.

а собственный природный геній Мухаммеда, только опоэтизированный имъ, какъ существо конкретное. Пусть самъ Мухаммедъ отъ всей души вѣрилъ въ небесное происхожденіе своего таинственнаго наставника; ясно, что онъ былъ въ самообольщеніи подобномъ тому, въ какомъ бываютъ галлюцинеры, или подверженные экстазамъ(1), и обманывая самого себя, онъ естественно долженъ былъ обманывать и другихъ. Геній Сократа представляетъ разительный примѣръ того, какъ иногда самый мудрый и добрый человѣкъ можетъ обманывать и самого себя и другихъ, и какъ совѣсть въ смѣшанныхъ состояніяхъ — среднихъ между самообольщеніемъ и произвольнымъ обманомъ — можетъ оставаться безгласною.

Но здѣсь самъ собою раждается вопросъ: всегда ли, до самого конца своей жизни, Мухаммедъ на-

(1) Извѣстно, что галлюцинеры въ состояніи бодрствованія видятъ предъ собою не существующіе на самомъ дѣлѣ образы и формы, до того однакожъ поражающіе правдоподобіемъ, что они думаютъ, будто имъ на самомъ дѣлѣ являются какія нибудь сказочныя существа, или же лица, давно умершія. Подобное явленіе происходитъ отъ неимѣрно сильнаго возбужденія мозга, а это возбужденіе въ свою очередь можетъ происходить или отъ идеи, или отъ глубоковкорененшагося желанія, или отъ надежды, опасенія, страха и т. п. Докторъ Лелю въ своемъ сочиненіи «Demon de Socrate» основательно доказываетъ, что большая часть древнихъ преобразователей были галлюцинеры. Къ ихъ разряду принадлежитъ и Мухаммедъ. Примѣры разнаго рода галлюцинацій см. также въ соч. A. Desè: «Mysteres du Sommeil et du Magnetisme».

ходился въ самообольщеніи относительно своего пророческаго служенія, — всегда ли онъ былъ на самомъ дѣлѣ увѣренъ въ небесномъ происхожденіи своего таинственнаго наставника, какъ онъ всегда увѣрялъ въ этомъ другихъ?

Мухаммедъ находился въ этомъ самообольщеніи до толѣ, пока былъ истиннымъ поэтомъ, каковымъ онъ дѣйствительно былъ въ первое время своего лжепророческаго служенія: ибо истинное воодушевленіе поэта есть уже самообольщеніе, а это воодушевленіе было свойственно Мухаммеду, часто посѣщало его. При томъ о дѣйствіяхъ великихъ людей нельзя судить по дѣйствіямъ людей обыкновенныхъ, въ особенности это должно сказать о религіозныхъ преобразователяхъ. Обыкновенные люди дѣйствуютъ разсчитанно, безъ особеннаго увлеченія; они обсуживаютъ каждый поступокъ свой, предварительно обдумываютъ планы и средства къ достиженію своихъ цѣлей, предусматриваютъ всѣ вѣроятныя слѣдствія извѣстнаго дѣла и никогда ни на что не рѣшаются безъ предварительнаго разсужденія. Не таковы въ своихъ дѣйствіяхъ люди великіе! Они не отдѣляютъ, такъ сказать, себя отъ своихъ дѣйствій, чтобы, ставъ отъ нихъ, какъ бы на сторонѣ, хладнокровно оцѣнивать ихъ и обсу-

живать;—нѣтъ, они всегда и во всемъ дѣйствуютъ по увлеченію, они всегда и во всемъ находчивы, рѣшительны, смѣло стремятся къ достиженію предположенныхъ цѣлей, скоро находятъ средства, которыя вѣрно приводятъ къ цѣли. У такихъ людей трудно найти границы, прямо указать,—гдѣ они дѣйствуютъ по искреннему убѣжденію, гдѣ—по самолюбію; такъ все это тѣсно у нихъ связано, что собственно говоря, одно отъ другаго неотдѣлимо. Мухаммедъ, безспорно, великій человѣкъ и при томъ самаго мечтательнаго направленія. Поэтому его дѣйствій и словъ нельзя различать такъ, чтобы прямо можно было указать, что такія-то принадлежатъ къ разряду словъ и дѣйствій, происходившихъ отъ искренняго, чистосердечнаго убѣжденія, а такія-то къ разряду тѣхъ, которыя были слѣдствіемъ самолюбивыхъ, корыстныхъ разсчетовъ. Впрочемъ нельзя отрицать того, что и великіе люди не всегда дѣйствуютъ по увлеченію; бываетъ время, когда они дѣйствуютъ по разсчетамъ холоднаго разсудка; при томъ надобно сознаться, что Мухаммедъ не былъ на столько великъ, чтобы могъ всегда и во всемъ дѣйствовать по увлеченію, что подтверждаетъ характеръ его дѣйствій. Правда, въ началѣ своего лжепророческаго служенія онъ дѣй-

ствительно является такимъ; но время столь очевидно измѣняетъ нравственныя, равно какъ и физическія черты человѣка, что невозможно нарисовать портрета, по которому можно было бы узнать какого-нибудь человѣка во всѣ періоды его жизни. По роду обстоятельствъ различныя страсти овладѣваютъ человѣкомъ и нелѣпо было-бы заключать по извѣстному ряду дѣйствій, что въ душѣ человѣка во всю его жизнь существовала одна только страсть. Хотя господствующею страстію въ Мухаммедѣ былъ религіозный энтузіазмъ, который проявлялся во всѣхъ его дѣйствіяхъ, обнаруживался въ извѣстной мѣрѣ почти въ каждомъ явленіи его жизни; но онъ былъ вмѣстѣ и честолюбивъ; какъ-бы ни была сильна первая страсть, но и послѣдняя необходимо должна была развиться и усилиться отъ обстоятельствъ. Все это показываетъ, что Мухаммедъ не могъ оставаться въ самообольщеніи относительно явленія къ нему ангела съ откровеніями въ продолженіе всей его жизни. Его отношенія къ міру, медленное, но вѣрное и сильное вліяніе времени и наконецъ внушенія разума естественно должны были умѣрить его религіозный энтузіазмъ; его отношенія къ противникамъ, различныя препятствія и неудачи должны были образумить его, должны были уяснить

ему значеніе его таинственнаго ангела. Дѣйствительно факты подтверждаютъ, что, по крайней мѣрѣ, во вторую половину своего лжепророческаго служенія онъ дѣйствовалъ уже не по самообольщенію.

Въ Меккѣ въ Мухаммедѣ сначала преобладалъ поэтическій элементъ; въ Мединѣ напротивъ, гдѣ онъ былъ уже не нововводителемъ, но главою политической и религіозной партіи, выступаетъ ораторскій элементъ. Здѣсь уже незамѣтно въ немъ истиннаго одушевленія, здѣсь, когда не доставало у него собственнаго убѣжденія, онъ замѣнялъ внутреннія порывы искусственнымъ воодушевленіемъ, глубокое чувство истины — натянутыми софизмами; изъ ученія объявленнаго имъ въ Мединѣ ясно видно, что всѣ его мысли проистекали изъ холоднаго разсудка, а не изъ теплаго сердца, какъ это было въ Меккѣ. Вести полемику противъ полу-іудеевъ и совершенныхъ іудеевъ Мединскихъ, равно какъ и противъ христіанъ аравійскихъ, было не такъ легко, какъ противъ язычниковъ меккскихъ. Въ Мединѣ онъ не былъ уже смиреннымъ грѣшникомъ, котораго Самъ Богъ долженъ былъ увѣщевать — не оставлять начатаго пути,—ни пророкомъ, который посланъ для того, чтобы возвести іудейство и христіанство къ вѣрѣ Авраама, какимъ онъ являлся

въ Меккѣ; нѣтъ, — здѣсь Мухаммедъ является уже новымъ политическимъ и религіознымъ законодателемъ. Въ его рѣчи не было уже того безъискусственнаго теченія мыслей, какое замѣтно въ прежнихъ его словахъ; теперь онъ предварительно обдумываетъ, разсчитываетъ; ясно, что онъ дѣйствовалъ не по внушенію ангела Божія, но по своему собственному измышленію; онъ и самъ уже сознавалъ это вполнѣ. Чтобы доказать это, мы не имѣемъ нужды въ тѣхъ стихахъ Корана, которые онъ возвѣщалъ во имя неба, чтобы жениться на отпущенной женѣ своего усыновленнаго сына, чтобы увеличить свой гаремъ возлюбленными, или чтобы имѣть участіе въ добычѣ. Первая капля крови, пролитая во имя его во время святаго мѣсяца, показала, что въ немъ земной разсчетъ преобладалъ надъ вдохновеніемъ пророческимъ(1). Онъ теперь проповѣдуетъ войну на уничтоженіе невѣрующихъ во имя Божіе, по обычаю своей страны производитъ частныя убійства противъ своихъ враговъ, которые были вмѣстѣ и врагами исламизма; нужда заставила его, чрезъ расхищеніе и убійство, дозволить осквернение священныхъ мѣсяцовъ, которые впослѣдствіи всячески старался возстановить. Но это откровен-

(1) Dr. Weil—Mohammed der Prophet. стр. 394.

ное объясненіе, даже по сознанію мухаммеданствующаго его біографа, онъ издалъ только послѣ похода Абдаллахъ-ибнъ-Джама, который былъ совершенъ по его приказанію. Особенное, таинственное посланіе съ запечатаннымъ и только чрезъ нѣсколько дней распечатаннымъ, двусмысленнымъ письмомъ, кратко, всѣ ближайшія обстоятельства этого похода доказываютъ, что онъ самъ вполнѣ сознавалъ свою несправедливость, сознавалъ, что онъ дѣйствуетъ уже не по волѣ Божіей, но по своей(1). Также и въ главѣ Корана „Іосифъ“ мы узнаемъ въ Мухаммедѣ человѣка, который разными неправдами старается сдѣлать себя уполномоченнымъ пророкомъ. Исторію Іосифа, какъ онъ ее разсказываетъ, онъ могъ узнать или изъ еврейскихъ книгъ, или же отъ еврейскихъ ученыхъ, и однакожъ онъ утверждаетъ, что получилъ ее не только чрезъ Божественное откровеніе, но точное знаніе этой исторіи, „которой онъ не былъ современникомъ“ представляетъ какъ одно изъ доказательствъ своего небеснаго посланничества. Здѣсь нѣтъ никакого самообольщенія ни чрезъ сонъ, ни чрезъ видѣніе, ни чрезъ истинное воодушевленіе; для безпристрастнаго

(1) Mohammed der Prophet. Weil, стр. 393.

человѣка здѣсь очевидѣнъ обманъ. Въ критическія минуты своей частной и общественной жизни Мухаммедъ вмѣсто того, чтобы сказать рѣшительное слово, ищетъ совѣта другихъ, которому иногда и слѣдуетъ противъ собственнаго убѣжденія, какъ напр. при осадѣ Медины, куда онъ выступилъ противъ своей воли и гдѣ онъ желалъ заключить особенный миръ и при Таифѣ, гдѣ онъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, приказалъ начать штурмъ, хотя въ тоже время желалъ, чтобы не было никакого успѣха отъ этого([1]). Вообще много было обстоятельствъ въ жизни Мухаммеда трудныхъ и критическихъ, въ которыхъ внятно для него помогалъ ему его хитрый и оборотливый умъ, а не откровенія свыше,—обстоятельствъ, которыя необходимо должны были довести его до яснаго самосознанія, увѣрить его, что посланникъ небесный есть только мечта его воображенія.

Изъ всего сказаннаго нами о значеніи таинственныхъ явленій Мухаммеду ангела съ откровеніями слѣдуетъ, что въ началѣ своего лжепророческаго служенія Мухаммедъ по самообольщенію собственныя свои мысли признавалъ за внушенія небесныя, а

([1]) Mohammed der Prophet. Weil, стр. 395.

подъ конецъ жизни онъ пришелъ къ ясному самосознанію, вполнѣ увѣрился, что посланникъ съ неба, являвшійся къ нему, есть мечта его воображенія, и уже сознательно обманывалъ другихъ, когда не переставалъ увѣрять ихъ, что онъ говоритъ имъ не свое, а небесное.

Трудно и даже невозможно съ точностію опредѣлить того момента, съ котораго Мухаммедъ сознательно на мѣсто слова Божія поставилъ себя самаго. Конечно для Мухаммеда тяжело было разубѣдиться въ собственномъ посланничествѣ, грустно было разстаться съ своими пріятными заблужденіями, такъ много льстившими его самолюбію, заблужденіями, взлелѣянными имъ самимъ въ продолженіе многихъ лѣтъ: мучительно было для Мухаммеда, человѣка добросовѣстнаго и прямодушнаго, какимъ онъ являлся въ началѣ своего поприща, — безчестно, злонамѣренно выдавать себя за пророка. Нѣкоторымъ, можетъ быть, такой поступокъ Мухаммеда представляется не естественнымъ, но онъ сталъ между двумя крайностями, — или отказаться отъ всего сдѣланнаго имъ для преобразованія своего отечества, потерять плоды многолѣтнихъ заботъ и трудовъ, или-же недобросовѣстно продолжать начатое и обманомъ достигать предположенныхъ цѣлей.

Нужно было избрать одно изъ двухъ, — и онъ рѣшился на послѣднее. Въ немъ непреоборимо было желаніе совершить религіозный переворотъ въ своемъ отечествѣ. Если идти къ этой отдаленной цѣли путемъ обыкновеннымъ, то никакъ нельзя было разсчитывать на вѣрный успѣхъ. Такимъ образомъ пламенное желаніе преобразовать отечество и увѣренность въ успѣхѣ выполненія этого желанія побудили Мухаммеда рѣшиться на средство крайнее— до конца жизни твердо, настойчиво увѣрять своихъ клевретовъ, что всѣми его словами и поступками распоряжается Ангелъ Божій.

Мы показали настоящее, подлинное значеніе явленія ангела Мухаммеду на горѣ Хара въ первый разъ; показали значеніе таинственныхъ явленій ангела къ Мухаммеду въ продолженіе всей его послѣдующей жизни; теперь остается разсмотрѣть химерическій разсказъ о ночномъ путешествіи Мухаммеда по небесамъ для бесѣды съ Богомъ, показать подлинное значеніе этого путешествія.

Мы въ своемъ мѣстѣ разсматривали ночное путешествіе только съ той стороны, что оно, за что бы ни было принимаемо, за видѣніе-ли только, или за дѣйствительное путешествіе, не можетъ быть признано за дѣйствительный способъ сообщенія не-

бесныхъ откровеній. Здѣсь, слѣд., прежде всего представляется для рѣшенія вопросъ: что такое на самомъ дѣлѣ было ночное путешествіе, выдумка-ли чистая со стороны Мухаммеда, выданная имъ для своихъ честолюбивыхъ видовъ, или бредъ его пылкаго воображенія, по самообольщенію принятый имъ за дѣйствительное видѣніе,—и самъ онъ, передавая другимъ этотъ разсказъ, отъ души вѣрилъ въ дѣйствительность его?

Нѣкоторые, обращая вниманіе только на обстоятельства жизни Мухаммедовой предъ тѣмъ временемъ, когда онъ пустилъ въ ходъ этотъ сказочный разсказъ о ночномъ путешествіи, утверждаютъ, что Мухаммедъ выдавалъ его для того только, чтобы доказать дѣйствительность своего небеснаго посланничества. Мнѣніе съ перваго раза очень вѣроятное. Дѣйствительно въ это время положеніе Мухаммеда было такое: онъ находился въ опасности потерять всѣ свои прежнія заслуги отечеству, находился въ опасности потерять всѣхъ своихъ послѣдователей и отказаться совершенно отъ дѣла, такъ успѣшно имъ начатаго. Въ Меккѣ, въ началѣ своей проповѣди, онъ мало имѣлъ послѣдователей; одноплеменные съ нимъ корейшиты преслѣдовали его по своему праву--охранять и поддерживать народную ре-

лигію,—преслѣдовали за проповѣданіе новой вѣры. Если онъ нѣсколько лѣтъ проповѣдывалъ свое ученіе безъ опасности лишиться жизни, то этимъ онъ обязанъ былъ единственно значенію въ народѣ жены своей Хадиджи и защитѣ благороднаго и всѣми уважаемаго дяди своего Абу-талеба. Но предъ тѣмъ временемъ, какъ Мухаммедъ выдалъ эту сказку, почти въ одно время умерли и Абу-талебъ и Хадиджа. Покровителей и защитниковъ теперь у Мухаммеда не стало; если и были еще у него послѣдователи, то они не были такъ значительны по своему положенію, чтобы могли служить защитою для Мухаммеда. Теперь онъ одинъ долженъ былъ противостоять злобѣ враговъ, но онъ еще не имѣлъ ни столько силы, ни значенія, чтобы съ успѣхомъ поддерживать эту борьбу. Враги теперь устремили на него всю свою злобу; преслѣдованіямъ и насмѣшкамъ не было конца; отъ него настоятельно требовали или сотворить какое-либо чудо для доказательства своего Божественнаго посольства, или отказаться совершенно отъ проповѣданія новой вѣры. Въ это то время, при такихъ обстоятельствахъ, Мухаммедъ выдалъ сказку о своемъ ночномъ путешествіи, дабы этимъ доказать, что онъ по волѣ Всевышняго проповѣдуетъ новую вѣру. Такое объясненіе значенія

ночнаго путешествія, дѣйствительно, вѣроятно. Напрасно нѣкоторые, и между прочимъ Вейль(1), опровергаютъ такое объясненіе ночнаго путешествія тѣмъ, именно, что оно, какъ совершенное безъ всякихъ свидѣтелей, не могло надлежащимъ образомъ помочь Мухаммеду, и если онъ чрезъ чудо хотѣлъ выпутаться изъ тѣсныхъ своихъ обстоятельствъ, то безъ сомнѣнія произвелъ бы такое чудо, которое могло бы убѣдить другихъ, но такое чудо, очевидно, ни для кого не могло быть убѣдительно. Но такое возраженіе, какъ само собою понятно, имѣло бы смыслъ и значеніе въ томъ только случаѣ, еслибъ Мухаммедъ дѣйствительно обладалъ даромъ творить чудеса; а такъ какъ онъ, по собственному сознанію, не владѣлъ такимъ даромъ, и никто не признаетъ въ немъ его, то это возраженіе не имѣетъ никакой силы, ни мало не опровергаетъ того, что ночное путешествіе могло быть чистою выдумкою со стороны Мухаммеда. Ему нужно было чѣмъ-нибудь доказать свое мнимое божественное посланничество, — и онъ, за невозможностію сотворить дѣйствительное чудо, долженъ былъ прибѣгнуть, по крайней мѣрѣ, къ мнимому, лишь бы въ нѣкоторой мѣрѣ достиг-

(1) Въ сочиненіи Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre 1843 г.

нуть желаемой цѣли, долженъ былъ выдумать что-нибудь чрезвычайное, сверхъ-естественное, невозможное для обыкновеннаго смертнаго; для этого-то онъ и могъ выдумать и утверждать свое ночное путешествіе. Такимъ образомъ если брать во вниманіе только обстоятельства жизни Мухаммедовой предъ тѣмъ временемъ, какъ онъ выдалъ сказку о ночномъ путешествіи, то ее можно почесть за чистую выдумку со стороны Мухаммеда. Но возможность не предполагаетъ еще дѣйствительности. Обстоятельства внѣшнія еще не даютъ права такъ или иначе судить о поступкахъ человѣка. Человѣкъ къ такому, или другому роду и характеру дѣятельности опредѣляется не одними внѣшними обстоятельствами, но и внутреннимъ своимъ настроеніемъ и нравственнымъ характеромъ и послѣднимъ болѣе и преимущественнѣе, чѣмъ первыми; гораздо болѣе отъ личности человѣка зависитъ такъ или иначе поступать при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такое или другое направленіе дать извѣстному дѣйствію, чѣмъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Лучшее и вѣрное пониманіе поступка есть психическое, когда берутся въ разсчетъ внутреннія побужденія и цѣли для дѣятельности. Разные люди, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, обладая одними и тѣми-же средства-

ми, преслѣдуя однѣ и тѣ-же цѣли, поступаютъ различно, смотря по характеру и личнымъ качествамъ каждаго. Слѣдовательно основаніе для такого или другаго рода дѣятельности главнымъ образомъ лежитъ въ нравственномъ характерѣ человѣка. По этому, чтобы понять надлежащимъ образомъ ночное путешествіе Мухаммеда на небеса, знать дѣйствительное, подлинное его значеніе, нужно обратить вниманіе на характеръ дѣятельности Мухаммеда вообще и особенно въ то время, когда онъ выдалъ эту сказку. Мы замѣчали прежде, что слова и дѣйствія Мухаммеда со времени его мнимаго призванія къ пророческому служенію носятъ на себѣ два рѣзкіе и совершенно различные характера: въ Меккѣ онъ является смиреннымъ провозвѣстникомъ ученія, въ самообольщеніи дѣйствующимъ отъ лица Божія; въ Мединѣ, гдѣ успѣхи ученія и оружіе придали ему значеніе и силу—въ Мединѣ онъ является обманщикомъ, преслѣдующимъ только свои честолюбивые виды. Нельзя съ точностію опредѣлить того момента, когда онъ созналъ свое самообольщеніе; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что это произошло уже въ Мединѣ, потому что въ Меккѣ онъ дѣйствовалъ безкорыстно, по чистымъ побужденіямъ къ преобразованію отечества, въ полной, искренней увѣрен-

ности, что онъ божественный посланникъ. Исторія и содержаніе ученія, открытаго въ Меккѣ, вполнѣ подтверждаютъ это. Слѣдовательно, чтобы опредѣлить настоящее значеніе ночнаго путешествія, нужно опредѣлить время, когда онъ выдалъ эту сказку. Хотя достовѣрно не извѣстно время, годъ, мѣсяцъ и день, когда это было, по крайней мѣрѣ несомнѣнно извѣстно, что еще въ Меккѣ Мухаммедъ пустилъ эту сказку въ ходъ; большая часть историковъ допускаетъ, что это было за годъ до гиджры—бѣгства Мухаммеда изъ Мекки въ Медину. На этомъ основаніи мы имѣемъ право разсказъ о ночномъ путешествіи отнести къ тѣмъ дѣйствіямъ Мухаммеда, которыя проистекали изъ самообольщенія, къ которымъ не примѣшивалось еще никакихъ корыстныхъ разсчетовъ. Это мнѣніе, очевидно, естественнѣе и вѣроятнѣе прежняго, по которому ночное путешествіе считаютъ выдумкою со стороны Мухаммеда. Эта вѣроятность превратится въ полную достовѣрность, если возмемъ во вниманіе обстоятельства послѣдующія за появленіемъ разсказа о ночномъ путешествіи. Когда Мухаммедъ торжественно объявилъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ и противникамъ о ночномъ путешествіи, то онъ мало имѣлъ успѣха для своихъ выгодъ; возраженія еще болѣе усилились, жи-

тели Мекки явно издѣвались надъ нимъ, самые приверженцы и послѣдователи его не одинаково приняли этотъ разсказъ: одни восхищались, другіе, недовольные такимъ, по ихъ мнѣнію, обманомъ и какъбы насмѣшкою надъ ихъ благоразуміемъ, оставили недавно принятую вѣру и Мухаммедъ находился въ опасности потерять свою славу и лишиться всѣхъ своихъ послѣдователей(1). Не смотря на такое, неблагопріятное для Мухаммеда, дѣйствіе разсказа о ночномъ путешествіи, онъ нетолько не перестаетъ утверждать и проповѣдывать его, не только не измѣняетъ и не переиначиваетъ своего разсказа, чтобы имѣть больше успѣха, но еще съ большею настойчивостію продолжаетъ доказывать его дѣйствительность. Напрасно тетка его Умъ-Гани умоляла его не распространять этого разсказа, чтобы не подвергаться насмѣшкамъ и не лишиться послѣднихъ немногихъ приверженцевъ; онъ съ большею смѣлостію продолжаетъ распространять разсказъ о чудесномъ своемъ ночномъ путешествіи по небесамъ. Ясное дѣло, что онъ вѣрилъ въ дѣйствительность этого видѣнія и заботился не о своихъ личныхъ интересахъ, но о распространеніи и поддержаніи, по

(1) Придо, жизнь Мухаммеда, въ переводѣ Колмакова, стр. 50.

его мнѣнію, истины. Еслибъ Мухаммедъ злонамѣренно, для своихъ выгодъ выдумалъ разсказъ о ночномъ путешествіи, то, какъ человѣкъ умный и смѣтливый, онъ выдумалъ бы что нибудь получше, повѣроятнѣе для своихъ соотечественниковъ, а это ему, знавшему хорошо своихъ согражданъ, конечно не трудно было сдѣлать. Онъ очень хорошо долженъ былъ знать, что это секретное, съ нимъ однимъ случившееся, чудо не могло быть убѣдительно для корейшитовъ; и если, по его мнѣнію, необходимо было выдать какое нибудь чудо для поддержанія своего пророческаго авторитета, то онъ могъ-бы какому-нибудь естественному явленію дать обстановку чуда, что и не трудно было сдѣлать предъ арабами, склонными вообще вѣрить всему чудесному, сверхъ-естественному. Но Мухаммедъ продолжалъ торжественно объявлять о своемъ ночномъ путешествіи со всѣми его странными подробностями, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній, переиначиваній. Что другое могло побудить его распространять эту басню, когда онъ ясно видѣлъ, что этимъ нетолько не привлекаетъ никого на свою сторону, но еще отталкиваетъ и тѣхъ, кто прежде слѣдовалъ ему — что другое, говоримъ, могло побудить его къ этому, кромѣ глубокаго убѣжденія въ истинности

видѣнія? Не разсчитывалъ ли въ этомъ случаѣ Мухаммедъ на то, что со временемъ примирятся съ этимъ страннымъ разсказомъ и примутъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его передавалъ, а въ этомъ видѣ разсказъ придастъ больше силы и значенія ему самому, больше важности его пророческому служенію? Но Мухаммедъ не могъ разсчитывать подобнымъ образомъ, и въ то время онъ былъ еще слишкомъ слабъ и потому не могъ такъ далеко простирать свои виды на будущее. И такому взгляду на ночное путешествіе ни мало не противорѣчитъ его обстановка, которая по видимому обличаетъ разсчетъ, соображенія холоднаго разсудка. Правда, судя по обыкновенному порядку вещей, мы не можемъ допустить, чтобы образы фантазіи были такъ связны, ясны, отчетливы, какъ мы это видимъ въ разсказѣ о ночномъ путешествіи, если признавать его дѣйствительнымъ видѣніемъ: сны всегда бываютъ болѣе, или менѣе безсвязны. Но связность, опредѣленность и ясность представленій въ видѣніяхъ обусловливаются природными способностями человѣка съ одной стороны, а съ другой—большею или меньшею силою тѣхъ мыслей и впечатлѣній, какія занимали человѣка въ бодрственномъ состояніи. Великихъ, геніальныхъ людей нельзя сравнивать съ людьми

обыкновенными: обладая душевными способностями въ высшей степени и силѣ, чѣмъ послѣдніе, первые и дѣятельность обнаруживаютъ исключительную, свойственную толькьо имъ однимъ, дѣятельность, которой не могутъ вполнѣ понять и уяснить себѣ люди обыкновенные. По этому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что видѣніе ночнаго путешествія какъ въ основаніи, такъ и въ подробностяхъ было у Мухаммеда такъ ясно, наглядно, опредѣленно; и у людей обыкновенныхъ иногда сны бываютъ ясны, отчетливы, опредѣленны. Эта ясность и опредѣленность представленій въ ночномъ путешествіи будетъ понятнѣе, если обратимъ вниманіе на положеніе Мухаммеда предъ тѣмъ временемъ, когда ему было это видѣніе. Глубоко, искренно убѣжденный въ своемъ небесномъ посланничествѣ, въ правотѣ и истинѣ своего ученія, Мухаммедъ со всѣмъ жаромъ, со всею силою могучей души стремился къ достиженію предположенныхъ имъ цѣлей; но чѣмъ болѣе онъ пріобрѣталъ себѣ послѣдователей, тѣмъ болѣе враги его вооружались противъ него; требованія отъ него чудесъ были настойчивы; изворотливость Мухаммеда истощалась и жизнь находилась въ опасности. Душа Мухаммеда при такихъ обстоятельствахъ должна была возмутиться до невѣроятности. Другой на мѣ-

стѣ Мухаммеда, менѣе сильный и могучій, уничтожился бы, палъ бы предъ такими не преодолимыми препятствіями. Но Мухаммедъ не могъ такъ скоро отказаться отъ начатаго имъ дѣла, потому что искренно убѣжденъ былъ въ правотѣ его. Съ другой стороны, не имѣя средствъ преодолѣть этихъ препятствій, онъ, естественно, всѣми силами души долженъ былъ предаться молитвеннымъ размышленіямъ, долженъ былъ отъ одного Бога ждать себѣ въ этомъ случаѣ помощи и заступничества; мысли его, чувства и желанія, — все должно было быть устремленнымъ къ Богу. Въ такомъ напряженномъ состояніи ему, естественно, должны были приходить въ голову мысли, что вотъ, —вотъ Самъ Богъ приметъ въ немъ участіе и выведетъ его изъ затруднительнаго положенія, доказавъ убѣдительнѣйшимъ образомъ его пророческое достоинство. Чтоже удивительнаго послѣ этого, если при такомъ направленіи мыслей и при живомъ пламенномъ воображеніи въ его головѣ могло сформироваться такое чудовищное видѣніе, каково ночное путешествіе? Находясь въ затруднительномъ положеніи, обладая живою, пламенною фантазіею, Мухаммедъ живо и наглядно долженъ былъ представлять себѣ Бога, его жилище, его величественное царство. Семь небесъ, которымъ

и прежде того Мухаммедъ вѣрилъ, сами собою должны были представляться ему населенными ангелами, и по общему вѣрованію арабовъ,— ангелами съ лицами человѣческими, звѣриными, птичьими и проч. Патріархи и пророки также, естественно, должны были занимать мысли Мухаммеда, который считалъ себя поставленнымъ къ нимъ въ близкомъ отношеніи; и такъ-какъ по его мнѣнію онъ посланъ былъ возстановить истинную религію, которую прежде проповѣдывали эти пророки, то ему легко могло представиться, что эти пророки принимаютъ въ немъ участіе, радуются, что онъ возстановляетъ ту религію, которая была насаждена ими и помрачена людьми. Сторонніе подробности и малѣйшіе оттѣнки этой величественно-странной картины сами собою могли образоваться въ пламенномъ, живомъ воображеніи Мухаммеда. Все это ведетъ къ тому опять заключенію, что ночное путешествіе имѣетъ основаніе въ самообольщеніи Мухаммеда, а не есть злонамѣренная выдумка съ его стороны; нѣтъ, Мухаммедъ въ то время не могъ рѣшиться прибѣгать къ такимъ безсовѣстнымъ выдумкамъ для поддержанія своего пророческаго авторитета; не могъ прибѣгать къ такимъ средствамъ, которыя, какъ онъ заранѣе могъ пред-

видѣть, не могли никакъ содѣйствовать достиженію цѣли!

Составленному нами взгляду на ночное путешествіе ни мало не противорѣчитъ то, что разсказъ о ночномъ путешествіи какъ въ общемъ своемъ составѣ, такъ и въ частностяхъ какъ нельзя болѣе приспособленъ, повидимому, къ понятіямъ и склонностямъ арабовъ, приспособленъ съ тѣмъ конечно намѣреніемъ, чтобы онъ въ такомъ видѣ былъ и казался вѣроятнѣе и слѣдовательно, чтобы скорѣе и вѣрнѣе приводилъ къ цѣли. Мухаммедъ, чистѣйшій арабъ тѣломъ и душею, безъ сомнѣнія, очень хорошо зналъ свойства, духъ и потребности своихъ соотечественниковъ, — очень хорошо, если не сознательно понималъ, то инстинктивно чувствовалъ ихъ склонность къ чудесному, склонность, обыкновенную въ человѣкѣ, стоящемъ на первой ступени умственнаго и нравственнаго развитія, когда онъ преимущественно живетъ воображеніемъ, самъ для себя создаетъ воображаемый міръ, образамъ котораго вѣритъ, какъ дѣйствительности. Во время Мухаммеда арабы были именно таковы. Мухаммедъ вполнѣ понималъ, что чѣмъ чудеснѣе разсказъ, тѣмъ онъ большее и сильнѣйшее произведетъ впечатлѣніе на слушателей. Но чудеснѣе разсказа о

ночномъ путешествіи, кажется, ничего и не можетъ быть; а потому не обличаетъ ли эта чудесность, это приспособленіе къ духу и потребностямъ арабовъ этого разсказа, — не обличаетъ-ли въ Мухаммедѣ намѣреннаго обманщика, думавшаго найти въ этомъ средство къ достиженію своихъ честолюбивыхъ цѣлей? Всѣ эти и подобныя возраженія противъ нашего взгляда на ночное путешествіе ни мало ни опровергаютъ его. Мухаммедъ самъ былъ арабъ въ полномъ и истинномъ смыслѣ этого слова,— арабъ со всѣми склонностями и слабостями, свойственными арабу. Посему нѣтъ ничего страннаго и непонятнаго въ томъ, что у него безсознательно, самъ собою въ головѣ образовался такой чудесный разсказъ. Притомъ тѣ мысли и впечатлѣнія, какія преимущественно занимаютъ человѣка въ бодрственномъ состояніи, отражаются въ сновидѣніяхъ, независимо отъ произвола этого человѣка. Мухаммедъ, разсуждая о своемъ бѣдственномъ положеніи, въ какомъ онъ находился предъ временемъ выхода въ свѣтъ сказки о ночномъ путешествіи, естественно, долженъ былъ желать какого нибудь чуда для поддержанія своего пророческаго авторитета, чуда, которое бы гармонировало съ понятіями арабовъ, было для нихъ и вѣроятно и разительно. Эти же-

ланія его и мечты, естественно, отразились въ его видѣніи, хотя уже совершенно безсознательно для него самого, независимо отъ его воли; и самъ Мухаммедъ послѣ могъ смотрѣть на видѣніе ночнаго путешествія, какъ ни въ чемъ независимое отъ его собственнаго произвола.

Изъ всего сказаннаго разсужденія слѣдуетъ, что тѣ способы, коими будто сообщались свыше Мухаммеду откровенія и на которыя самъ онъ ссылался и теперь мухаммедане ссылаются какъ на фактическія доказательства того, что Мухаммеду были сообщенны небесныя откровенія,—эти способы суть не болѣе какъ призраки его собственнаго воображенія, бредъ его мечтательной души.

НОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ МУХАММЕДА

ВЪ

ХРАМЪ ІЕРУСАЛИМСКІЙ И НА НЕБО.

СОЧИНЕНІЕ

СТУДЕНТА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ IX УЧЕБН. КУРСА (1858—1862 г.).

Ѳеима Малова.

КАЗАНЬ.

Типо- и Литографія К. А. Тилли, на Грузинской улицѣ.

1876.

Ночное путешествіе Мухаммеда изъ Мекки въ храмъ Іерусалимскій и отсюда на небо.

„Да будетъ прославленъ тотъ, который переносилъ своего раба ночью отъ священнаго храма (въ Меккѣ) къ храму отдаленному(1) (въ Іерусалимѣ), коего окрестности мы благословляемъ, чтобы показать ему наши чудеса. Дѣйствительно Онъ (Богъ) слышитъ и видитъ все.“ (Коран. гл. 17 ст. 1).

Это единственное въ Коранѣ мѣсто, которымъ Мухаммедъ указалъ на свое ночное путешествіе въ храмъ Іерусалимскій и которое доселѣ приводится въ подтвержденіе того-же мусульманскими учеными, какъ неоспоримое доказательство. Но удивительно, что въ подтвержденіе небеснаго путешествія Мухаммеда, которое имѣетъ важное значеніе въ глазахъ всѣхъ почти мусульманъ, нѣтъ у мухаммеданъ ни одного слова изъ небеснаго Корана, начертаннаго на „предвѣчныхъ таблицахъ“.

(1) Святилище Іерусалимское, или храмъ, у мухаммеданъ извѣстно подъ названіемъ «*акса*», т. е. святилище *отдаленное* отъ другихъ святилищъ Ислама.

Не смотря на различныя непріятности, которыя потерпѣлъ Мухаммедъ, а съ нимъ вмѣстѣ и друзья его отъ большей части народа, отвергнувшаго это небесное путешествіе, лжепророкъ Мухаммедъ нигдѣ не сказалъ того, что Архангелъ Гавріилъ принесъ ему какой-либо откровенный стихъ для убѣжденія невѣрующихъ этому знаменательному путешествію. Поэтому путешествіе Мухаммеда на небо основывается единственно на преданіи.

Прежде нежели мы начнемъ разбирать оба эти путешествія, которыя имѣютъ важное значеніе во всѣхъ біографіяхъ Мухаммеда, припомнимъ обстоятельства, предшествующія этому чудесному путешествію, чтобъ видѣть, не имѣли ли они какой либо внутренней связи съ этимъ событіемъ и не заключали ли въ себѣ возможности этого явленія въ жизни Мухаммеда. Потомъ разсмотримъ самое путешествіе и, по возможности, укажемъ на его слѣдствія, на сужденія о немъ ученыхъ мусульманъ и наконецъ раскроемъ противорѣчія историческія и не сообразности этого путешествія съ началами и требованіями здраваго разума.

Извѣстно какія были обстоятельства у Мухаммеда прежде нежели онъ выдалъ въ свѣтъ свое

путешествіе. Въ 10 годъ([1]) своего посольства онъ лишился дяди Абу-Талеба, лучшаго своего патрона. Спустя немного([2]) послѣ этой утраты, Мухаммедъ оплакалъ смерть своей жены Хадиджи. Первый, при жизни своей, защищалъ Мухаммеда отъ всѣхъ его противниковъ, хотя самъ не принялъ Ислама([3]). Послѣдняя сильно полюбила его и предалась ему еще съ того времени, когда онъ, обиженный судьбою, былъ сиротою. Она первая съ клятвою повѣрила ему на-слово, когда онъ назвалъ себя посланникомъ Божіимъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ арабскій историкъ Абуль-Феда([4]). И Абу-Талебъ и Хадиджа были, слѣдовательно, всего болѣе необходимы въ жизни Мухаммеда и только вліянію этихъ лицъ Мухаммедъ обязанъ счастливымъ ходомъ большей части своей жизни. Такимъ образомъ съ потерею этихъ личностей неминуемо должна была произойти перемѣна какъ во внутренней жизни Мухаммеда, такъ и въ обстановкѣ его, или въ жизни

([1]) Arabie, par M. Noel Des Vergers. Paris. 1847 г. стр. 144.

([2]) Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre. Dr. Gustav Weil Stuttgart. 1843 г. стр. 67 сн. 80 и стр. 68 сн. 81.

([3]) Weil, стр. 67.

([4]) Вотъ слова Абульфеды: «Потомъ возвратился пророкъ (да будетъ надъ нимъ миръ) въ свое мѣсто, нашелъ Хадиджу и разсказалъ ей все, что видѣлъ. Радуйся, сказала она. *Клянусь* Тѣмъ, Который держитъ душу Хадиджи въ своихъ рукахъ: я вѣрю, что ты будешь пророкомъ нашего народа»... Vie de Mohammed, texte arabe d'Aboulféda, par A. Noël des Vergers. Paris, 1837 pag. 18.

противной ему партіи. Дѣйствительно мы видимъ изъ исторіи, что Мухаммедъ долженъ былъ теперь бороться съ корейшитами, которые еще болѣе озлобились противъ Мухаммеда, не видя близъ него прежняго его покровителя; эта борьба была для Мухаммеда болѣе внутренняя, чѣмъ внѣшняя. Занятый постоянно мыслію объ избавленіи отъ своихъ враговъ и перебирая въ головѣ своей средства къ своей оборонѣ, Мухаммедъ, и безъ того уже болѣзненный — эпилептикъ(1), совершенно терялся, запутанный трудными обстоятельствами. Онъ не видѣлъ выхода изъ этого положенія. Теперь вопросъ: какъ выйти изъ этого положенія — постоянно преслѣдовалъ его. Психологическія наблюденія надъ душею показываютъ намъ, что человѣкъ и въ сонномъ состояніи, большею частію, бываетъ занятъ тѣмъ же, чѣмъ занимался и въ бодрственномъ и, замѣчено, что человѣкъ всегда рѣшаетъ во снѣ въ свою пользу то, чего не могъ рѣшить въ состояніи бодрственномъ. Говоря это, мы хотимъ отнести ночное путешествіе Мухаммеда въ Іерусалимъ и на небо къ *сновидѣніямъ*. Что касается до религіозной обстановки этого сновидѣнія, то она легко объ-

(1) Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre. G. Weil. Стр. 42, примѣч. 48.

ясняется дѣятельностію Мухаммеда во время бодрствованія и предзанятыми его мыслями о божественномъ, будто бы, призваніи. Посольство, на которое Мухаммедъ претендуетъ, безъ всякаго сомнѣнія, должно было имѣть въ сновидѣніи еще болѣе важности и значенія въ его собственныхъ глазахъ. И вотъ онъ видитъ себя среди ангельскаго міра семи небесъ высшимъ(1) или первымъ лицомъ, предъ которымъ всѣ прочія личности ничего не значатъ и всѣ отдаютъ ему должныя почести. Тѣмъ легче будетъ принять это путешествіе за сновидѣніе, когда мы, хотя кратко, разсмотримъ всю обстановку его; потому что даже отъ поверхностнаго взгляда не скроется отсутствіе логики, знанія исторіи, знанія природы, особенно обнаружится недостаточность яснаго и полнаго сознанія въ лицѣ, разыгрывающемъ главную роль въ этомъ путешествіи. Мы съ твердымъ убѣжденіемъ признаемъ за сновидѣніе это путешествіе, когда увидимъ всю странность въ опи-

(1) Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ историковъ:... Et quand nous voyons Mohammed, dans cette imposture satanique, s'élever au—dessus de tous les patriarches et de tous les prophétes, audessus de tous les anges, au—dessus de Iésus—Christ et s'approcher seul du Trône de Dieu, comme son pareil, peut—on méconnaitre cet ange de l'orgueil, qui disait par un autre: de monterai aux cieux, se placerai mon Trône par — dessus les astres, et se serai semblable au Très—Haut?

Histoire universelle de l'église catholique par l'abbe Rohrbacher. T. 10 стр. 29. Paris. 1850 г.

саніи различной обстановки и личностей, составляющихъ предметъ этого путешествія. Мы убѣдимся, что все, что разсказываетъ Мухаммедъ о своемъ путешествіи, могло быть только произведеніемъ сознаго воображенія и производительной фантазіи. При помощи этихъ-то способностей Мухаммедъ такъ быстро переносится отъ одного неба на другое и видитъ такіе предметы, коихъ никогда не представлялъ и не представитъ міръ дѣйствительный. И такъ перейдемъ къ краткому([1]) обзору самаго путешествія.

Начнемъ описаніе путешествія съ того пункта, съ котораго отправился нѣкогда въ страну небожителей лжепророкъ Мухаммедъ.—При этомъ описаніи мы не намѣрены останавливаться на подробностяхъ этого путешествія, а коснемся только тѣхъ предметовъ, которые особенно поразятъ наше вниманіе и потребуютъ для себя нѣкотораго объясненія. Въ одну ночь, самую тихую и ничѣмъ невозмутимую, Мухаммедъ былъ пробужденъ Архангеломъ

([1]) Желающій познакомиться съ болѣе подробнымъ описаніемъ этого путешествія можетъ обратиться напр. къ слѣд. книгамъ: Das Leben Mahommeds von Waschington Irving. Leipzig. 1850 г. стр. 72 и дал. Ганье (Gagnier) обнародовалъ длинный разсказъ объ этомъ путешествіи въ «la Vie de Mohamet» по преданіямъ d'Abou—Horaira, собраннымъ авторомъ du Sirat—er—Reçoul. T. 1 стр. 251—342. Сравн. также les Monuments arabes, turcs et Persans du cabinet de M. le duc de Blacas, par M. Reinaud, т. 11 стр. 83—87.

Гавріиломъ, который явился въ человѣческомъ видѣ, въ одеждахъ, унизанныхъ перлами и вышитыхъ золотомъ. Для того, чтобы взять Мухаммеда съ собою, Гавріилъ привелъ откуда-то бѣлую, крылатую кобылицу, престранную по своей формѣ. Фигура лица этаго животнаго была человѣческая, тѣло лошадиное, хвостъ павлиный. По причинѣ блеска и быстроты это животное называлось „Эль-боракъ“ или—молнія.

На этой-то молніеносной кобылицѣ—Эль-боракъ, Мухаммедъ отправился сначала въ храмъ Іерусалимскій. На этомъ пути Мухаммедъ и Гавріилъ сдѣлали только двѣ станціи: они спускались на гору Синай и въ Виѳлеемъ, почтить молитвою съ двумя поклонами эти священныя мѣста. Когда дорога была кончена, Мухаммедъ слѣзъ съ лошади и привязалъ ее около храма Іерусалимскаго къ какому-то кольцу(1). Въ самомъ храмѣ Мухаммедъ встрѣтилъ Авраама, Моисея и Іисуса Христа и молился съ ними. Послѣ довольно продолжительной молитвы Мухаммедъ и Гавріилъ возносятся на первое небо по лѣстницѣ, которая образовалась изъ свѣта и бы-

(1) Здѣсь кстати замѣтить, что Мухаммедъ разсказывалъ, будто и прежніе пророки и патріархи ѣздили также на этой кобылицѣ и привязывали ее также къ тому самому кольцу, къ которому привязалъ теперь ее и Мухаммедъ.

ла спущена на основный камень (шакра) святилища—на камень Іакова(1).

Послѣ того какъ Архангелъ Гавріилъ постучался въ двери серебрянаго неба и доложилъ съ кѣмъ онъ идетъ,—ихъ впустили и здѣсь Адамъ привѣтствуетъ Мухаммеда, какъ величайшаго изъ своихъ сыновъ и первѣйшаго изъ пророковъ. Особенно заинтересовалъ Мухаммеда на этомъ первомъ небѣ бѣлый пѣтухъ, необыкновенной вышины, такъ что гребень его касался втораго неба, которое было на 500 лѣтъ пути отъ перваго(2). Этотъ пѣтухъ и другія птицы этой породы пѣли „аллилуія!“

На второмъ, стальномъ небѣ привѣтствуетъ Мухаммеда, подобно Адаму, Ной.

---

(1) Что это за камень, мухамеданскіе писатели не объясняютъ подробно. Едва ли въ этомъ камнѣ можно видѣть указаніе на тотъ камень, который въ храмѣ Зоровавеля стоялъ на томъ мѣстѣ, на которомъ въ храмѣ Соломоновомъ стоялъ Ковчегъ Завѣта, и на которомъ первосвященникъ въ день очищенія ставилъ кадильницу (см. Руководство къ библейск. археологіи К. Ф. Кейля. Кіевъ 1871 г. ч. 1 стр. 172—174). Въ настоящее время у магометанъ подъ именемъ шакры извѣстна натуральная *скала* въ Іерусалимской Омаровской мечети; скала эта служитъ для путешественниковъ (мухамеданъ) главнымъ предметомъ поклоненія и по этой скалѣ самая мечеть Омара называется *Куббетъ-есъ-Сакра*, т. е. куполъ *скалы* (см. Святая земля, А. Олесницкаго въ Трудахъ Кіев. Дух. Акад. за 1875 г. Февр. стр. 334).

(2) На такомъ же разстояніи отъ земли было первое небо, второе отъ перваго неба, вообще каждое высшее отъ низшаго. Histoire par Rohrbacher т. 10 стр. 28 et Histoire par Cesar Cantu т. 8 стр. 60—62.

На третьемъ небѣ, изъ драгоцѣнныхъ камней, Мухаммедъ видѣлъ ангела, у котораго разстояніе между глазами было на 70000 дней пути.

На четвертомъ небѣ, изъ чистѣйшаго серебра, былъ ангелъ величиною на 500 дней пути.

На пятомъ, золотомъ небѣ, привѣтствовалъ Мухаммеда Ааронъ. Здѣсь же видѣлъ Мухаммедъ ангела мстителя. Лице этого ангела казалось мѣднымъ, въ рукѣ держалъ онъ огненное копье, изъ глазъ его сверкала молнія. Онъ сидѣлъ на тронѣ, окруженномъ пламенемъ, предъ нимъ лежала куча раскаленныхъ до-красна цѣпей.

На шестомъ небѣ, изъ прозрачныхъ камней, находился великій ангелъ, составленный изъ огня и снѣга такъ, что ни огонь не гаснулъ, ни снѣгъ не таялъ. Здѣсь же Моусей, увидя Мухаммеда, огорчился при мысли, что этотъ послѣдній больше введетъ на небо мусульманъ, чѣмъ сколько Моусей самъ ввелъ изъ Евреевъ.

На седьмомъ небѣ встрѣтилъ и привѣтствовалъ Мухаммеда Авраамъ. Достаточно сказать объ одномъ изъ обитателей этого седьмаго неба, чтобы имѣть понятіе и о прочихъ обитателяхъ его. Здѣсь былъ ангелъ, превосходившій величиною цѣлую землю, онъ имѣлъ 70000 головъ, каждая голова—

70000 ртовъ, каждый ротъ—70000 языковъ, каждый языкъ говорилъ на 70000 нарѣчіяхъ. Ангелъ этотъ, снабженный такимъ обильнымъ количествомъ головъ, гремѣлъ хвалу Высочайшему на всѣхъ нарѣчіяхъ. Послѣ того какъ Мухаммедъ осмотрѣлъ это дивное созданіе, онъ увидѣлъ дерево Sidrat—Лотосъ. Вѣтви этого дерева были болѣе, чѣмъ разстояніе между небомъ и землею. Ангелы въ такомъ числѣ, какъ песокъ морской, пѣли подъ тѣнію этого дерева. Листья древа были подобны ушамъ слона. На вѣтвяхъ порхали тысячи птицъ и пѣли избранные стихи изъ Корана. Каждое сѣменное зернышко этого дерева заключало въ себѣ хурію или небесную молодую дѣву, которая предназначена для блаженства мусульманина. Изъ подъ этого дерева текутъ четыре потока, изъ коихъ два—Нилъ и Евфратъ.

На этомъ же небѣ Мухаммедъ видѣлъ домъ молитвы, подобный Каабѣ. Этотъ молитвенный домъ находился на 7 небѣ, прямо надъ мекскою Каабою; 70000 ангеловъ ежедневно посѣщаютъ его, и въ то самое время, когда прибылъ къ этому молитвенному дому Мухаммедъ, случился обходъ ангеловъ вокругъ него; Мухаммедъ присоединился къ ангеламъ и обошелъ съ ними небесный молитвенный домъ 7 разъ.

Наконецъ Мухаммедъ возносился еще выше 7 неба и приближался уже одинъ, безъ Архангела Гавріила, къ трону самого Бога. Лице Божіе было закрыто 70 покрывалами. Богъ положилъ одну свою руку на плечо Мухаммеда, а другую ему на грудь и говорилъ съ Мухаммедомъ долго и дружески; въ продолженіи своей бесѣды Богъ сказалъ Мухаммеду 99000 словъ(1); сдѣлалъ ему нѣкоторыя наставленія, предоставилъ нѣкоторыя привиллегіи, преподалъ правила для ежедневной молитвы. Послѣ всего этого Мухаммедъ спустился опять на 7 небо, встрѣтилъ здѣсь оставленнаго Архангела Гавріила и вмѣстѣ съ нимъ спустился въ храмъ Іерусалимскій, сѣлъ на Эль-борака и въ мгновеніе ока былъ уже опять на томъ мѣстѣ, съ котораго поѣхалъ въ путь по семи небесамъ.

Вотъ краткое содержаніе того разсказа о ночномъ путешестіи, которое передано было Мухамме-

(1) Прувеземъ здѣсь слова о пребываніи Мухаммеда близъ трона Божія изъ татарской книги «Рисалян-Аниза» (стр. 74): разсказываютъ, что ночь восхожденія на небо пророка, да будетъ надъ нимъ міръ, — была за одинъ годъ прежде перехода Мухаммеда изъ Мекки въ Медину. Разсказываютъ еще, что пророкъ,—да будетъ надъ нимъ міръ,—въ ночь восхожденія возносился на семь сводовъ небесныхъ, прошелъ до престола и трона Божія, пробрался даже сквозь 70 занавѣсокъ, выговорилъ въ бесѣдѣ съ Богомъ Всевышнимъ 99000 словъ. Разсказываютъ, что когда онъ, осмотрѣвъ такое количество мѣстъ, возвратился въ свой домъ, постеля его еще не успѣла остынуть.

домъ и въ послѣдствіи записано(1) въ преданіяхъ мусульманскихъ.

Посмотримъ, какія слѣдствія на современниковъ произвелъ этотъ разсказъ Мухаммеда.

Слѣдствія, непосредственно произшедшія отъ разсказа Мухаммеда объ этомъ путешествіи, были не совсѣмъ благопріятны для самого Мухаммеда. Первые изъ его друзей нашли этотъ разсказъ столь невѣроятнымъ, что даже убѣждали Мухаммеда вовсе не обнародывать его(2). Мухаммедъ отвергъ этотъ совѣтъ своихъ приверженцевъ; онъ какъ бы забылся и не зналъ, что съ нимъ происходило. Видѣніе и дѣйствительность мѣшались въ головѣ его. Онъ снова повторяетъ подробности своего путешествія и своего вознесенія на небеса предъ мусульманами и корейшитами. Но это нисколько ему не помогаетъ. Странное его похожденіе естественно породило глубокое сомнѣніе и недовѣрчивость. Онъ видитъ поднявшуюся бурю насмѣшекъ надъ собою. Многіе изъ его учениковъ оставляютъ Исламъ и его проповѣд-

(1) Въ «Рисаляи-Азиза» говорится, что если бы описать подробно это путешествіе Мухаммеда, то это описаніе составило бы огромную книгу. «Разсказъ о восхожденіи на небо очень длиненъ. Если здѣсь все привести на память, то книга выйдетъ большая».

(2) Essai sur l'Histoire des Arabes avant l'islamisme, pendant l'époque de Mohammed, et jusqu'au à la reduction de touts les tribus sous la loi musulmane, par A. P. Caussin de Perçeval. T. 1 стр. 412. Paris. 1847 г.

ника... Послѣ такого недовѣрія къ обстоятельству, которое должно было, можетъ быть, по разсчетамъ самаго Мухаммеда, такъ много обезопасить его въ будущемъ, Мухаммедъ разстроилъ бы, какъ замѣчаетъ одинъ ученый(1), и дальнѣйшіе свои планы, если бы Абу-Бекръ не былъ порукою истинности разсказа. Мухаммедъ наградилъ Абу-Бекра за это легковѣрное довѣріе къ нему тѣмъ, что назвалъ его „siddik“, что означаетъ человѣка прямой (искренней) вѣры. Примѣръ Абу-Бекра не остался безъ послѣдователей: многіе перемѣнили свои убѣжденія. Разсказъ Мухаммеда о его путешествіи возбуждалъ различныя мнѣнія. Мнѣнія ученыхъ мусульманъ особенно различны относительно вознесенія на небо, какъ различны были убѣжденія и самихъ современниковъ этихъ событій. Большая часть мухаммеданскихъ толковниковъ утвердительно говорятъ, что путешествіе изъ храма Меккскаго въ храмъ Іерусалимскій было дѣйствительное и въ доказательство дѣйствительности ссылаются на первый стихъ 17 главы Корана, считая кяфиромъ, т. е. невѣрнымъ того, кто сталъ бы отвергать дѣйствительность этого путешествія. Что же касается до

(1) Observations historiques et critiques sur le Mahometisme, traduites de l'anglais, G. Sale. Section deuxieme.

вознесенія Мухаммеда на небо, то большинство толкователей является на противоположной сторонѣ, именно большая часть ученыхъ мухаммеданъ утверждаютъ, что этого вознесенія вовсе не было, и если допускаютъ его, то не болѣе какъ видѣніе. Надобно впрочемъ замѣтить, что мусульманскіе ученые, не находя въ Коранѣ яснаго свидѣтельства о путешествіи Мухаммеда на небо, не клеймятъ отвергающаго оное поноснымъ именемъ «кяфира» т. е. невѣрующаго. Вотъ что читаемъ мы на это въ книгѣ «Рисаляи-Азиза»: кто отвергаетъ миграчь—ночное путешествіе Мухаммеда въ храмъ Іерусалимскій, тотъ да будетъ «кяфиръ»—невѣрный; потому что сказано: если кто отвергнетъ путешествіе отъ святилища (въ Меккѣ) до святилища отдаленнаго (въ Іерусалимѣ), тотъ есть невѣрный, но если кто отвергнетъ путешествіе на верхъ (на небо), тотъ, какъ говорятъ ученые, не будетъ не вѣрующимъ. Другіе же, напротивъ, болѣе ревностные и слѣпо преданные Мухаммеду, утверждаютъ, что это вознесеніе Мухаммеда дѣйствительно совершилось вмѣстѣ съ его тѣломъ и что слѣдовательно это было вовсе не видѣніе, а дѣйствительность.

Присоединимъ къ этимъ сужденіямъ ученыхъ мухаммеданъ мнѣніе историка XIV в. Абульфеды

объ этихъ путешествіяхъ. Этотъ историкъ, который въ отношеніи къ чудесамъ является болѣе умѣреннымъ, говоритъ: „путешествіе пророка Божія отъ Мекки до Іерусалима въ одну ночь и его вознесеніе на седьмое небо относятся различными авторами къ различнымъ эпохамъ. Не соглашаются также и въ томъ, дѣйствительно-ли пророкъ совершилъ это путешествіе, или это было одно только видѣніе.“

Не смотря на всѣ эти воззрѣнія, нѣкоторые изъ мусульманъ придаютъ вообще этому путешествію Мухаммеда такую важность, что считаютъ оное самымъ сильнымъ доказательствомъ, ручающимся за божественность посольства ихъ лжепророка,— признаютъ это путешествіе однимъ изъ самыхъ разительнѣйшихъ чудесъ, совершенныхъ для Мухаммеда всемогуществомъ Божіимъ. Но очевидно, что всѣ эти мнѣнія должны имѣть какія-либо основанія. Самое разногласіе или различіе въ воззрѣніяхъ предполагаетъ уже и самое различіе основаній. Поэтому разсмотримъ основанія, вслѣдствіе которыхъ происходятъ тѣ или другія мнѣнія объ этихъ обстоятельствахъ въ жизни Мухаммеда. Въ подтвержденіе путешествія Мухаммеда въ храмъ Іерусалимскій приводятъ, какъ уже было сказано, пер-

вый стихъ 17 главы Корана и это свидѣтельство Корана казалось-бы должно обезоружить всѣхъ противниковъ; но эти послѣдніе не замедлили явиться и заподозрить дѣйствительность и этого путешествія, по извѣстнымъ причинамъ, коихъ мы коснемся въ послѣдствіи. За тѣмъ указываютъ на возлюбленную супругу Мухаммеда Айшу, которая, будто-бы, невидала его на своей постелѣ въ ту ночь, въ которую долженствовало совершиться путешествіе. Въ тоже время и другіе ссылаются на туже Айшу, утверждая, что этого путешествія не было, и что Айша объявила, что въ показанную ночь тѣло Мухаммеда оставалось совершенно спокойнымъ и что ночное путешествіе слѣдовательно совершалось только въ духѣ, было просто видѣніемъ. Другіе утверждаютъ подлинность, а вмѣстѣ и чудесную кратковременность этого путешествія тѣмъ, что Мухаммедъ такъ скоро возвратился изъ этого путешествія, что успѣлъ предотвратить совершенное пролитіе воды изъ кружки, которую едва не опрокинулъ крыломъ своимъ Архангелъ Гавріилъ, отправляясь съ Мухаммедомъ въ далекій путь и что постель Мухаммеда не успѣла остынуть во время путешествія. Наконецъ указываютъ на то, будто патріархъ Іерусалимскій подтвердилъ посѣщеніе Мухаммедомъ

храма Іерусалимскаго, подтвердилъ въ то время, когда находился въ Константинополѣ у Императора Ираклія, когда къ этому послѣднему явились послы отъ Мухаммеда съ приглашеніемъ принять Исламъ.

Постараемся теперь показать, въ какой степени достовѣрны свидѣтельства эти и согласны ли они съ исторіею.

Начнемъ опять съ исходнаго пункта путешествія, именно съ постели Мухаммеда. Въ доказательство дѣйствительности путешествія указываютъ на Айшу, которая, будто бы, утверждала, что тѣла Мухаммеда не было на постелѣ въ ту ночь. Но дѣйствительно-ли это правда? Одно уже то, что и противная партія приводитъ въ свидѣтельство туже самую Айшу, заставляетъ насъ обратить особенное вниманіе на эго свидѣтельство.

Что касается до указаній на Айшу, то здѣсь прежде всего замѣтимъ, что одного лица недостаточно для засвидѣтельствованія такого важнаго событія; скорѣе можно согласиться съ партіей противной, потому что на ихъ сторонѣ выступаетъ въ свидѣтели еще другое лице, именно Моавія, неразлучный компаньонъ Мухаммеда. Слѣдовательно Айша и Моавіа отвергли этотъ фактъ. Свидѣтельство двухъ лицъ, искренно преданныхъ Мухаммеду, очень

важно; ихъ голосъ, какъ голосъ людей ближайшихъ къ Мухаммеду, долженъ имѣть значительный авторитетъ. Вѣроятно въ указаніяхъ на Айшу заключается какое либо историческое невѣдѣніе, а потому при рѣшеніи мы должны обратиться къ исторіи и въ частности къ хронологіи. Но и здѣсь трудно опредѣлить время съ точностію; потому что самыя преданія разногласятъ между собою въ опредѣленіи времени этихъ событій. Мы будемъ слѣдовать лѣтосчисленію болѣе общепринятому. Такъ всѣ принимаютъ, что Мухаммедъ, будучи 25 лѣтъ, женился на Хадиджѣ, которой тогда было 40 л. (1). Проживши съ нею 25 л., онъ лишился ея на 50 г. своей жизни. Хадиджа умерла на 65 году отъ роду. Полагаютъ, что ея смерть случилась въ мѣсяцъ Рамазанъ; самый годъ смерти легко опредѣлится, если мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, годъ рожденія Мухаммеда (2). Такимъ образомъ, если Мухаммедъ родился въ 571 году по Р. Х., то значитъ вступилъ въ супружество съ Хадиджею въ 596, лишился ея въ 621 году. Теперь очевидно, что годъ смерти Хадиджи упадаетъ почти на самый годъ раз-

(1) По др. преданіямъ Мухаммедъ имѣлъ тогда—29, 30 и 37 л. Хадиджа—28, 30 и 45 л. См. Weil, стр. 35 зам. 24.

(2) Weil, Vorrede—стр. XXI. Сравн. «жены Мухаммеда» въ приложеніи X выпуска миссіонерскаго противомусульм. сборника. Казань 1876 г.

сказа Мухаммеда о своихъ путешествіяхъ. Но въ годъ смерти Хадиджи Мухаммедъ только еще сосваталъ Айшу и не былъ еще женатъ на ней. Лишившись Абу-Талеба и въ слѣдъ за нимъ любимой Хадиджи, Мухаммедъ, спустя не много дней послѣ понесенныхъ (1) несчастій, обручился съ Айшею, которой тогда было 9 лѣтъ. На это послѣднее обстоятельство мы приведемъ слова самой Айши, помѣщенныя въ „Инсанъ Алійюнъ“ и „Хамисъ“. «Когда мы пришли въ Медину, говорила она, мы остановились у Хазрадита Гарита, я была тогда больна лихорадкою и лишилась своихъ волосъ. Однажды, когда я лежала въ постелѣ и нѣкоторыя изъ подругъ находились при мнѣ, подошла ко мнѣ моя мать и велѣла мнѣ встать. Я слѣдовала за ней до дверей дома, не зная чего она хочетъ отъ меня; потомъ она взяла нѣсколько воды и вымыла мнѣ лице и голову. Затѣмъ она повела меня въ комнату, гдѣ находилось много женщинъ. Онѣ привѣтствовали меня миромъ и благословеніемъ. Женщины эти не много принарядили меня и представили меня предъ посланника Божія. Я была тогда девяти лѣтъ“ (2).

(1) Weil, стр. 86.
(2) Weil, стр. 88.

Другіе историки еще менѣе говорятъ въ пользу тѣхъ, которые опираются на Айшу при доказательствѣ дѣйствительности путешествія Мухаммеда, полагая, что онъ усваталъ Айшу 7 или 8 лѣтъ(1). Принимая все это въ соображеніе, необходимо допустить, что между обрученіемъ и самымъ бракомъ Мухаммеда съ Айшею еще прошло сколько-нибудь времени; потому что этого промежуточнаго времени требовали и самыя обстоятельства, въ коихъ находился тогда Мухаммедъ, только что лишившійся любимой жены, требовалъ того самый обычай и особенно-болѣзнь Айши. Нужно было подождать бракомъ, по крайней мѣрѣ, когда Айша болѣе или менѣе оправится отъ своей болѣзни. Къ тому же, если допустить, что Айша была тогда 7 или 8 лѣтъ, то необходимо предполагать, что бракъ Мухаммеда съ Айшею былъ гораздо спустя послѣ обрученія: потому-что Айша была еще слишкомъ молода для супружеской жизни, была еще, можно сказать ребенкомъ. Шпренгеръ, въсамомъ дѣлѣ, говоритъ, что Айшѣ, дочери Абу-Бекра, было *шесть* лѣтъ, когда *пятидесятилѣтній* Мухаммедъ влюбился въ нее(2).

(1) Histoire des Arabes Perçeval T. 1. стр. 411. Tarikh-el-Khamicy, f. 133 r°, 134.

(2) «Жены Мухаммеда» въ приложеніи (стр. 10) къ X вып. миссіонерскаго противомусульманскаго сборника. Казань. 1876 г.

Справедливо по этому утверждаютъ, что окончательный бракъ Мухаммеда съ Айшою послѣдовалъ довольно уже послѣ обрученія, именно на 54 году(1) жизни Мухаммеда, слѣдов. въ 625 году по Р. Х. Такимъ образомъ допустивши, что Айша сдѣлалась супругою Мухаммеда на 54 году его жизни и слѣдовательно спустя цѣлые два года послѣ того какъ происходило путешествіе Мухаммеда, мы очевидно приходимъ къ тому заключенію, что Айша въ 11-й годъ посольства Мухаммеда, въ годъ его баснословнаго путешествія, не могла еще быть женою Мухаммеда, не могла видѣть, когда ночуетъ Мухаммедъ у себя на постелѣ и когда нѣтъ, и слѣдовательно ничего подобнаго не могла и разсказывать. Ученые мусульманскіе, указывая на Айшу, заподозриваютъ себя и самое событіе, поставляя его въ очевидное противорѣчіе съ исторіею.

Пойдемъ далѣе за Мухаммедомъ. Онъ разсказываетъ, что Эль-боракъ былъ привязанъ около храма Іерусалимскаго къ какому-то кольцу, къ коему привязывали его и прежніе пророки. Но что это за кольцо и гдѣ оно было, исторія ничего не говоритъ намъ объ этомъ; тогда какъ по замѣчательности этого кольца ни одинъ историкъ не преми-

(1) Histoire par Rohrbacher T. 10 стр. 31.

нулъ-бы записать о немъ на страницахъ своей исторіи въ память и поученіе потомства([1]). Равнымъ образомъ исторія не говоритъ также и о томъ, точно-ли ѣздили на этомъ Эль-боракѣ и другіе пророки. Вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ еще вопросъ: въ какой храмъ путешествовалъ Мухаммедъ? Указать на храмъ Воскресенія мы не имѣемъ права; близъ него никакого кольца не было, а особенно не имѣемъ права указывать на храмъ Воскресенія потому, что въ 1 стихѣ 17 главы Корана употреблено въ этомъ случаѣ слово, которое вовсе не означаетъ храма Воскресенія. Въ Коранѣ читаемъ „мечеть акса“, подъ каковымъ выраженіемъ мухаммедане понимаютъ тотъ храмъ Іерусалимскій, который построенъ былъ Соломономъ. Но можемъ-ли мы допустить существованіе храма Соломонова во времена Мухаммеда? Изъ исторіи мы знаемъ, что первый храмъ, построенный за 1012 лѣтъ до Р. Х., былъ сожженъ (4 Цар. 25, 9.) послѣ 423 лѣтняго существованія, посланнымъ отъ Навуходоносора Навузарданомъ въ 589 году до Р. Х.([2]). Послѣ плѣна

([1]) Въ настоящее время, въ мечети эль-Боракъ (въ Іерусалимѣ), въ южной стѣнѣ виситъ вбитое желѣзное кольцо, къ которому, по магометанскому сказанію, Магометъ привязывалъ своего воздушнаго верблюда (см. Святая земля, Акима Олесницкаго, въ Трудахъ Кіев. Дух. Акад. 1875 г. Февр. стр. 279—280). Но очевидно, что это кольцо есть уже результатъ магометанской легенды.

([2]) См. Начертаніе церковно-библейской исторіи. Изд. 8. Москва 1844 г. стр. 330.

Вавилонскаго (536 515) храмъ былъ возстановленъ, хотя не въ такихъ размѣрахъ, какъ первый. Но и этотъ второй храмъ сожженъ былъ Титомъ(1), сыномъ Веспасіана въ 70 году по Р. Х. Отъ этого храма не осталось камня на камнѣ. Но путешествіе Мухаммеда было уже въ 622 году по Р. Х. и слѣдовательно разсказъ Мухаммеда въ прямомъ противорѣчіи съ исторіею.

Надобно замѣтить, что и самые современники предлагали Мухаммеду подобный вопросъ, желая знать, точно-ли Мухаммедъ посѣщалъ какой-бы то нибыло храмъ Іерусалимскій. Мухаммедъ поставленъ былъ вопросомъ современниковъ въ сильное затрудненіе. Какъ-бы то нибыло, путешествіе происходило ночью... и Мухаммедъ вѣроятно, ничего не сказалъ бы на требованіе своихъ современниковъ, если-бы не поспѣшилъ вывести его изъ этого труднаго положенія Архангелъ Гавріилъ. Онъ тотчасъ-же представилъ предъ взоры Мухаммеда вѣрное изображеніе храма Іерусалимскаго, такъ что Мухаммедъ, смотря на этотъ невидимый для другихъ рисунокъ, заставляетъ убѣдиться сомнѣвающихся. Признать эту услугу со стороны Архангела Гавріила для Мухаммеда, мы не имѣемъ ни нужды, ни основанія.

(1) Тамъ-же стр. 530.

Не имѣемъ нужды потому, что и самъ Мухаммедъ могъ-бы замѣтить болѣе или менѣе видъ храма: около него онъ привязывалъ Эль-борака, въ самомъ храмѣ онъ молился довольно продолжительное время. Могъ замѣтить хотя нѣкоторые предметы въ храмѣ, потому что это было возможно при томъ яркомъ свѣтѣ, который наполнилъ храмъ отъ свѣтовой лѣстницы, спущенной въ него съ перваго неба. Не имѣемъ основанія,—потому что Мухаммедъ находился въ своемъ путешествіи „съ тѣломъ“, какъ говорятъ мусульмане, слѣдовательно имѣлъ физическую возможность разсмотрѣть храмъ, такъ какъ всѣ органы, необходимые для наблюденія надъ предметами внѣшняго міра были при немъ и въ естественномъ состояніи. Мухаммедъ и самъ подтвердилъ это своимъ разсказомъ о другихъ обстоятельствахъ, случившихся съ нимъ еще на пути къ Іерусалиму. Такъ Мухаммедъ слышалъ на пути съ правой и лѣвой стороны голоса, взывающіе къ нему о кратковременной остановкѣ, и не останавливался только потому, что это было не въ его волѣ. Видѣлъ также дѣвицу, удивительной красоты, украшенную всею роскошью земли; замѣтилъ даже, какъ она кивала ему своею головою и пріятно ему улыбалась. Такимъ образомъ, если принять эти факты, то услуга

Архангела Гавріила для Мухаммеда вовсе излишня и слѣдовательно, сказавъ объ этихъ подробностяхъ, Мухаммедъ противорѣчилъ самъ себѣ; потому что въ одно время, на всей быстротѣ молніеноснаго полета, онъ замѣчаетъ даже улыбку на лицѣ дѣвицы, въ другое время, даже гораздо продолжительное, онъ не въ состояніи былъ замѣтить даже общаго очертанія храма Іерусалимскаго. Такая наблюдательность Мухаммеда живо напоминаетъ намъ извѣстную басню нашего баснописца Ив. А. Крылова

„Любопытный“

. . . . . .

А видѣлъ-ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?
„Да развѣ тамъ онъ?“ Тамъ. „Ну, братецъ, виноватъ.
Слона-то я и не примѣтилъ!“

Но въ преданіи не сохранилось того, какъ именно описывалъ Мухаммедъ храмъ Іерусалимскій по модели, представленной Архангеломъ Гавріиломъ, что́ также очень подозрительно. Вѣроятно Мухаммедъ опасался и здѣсь грубыхъ ошибокъ и благоразумно умолчалъ о подробностяхъ Іерусалимскаго храма. Очевидцы храма могли обличить его въ обманѣ.

Остается разсмотрѣть еще свидѣтельство Ахметъ-ибнъ-Юсуфа, указывающаго на Патріарха Іерусалимскаго, который, будто-бы, подтверждаетъ дѣйствительность посѣщенія Мухаммедомъ храма Іеру-

салимскаго. Ахметъ разсказываетъ, что когда послы Мухаммеда пришли въ Константинополь къ Императору Ираклію и приглашали его принять Исламъ Мухаммеда, то въ это самое время, будто-бы, находился у Ираклія Патріархъ Іерусалимскій. Этотъ Патріархъ подтвердилъ, говоритъ Ахметъ, когда рѣчь была о путешествіи Мухаммеда, что въ то время, на которое упадаетъ путешествіе, не могли затворить на-ночь дверей храма Іерусалимскаго, не смотря на всѣ усилія сторожей. Дверь была не затворена. На-утро, когда Патріархъ пришелъ освидѣтельствовать храмъ, замѣтилъ въ одномъ углу храма отверстіе... а внѣ храма слѣды Эль-борака и сказалъ: „дѣйствительно, дверь не осталась-бы не подвижною, если-бы пророкъ не былъ на молитвѣ“.

Чтобы сказать что-нибудь въ защиту или опроверженіе такого свидѣтельства Ахмета, которое считается очень сильнымъ между мусульманами, необходимо обратиться къ исторіи.

Въ седьмомъ году геджиры, т. е. въ 629 г. по Р. Х. Мухаммедъ отправилъ посольство къ Императору Ираклію (1).

(1) Perçeval, l'Histoire des Arabes т. 3. стр. 193. Mohammed der Prophet, Gust. Weil. Стр. 198.

Нѣкоторые изъ историковъ говорятъ, что въ 629 году Ираклій отправился изъ Константинополя съ древомъ Креста Господня и въ томъ же году былъ во Іерусалимѣ (1). Это было по слѣдующему случаю.

Въ началѣ VII столѣтія по Р. Х. Персы, а вмѣстѣ съ ними покровительствуемые ими Іудеи, назначили 615 годъ временемъ совершеннаго истребленія христіанъ во всей Палестинѣ. Дѣйствительно въ указанномъ году, въ исходѣ мая мѣсяца, персидскія полчища устремились на Галилею подъ предводительствомъ кровожаднаго Румизана, этого *царскаго вепря*. Христіанъ скованныхъ отводили въ рабство, ими населяли болотистыя мѣста около рѣкъ Тигра и Ефрата. Евреи скупали Христіанъ у Персовъ и умерщвляли ихъ собственными руками. Исторія утверждаетъ, что подъ ножемъ злостныхъ фанатиковъ погибло 90,000 христіанъ. Іерусалимъ былъ взятъ, церкви поруганы и ограблены, орудія страданій Христовыхъ плѣнены. Персидскій полководецъ силою овладѣлъ *церковью Воскресенія Христова*, построенною Константиномъ великимъ на Голгоѳѣ; въ семъ храмѣ хранилось драгоцѣннѣйшее для христіанъ сокровище – *Крестъ*, на которомъ распятъ былъ Господь. По сказанію исторіи крестъ

(1) Rohrbacher, т. 10. Стр. 21—22. Palestine par Munk. Стр. 613.

Христовъ сберегаемъ былъ въ ковчегѣ изъ чеканнаго серебра, подъ замкомъ; ключъ отъ замка находился всегда у патріарха; самый ковчегъ для большей предосторожности знаменованъ былъ патріаршею печатью. Изъ желанія ли представить персидскому царю это сокровище безъ всякаго поврежденія, или по чувству страха — предводитель Персовъ не посмѣлъ коснуться свящ. ковчега, не разломалъ печати и не потребовалъ даже ключей отъ ковчега. Животворящій Крестъ представленъ былъ Хозрою въ томъ видѣ, въ какомъ былъ плѣненъ; сначала ковчегъ былъ въ Арменіи, въ замкѣ, въ сосѣдствѣ съ городомъ Гандзакомъ (нынѣшній Тавризъ, иначе Тебризъ), наконецъ онъ былъ отнесенъ въ самую глубину Персіи.

Императоръ Ираклій, обезопасивъ спокойствіе своей Имперіи договорами съ сосѣдними королями, вознамѣрился возвратить Животворящій Крестъ Христа Спасителя изъ плѣна. Праздникъ св. Пасхи 622 г. былъ назначенъ срокомъ отбытія экспедиціи въ персидскія владѣнія. Къ предпринимаемому дѣлу Императоръ Ираклій приготовлялся какъ къ торжественному и глубоко религіозному подвигу: пребываніемъ въ уединеніи, молитвѣ и постѣ. Зиму 621 и 622 г. Ираклій провелъ въ одной обители...

Надлежало заняться устроеніемъ управленія Имперіи на время отсутствія. Старшій сынъ Императора Ираклія - Константинъ назначенъ былъ главнымъ правителемъ государства при содѣйствіи сановниковъ; во вновь учрежденномъ совѣтѣ засѣдали: патрицій Бонусъ, главный начальникъ оставшихся войскъ и *патріархъ Сергій*...

Наконецъ армія и флотъ были готовы. Выступленіе было отложено до апрѣля. Пріобщившись св. Таинъ въ Софійской церкви, Императоръ отправился въ гавань съ чудотворною иконою Христа Спасителя.... Императоръ сѣлъ на корабль, и флотъ направился въ Черное море къ устьямъ рѣки Фазиса, въ Мингреліи. — Рядомъ побѣдъ Ираклiевы войска проложили путь къ столицѣ персидскихъ царей — Ктезифонту. Хозрой боялся показаться въ столицѣ и съ толпою женъ своихъ переходилъ изъ дворца во дворецъ, искалъ убѣжища въ хижинахъ поселянъ. Въ довершеніе бѣдствій старшій сынъ его *Сирой* возмутился противъ отца, и Хозрой умеръ въ темницѣ отъ руки убійцъ, нанятыхъ роднымъ сыномъ. Ираклій утвердилъ на престолѣ персидскомъ Сироя, пощадилъ Ктезифонтъ, заключивши съ персами миръ....

Итакъ Персія побѣждена; Животворящій Крестъ возвращенъ. Обратное шествіе Императора чрезъ Арменію и Малую Азію въ Константинополь было не иное что, какъ рядъ торжествъ, окончившихся въ церкви св. Софіи. Духовенство, Сенатъ и весь народъ поспѣшили на встрѣчу на другой берегъ Босфора, въ Хрпзопуль (Скутари). Императоръ вступилъ на берегъ европейскій въ предмѣстьи Константинополя - Сикахъ; въ 14 день сентября 628 г. Ираклій возсѣдалъ на колесницѣ.... впереди несенъ былъ Животворящій Крестъ въ ковчегѣ.... Послѣ торжества въ столицѣ, Ираклій пожелалъ *лично* вручить Іерусалиму возвращенную святыню, *съ первыми днями* весны *слѣдующаго года,* Императоръ предпринялъ путешествіе въ Палестину; въ Іерусалимѣ, среди безчисленнаго стеченія христіанъ изъ Сиріи и Египта, онъ вступилъ на Голгоѳу, неся на раменахъ своихъ Крестъ Христа Спасителя.... Прежде нежели ковчегъ съ Крестомъ положенъ былъ во *храмъ Воскресенія,* патріархъ засвидѣтельствовалъ, что святыня осталась непрпкосновенною ([1]).

Но у другихъ лѣтописцевъ мы находимъ, напротивъ, другое. Именно, что Ираклій прямо изъ Персіи путешествовалъ во Св. градъ въ 628 еще году,

([1]) Херсонск. Епарх. Вѣдом. 1864 г. № 6.

какъ это утверждаютъ Зонаръ, Θеофанъ и другіе (1). Которому же мнѣнію слѣдовать, тому ли, что Императоръ путешествовалъ въ Іерусалимъ въ 629 году, или мнѣнію тѣхъ, которые указываютъ на 628 годъ?

Время отбытія Императора Ираклія изъ Константинополя не трудно опредѣлить, если мы возьмемъ во вниманіе нѣкоторыя обстоятельства изъ этого путешествія. Такъ, Никифоръ, изображая торжество Воздвиженія Честнаго Креста, присовокупляетъ: „δευτέρα δέ ἦν ινδικτιῶν, ἡνίκα ταῦτα επραττετο“, а второй индиктіонъ начинался съ 1-го Сентября 628 года. Слѣдовательно, заключаетъ Вейль, Ираклій путешествовалъ въ Іерусалимъ, но только не весною 629 г., а осенью 628 года (2). Что путешествіе Ираклія изъ Константинополя было дѣйствительно въ 628, а не въ 629 году, на это мы находимъ прямое указаніе въ лѣтописяхъ Баронія въ томъ мѣстѣ, гдѣ описываются эти событія. Вотъ что читаемъ мы въ этихъ лѣтописяхъ: „По смерти Хозроя, Сироссъ, сынъ его, вся, якоже обѣщася Ираклію, исполни. Плѣнниковъ Римскихъ всѣхъ отпусти и съ ними Захарію Патріарха Іерусалимскаго Древо

(1) Исторія Св. града Іерусал. СПБ 1844 г. стр. 278—280.
(2) Weil, стр. 199 замѣч. 309.

Креста Святаго съ великою честію отдаде, его же изъ ковчега не токмо изъяти, но и воззрѣти на него Перси не смѣяху. Итакъ заключено, якоже бѣ, цѣло отдано, никогда же отверсто, и отнюдь не вредимо: еже въ Константинополь Ираклій посла, а Сергій Патріархъ во влахернахъ положи è. Потомъ же самъ той же кесарь во Іерусалимъ проводи“ (1). Изъ этихъ словъ видно, что Св. древо Креста было въ Константинополѣ, гдѣ былъ свой Патріархъ Сергій, и ни слова не упоминается о Патріархѣ Іерусалимскомъ Захаріи, именно не говорится, былъ ли онъ въ Константинополѣ. Сказано, что и Захарія получилъ свободу; но находился по освобожденіи изъ плѣна въ Іерусалимѣ, какъ покажутъ намъ послѣдствія. Видимъ также, что въ лѣтописяхъ Баронія выставленъ 627 годъ. Вѣроятно этотъ годъ уже оканчивался: потому что, продолжая описаніе тѣхъ же самыхъ событій, онъ говоритъ, что „кесарь Ираклій изъ Константинополя пойде въ Іерусалимъ, хотя тамо древо Креста Святаго поставити, откуду оное Персы взяли было и за побѣды великія, яже прія отъ руки Божія, благодареніе воздати. Егда же во Іерусалимъ пріиде съ великимъ множествомъ, въ кесарской порфирѣ,

(1) Лѣт. Бар. стр. 749—750. 627 годъ по Р. Х.

златомъ и бисерами украшенной, самъ неся же древо оное святое на гору Голговскую въ Церковь, но не возможе съ нимъ, чудесе ради Божія, поступити, яки бы его кто на мѣстѣ держалъ. Тому сгда вси удивляхуся: Захарія Епископъ рече: царю“.... (Бар. 750 л. годъ 628. Царствов. Ираклія 19-й).

Такимъ образомъ мы видимъ, что выставленъ въ лѣтописяхъ Баронія 628 г. — Значитъ Императоръ Ираклій совершалъ путешествіе въ 628 году и въ этомъ-же году былъ въ Іерусалимѣ, гдѣ встрѣтилъ его и Патріархъ Захарія.

Можно привести еще одно обстоятельство въ подтвержденіе того, что Ираклій совершилъ свое путешествіе въ Іерусалимъ дѣйствительно въ 628 году. Именно, въ тѣхъ-же лѣтописяхъ Баронія и подъ тѣмъ-же самымъ годомъ мы читаемъ: „исполнивъ-же Ираклій обѣты своя, яже Господу Богу отдаде, прохождаше страны восточныя. А егда бѣ въ Сиріи въ Едесѣ, изгна оттуду несторіянъ, иже церквы православныя похитиша. Сущу-же ему въ Іераполѣ во Фригіи, прінде къ нему вѣсть, яко Сирой оный царь Перскій, иже отца уби, убіенъ бысть отъ Сарвара, иже такожде по 7 мѣсяцѣхъ убіенъ бысть. А по немъ Барразасъ такожде въ 7 мѣсяцевъ отъ Персовъ погибе“....

Изъ исторіи извѣстно, что Сирой взошелъ на престолъ 25 Февраля 628 года и царствовалъ только 7 или 8 мѣсяцевъ. Праклій получилъ извѣстіе о его смерти въ Іераполѣ и получилъ такъ скоро, какъ только могъ, а потому путешествіе Праклія также должно полагать въ томъ-же 628 году. Кромѣ того изъ оффиціальной ([1]) депеши самаго Праклія, адресованной въ Константинополь и помѣщенной въ Пасхальной хроникѣ (стр. 398–402) извѣстно, что Хозрой былъ свергнутъ съ престола и преданъ смерти Сироемъ въ послѣдній день Февраля 628 г. Слѣдовательно въ этотъ годъ Праклія не было въ Константинополѣ, гдѣ читали эту депешу 15 Мая 628 года([2]).

Вообще изъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ видно, что, по крайней мѣрѣ, кесарь Праклій въ седьмой годъ геджиры былъ на Востокѣ въ Палестинѣ. Теперь спрашивается: на какого-же Патріарха указываетъ Ахметъ-бенъ-Юсуфъ, когда мы видѣли, что Захарія не былъ въ Константинополѣ? Самое посольство Мухаммеда, гдѣ принималъ Прак-

(1) Perçeval Phistoire T. 3. стр. 190 замѣч.

(2) Rohrbacher T 10 стр. 22. Г. Акимъ Олесницкій въ своемъ сочиненіи «Святая земля» (Труды Кіев. Дух. Акад. 1875 г. Февр. стр. 295) говоритъ, что Праклій, побѣдивъ Персовъ, въ 629 г. взошелъ на гору храма съ св. Крестомъ и проч.

лій, когда въ седьмой годъ геджиры его не было въ Константинополѣ? Все это кладетъ большое подозрѣніе на самое даже посольство. Подозрѣніе это еще болѣе усиливается, когда мы примемъ во вниманіе то мнѣніе большей части толковниковъ мусульманскихъ, по коему стихъ, составляющій содержаніе письма Мухаммеда къ Ираклію, взятый изъ 3 глав. 57 ст. Корана, явился уже въ 9-мъ году геджиры. Стихъ этотъ явился по случаю обращенія къ Мухаммеду одного христіанскаго каравана изъ Наджрана въ 9-мъ году геджиры, слѣд. два года спустя послѣ посольства къ Ираклію, поэтому этотъ 57 стихъ 3 главы Корана не могъ быть содержаніемъ письма Мухаммеда къ Ираклію, такъ какъ стиха этого въ 7 годъ геджиры вовсе и не существовало (1).

Ничего не встрѣчаемъ мы о посольствѣ Мухаммеда къ Ираклію и у Византійскихъ Историковъ. Зонаръ, Кедринъ, Ѳеофанъ и Никифоръ ничего не говорятъ о немъ. Въ лѣтописяхъ Баронія ничего не упоминается объ этомъ посольствѣ Мухаммеда, хотя мы видимъ тамъ указанія на посольства къ Ираклію царя Индійскаго и короля Франкскаго и слѣдовательно лѣтописецъ на ряду съ этими по-

(1) Weil стр. 199 зам. 309.

сольствами могъ-бы упомянуть и о посольствѣ Мухаммеда(1).

Если даже предположить, что посольство Мухаммеда встрѣтило Ираклія гдѣ-нибудь въ Палестинѣ, то и тогда Патріархъ Іерусалимскій, положимъ что онъ былъ у Ираклія въ бытность у негоословъ Мухаммеда, — не могъ ничего говорить въ пользу посѣщенія Мухаммедомъ храма Іерусалимскаго; потому что Патріархъ Захарія находился съ 614 года въ плѣну у Персовъ и слѣдовательно въ годъ чудесныхъ путешествій Мухаммеда – 622 г., не былъ въ Іерусалимѣ, по этому ничего не могъ сказать изъ того, что навязываетъ ему Ахметъ-бенъ-Юсуфъ.

Мы не можемъ принять ни одного свидѣтельства за истинное, если оно находится въ прямомъ противорѣчіи съ Исторіею. Поэтому свидѣтельство Ахмета, какъ не имѣющее исторической достовѣрности, не имѣетъ никакого авторитета. Оно при внимательномъ разборѣ, и безъ сличенія съ исторіею, легко можетъ быть отвергнуто и здравымъ разумомъ. Такъ Ахметъ-бенъ-Юсуфъ разсказывая, что двери храма Іерусалимскаго остались не затворенными, говоритъ, что каменное зданіе такъ надавило на двери, что не было никакой возможности

(1) Лѣт. Барон. лист. 751.

притворить ихъ, что̀ подтвердили также и стражи церковные. Далѣе изъ разсказа Ахмета видно, что когда Патріархъ Іерусалимскій пришелъ свидѣтельствовать храмъ, то замѣтилъ въ одномъ углу храма отверстіе,— внѣ храма — слѣды Эль-борака и заключилъ, „что, вѣроятно, у насъ пророкъ творилъ молитву.“ Но можетъ-ли здравый разумъ ограничиться такими заключеніями? Отверстіе и слѣды — что за несомнѣнные признаки *пророческаго* посѣщенія? Если по отверстію и слѣдамъ Патріархъ узналъ о посѣщеніи храма пророкомъ, то разумъ необходимо долженъ допустить, что слѣды эти, какъ слѣды животнаго, на которомъ разъѣзжаютъ Патріархи и Пророки, имѣли всеобщую извѣстность, имѣли какіе-нибудь признаки, по коимъ узнавали, что именно это слѣды Эль-борака, а не другаго животнаго. Если же такъ, то прежде всего и естественнѣе всего замѣтить эти слѣды стражамъ церковнымъ; они и въ продолженіе этой ночи, должны-бы были, если не видѣть, то по крайней мѣрѣ, чувствовать что-либо особенное. Но стражи, обязанные наблюдать за цѣлостью храма, и особенно при растворенныхъ дверяхъ, ничего не видятъ — ни отверстія, ни слѣдовъ. Все это никакъ не могло успокоить пытливый умъ человѣческій. Если-же слѣды имѣли въ себѣ

какую-либо особенность, то здравый разумъ опять необходимо требуетъ дознанія и спрашиваетъ: кто и когда подмѣтилъ эту особенность въ слѣдахъ Эль-борака и кому указалъ на нихъ, какъ на истинные слѣды этого животнаго? На всѣ подобные вопросы мы напрасно-бы стали искать отвѣта въ исторіи. Такимъ образомъ указанія Ахметъ-бенъ-Юсуфа на Патріарха Іерусалимскаго, какъ указанія адвоката, вовсе недобросовѣстны, явно вымышлены и поэтому унизительны для самаго пророка. Ахметъ-бенъ-Юсуфъ желая, по своей ревности, услужить Мухаммеду, еще болѣе только обнаружилъ недѣйствительность самаго путешествія Мухаммеда. Такъ всегда оправдывается то положеніе, что истина всегда сама себя защищаетъ, также какъ ложь обнаруживаетъ и обличаетъ себя.

Все повѣствованіе о Патріархѣ Іерусалимскомъ и его мнимомъ свидѣтельствѣ оказывается чистою сказкою, ни на чемъ дѣйствительномъ не основанною.

Перейдемъ къ критическому разбору небеснаго путешествія Мухаммеда. Предварительно надобно замѣтить, что мусульмане предупреждаютъ всякую недовѣрчивость пытливаго ума, который бы потребовалъ свидѣтеля на это важное событіе въ жизни Мухаммеда, говоря, что здѣсь не можетъ быть сви-

дѣтелей между Богомъ, открывающимъ свои тайны Мухаммеду и этимъ послѣднимъ, какъ пріемлющимъ оныя. Такое положеніе относительно вознесенія Мухаммеда на небо, мусульманскіе ученые подкрѣпляютъ еще тѣмъ, что ставятъ это вознесеніе въ параллель съ чудеснымъ по истинѣ восхищеніемъ Апостола Павла на третіе небо, гдѣ также не могло быть свидѣтелей.

Какъ Христіане смотрятъ на восхищеніе Апостола Павла, какъ на Божественное чудо, увѣрившее всѣхъ въ Апостольскомъ достоинствѣ, которое подрывали у Апостола Павла нѣкоторые противники, такъ и Мухаммедане приводятъ путешествіе Мухаммеда на небо въ доказательство божественнаго посланничества своего лжепророка, какъ одно изъ самыхъ разительнѣйшихъ чудесъ, совершенныхъ для него Всемогущимъ Богомъ.

Изъ сопоставленія мусульманами этихъ двухъ событій параллель дѣйствительно выходитъ; но она исчезнетъ, когда мы разберемъ восхищеніе Апостола Павла и вознесеніе Мухаммеда: мы убѣдимся, что эти два соименныя, можно сказать, событія діаметрально противоположны. Прежде нежели начнемъ разсматривать эти событія въ жизни Св. Ап. Павла и лжепророка Мухаммеда, сдѣлаемъ нѣкото-

рыя замѣчанія, именно: Богъ, какъ всемогущее Существо можетъ, конечно, сообщать свои тайны кому-либо изъ смертныхъ или удостоивать ихъ чудесъ, но не надобно забывать съ одной стороны того, что должны же быть какія нибудь начала, на основаніи которыхъ можно было бы, безъ всякаго недоумѣнія, признать что либо за дѣйствительное чудесное дѣйствіе Божіе, никакъ не смѣшивая оное съ дивными въ своемъ родѣ вымыслами фантазіи или произведеніями соннаго и болѣзненнаго воображенія. Съ другой стороны, при разсматриваніи дѣйствія, выдаваемаго за чудесное, не надо забывать и того, что не всякаго человѣка всемогущій Богъ удостоиваетъ своего общенія. Поэтому мы должны допустить какія-либо данныя и въ самомъ человѣкѣ, которыя бы привлекали къ человѣку особенное расположеніе Божіе или близость Его къ нему и споспѣшествовали бы самой воспріемлемости человѣка къ Божественному. Словомъ, разумъ нашъ, на основаніи своихъ законовъ, очевидно требуетъ, чтобы на сторонѣ чуда и самаго лица, выдающаго оное, было какое-либо ручательство за его чудесность или сверхъестественность, — требуетъ, чтобы это ручательство было для него, хотя въ нѣкоторой степени, понятно и очевидно, иначе онъ

не признаетъ и отвергнетъ самое чудо. Или же, если мы будемъ слѣпо вѣрить каждому разсказу, то никогда не отличимъ истиннаго событія отъ ложнаго, вымышленнаго, не отличимъ истиннаго Пророка или любимца Божія отъ друга сатаны.

Признаками истиннаго чуда должно признать высоту его или невозможность для простой силы, не укрѣпленной всемогущею рукою Божіею, отъ которой только и могутъ совершаться чудеса; святость характера того или другаго чуда; сообразность чуда съ законами и требованіями разума и природы, или высоту чуда надъ этими законами, но отнюдь не противорѣчіе имъ. Ручательствомъ-же за достоинство лица всего естественнѣе признать чистоту жизни человѣка; возвышенность его характера и тѣ или другія дѣйствія, совершаемыя лицомъ, удостоившимся вдохновенія; — дѣйствія несомнѣнно удостовѣряющія въ особенной близости виновника этихъ дѣйствій съ Богомъ. Словомъ, признаками, увѣряющими насъ въ божественномъ посольствѣ кого-либо признаютъ дѣла или плоды этого посланника: *отъ плодъ ихъ познаете ихъ* ...

Итакъ, что же чудеснаго въ восхищеніи св. Апостола Павла на третіе небо, и можно ли найти здѣсь какое либо ручательство за чудесность этого вос-

хищенія? Изъ краткаго разсказа самого Апостола Павла (2 Кор. XII, 1 — 5) о восхищеніи, мы видимъ, что все въ этомъ восхищеніи необыкновенно, возвышенно, согласно съ требованіями разума и вполнѣ гармонируетъ съ величіемъ Божіимъ. Мы замѣчаемъ, что св. Апостолъ Павелъ, проникнутый совершенно силою Божіею, не могъ дать самъ себѣ яснаго понятія о своемъ собственномъ состояніи. „*Вѣмъ человѣка о Христѣ*, говоритъ Св. Апостолъ, *прежде лѣтъ четыренадесяти: аще въ тѣлѣ, не вѣмъ: аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ: Богъ вѣсть: восхищена бывша таковаго до третіяго небесе.*“ Богъ такъ приблизилъ къ себѣ Апостола Павла, что этотъ послѣдній, окрыленный силою Божіею и одухотворенный Его Духомъ, не чувствовалъ на себѣ узъ плоти и, восхищенный въ рай, слышалъ тамъ неизреченны глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати (которыхъ человѣкъ пересказать не можетъ). Но что разумѣлъ Св. Ап. Павелъ подъ третьимъ небомъ? Это объяснилъ намъ самъ же онъ, назвавъ это третье небо раемъ. Никакихъ частностей онъ не передаетъ намъ ни о первомъ, ни о второмъ небѣ. Но подъ именемъ рая всѣ разумѣютъ блаженное жилище, которое Всеблагій и любвеобильный Господь уготовалъ для любящихъ Его и творящихъ святую

волю Его. Если же Апостолъ Павелъ разумѣлъ подъ третьимъ небомъ такую высоту духовнаго блаженства небожителей, о которой ничего нельзя передать обыкновеннымъ языкомъ, то очень естественно заключить, что и подъ двумя первыми небесами онъ разумѣлъ также извѣстныя степени блаженства. Изъ словъ его нельзя заключать, будто Апостолъ разумѣлъ подъ небесами дѣйствительное существованіе матеріальныхъ небесъ, что противорѣчитъ, какъ мы увидимъ послѣ, и разуму и наукѣ. Но изъ того, что прямо и естественно вытекаетъ изъ разсказа Апостола Павла о восхищеніи, разумъ ничего не находитъ несогласнаго съ своими требованіями, ничего унизительнаго и недостойнаго Всемогущества Божія и такимъ образомъ признаетъ это восхищеніе за дѣйствительно-истинное чудо.

Былъ-ли Св. Апостолъ Павелъ достоинъ этого чудеснаго восхищенія?

Св. Апостолъ Павелъ имѣлъ душу истинно великую. Во всѣхъ случаяхъ его жизни въ немъ видѣнъ всемірный проповѣдникъ небесныхъ высотъ, учитель языковъ, совершеннѣйшій образецъ нравственной чистоты, великій подвижникъ и страдалецъ. Великую душу этого посланника Божія Св. Іоаннъ Златоустъ прекрасно сравниваетъ съ небомъ

и моремъ. „Не погрѣшитъ, говоритъ онъ, кто назоветъ душу Павлову моремъ и небомъ: небомъ по чистотѣ, моремъ по глубинѣ (1)". Желаетъ ли кто знать ближе жизнь и дѣла Апостола Павла, тотъ пусть прочтетъ его Посланія. Въ нихъ читатель можетъ прослѣдить всю доблестную жизнь Апостола, узнать и подивиться всѣмъ дѣламъ, совершеннымъ имъ при помощи благодати Божіей, коей онъ былъ чистѣйшимъ сосудомъ. Читатель Посланій Апостола Павла можетъ пройти все поприще Апостольскаго его служенія, видѣть его узы и святую кончину. Узнавши жизнь и дѣла Апостола, каждый можетъ убѣдиться, до какой степени достойны вниманія слова его: „*молю же васъ, подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (2)", — убѣдится наконецъ каждый и въ томъ, какъ истинно Апостолъ былъ достоинъ чудеснаго восхищенія прежде самаго восхищенія и какъ оправдалъ всею своею жизнію избраніе Божіе и показалъ, что былъ того достоинъ.

Обратимся къ лжепророку Мухаммеду и разсмотримъ его путешествіе на семь небесъ. Мы уже описывали кратко это путешествіе, а потому здѣсь обратимъ вниманіе на то, есть-ли въ немъ что-либо

(1) Hom. LV. in Acta Apost.
(2) 1 Kor. IV, 16.

дѣйствительно чудесное? Сами мусульмане признаютъ здѣсь чудеснымъ именно то, что Мухаммедъ самъ возносился на семь небесъ; а не какъ Моуссей, который получилъ законъ на горѣ Синайской. Великъ Мухаммедъ пророкъ нашъ, заключаютъ они, что самъ путешествовалъ предъ лице Божіе. Мы съ своей стороны скажемъ, что въ путешествіи Мухаммеда на небо скорѣе можно видѣть странность, нежели чудесность, скорѣе фантастичность, чѣмъ дѣйствительность. Постараемся доказать это.

Прежде всего надобно сказать, что чудесность нисколько не ограничивается мѣстомъ или временемъ. Предубѣжденіе мусульманъ во взглядѣ на чудесность легко объясняется ихъ недоразумѣніемъ. Понятно, что Божественное осѣненіе вовсе не требуетъ того, чтобы человѣкъ для воспріятія этого Божественнаго озаренія, или для вдохновенія возносился на седьмое небо, или путешествовалъ за нѣсколько тысячъ верстъ. Для Божественнаго осѣненія, какъ для самаго Бога, нѣтъ никакого пространства и времени; оно равно можетъ осѣнять вездѣ и всегда: на горѣ или въ долинѣ, при громѣ ли и молніи или въ тихомъ вѣяніи вѣтра. Иногда такъ же почти разсуждаютъ и мухаммеданскіе уче-

ные. «Всевышній Богъ, говорится въ книгѣ Рисаляп-Газиза при объясненіи свойствъ Божіихъ, отрѣшенъ и чистъ отъ вещей всего міра; поэтому сердца твоего не посылай ни зверхъ, ни внизъ, т. е. Всевышній Богъ не имѣетъ нужды въ опредѣленномъ мѣстѣ; также не говори, что Всевышній Богъ на небѣ и на землѣ и не посылай сердца твоего; все-это невѣріе (1).

Разсмотримъ теперь, что это за семь небесъ, куда возносился Мухаммедъ и можно-ли допустить ихъ существованіе? Собственно говоря, никакого счисленія небесъ допустить нельзя. Астрономія доказала, что небо есть не болѣе какъ пространство, окружающее всѣ планеты, а слѣдовательно и нашу землю. И куда бы не возносились мы, къ звѣздамъ ли, къ лунѣ ли,—мы никогда не достигнемъ неба (2): оно будетъ надъ нами и подъ нами, но мы сами никогда не будемъ на небѣ. Но Мухаммедъ насчитываетъ семь небесъ; онъ видитъ, что каждое изъ семи небесъ устроено изъ того или другаго металла или драгоцѣннаго камня. Особенно ясно высказалъ свое незнаніе Мухаммедъ при описаніи перваго

(1) См. Рисаляп-Газиза стр. 44—48.

(2) См. Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ. 1840 г. ч. XXV: «О мнимомъ противорѣчіи истинъ разума и сердца».

неба и видимыхъ даже простыми глазами звѣздъ. Астрономія ясно показала намъ, что тѣ или другія звѣзды отнюдь не металлическія, равно какъ и небо, окружающее ихъ, что звѣзды висятъ не на цѣпяхъ золотыхъ или серебряныхъ, но премудро держатся каждая на своемъ мѣстѣ при посредствѣ того великаго закона природы, который извѣстенъ подъ именемъ тяготѣнія. Этимъ закономъ, открытымъ Ньютономъ, объясняется движеніе всѣхъ свѣтилъ небесныхъ весьма просто—изъ началъ механики (1).

Что же касается до семи небесъ Мухаммеда, то не заимствованіе ли это отъ Іудеевъ, у которыхъ дѣйствительно было мнѣніе о семи небесахъ (2). Если такъ, то Мухаммедъ отличилъ свои семь небесъ отъ іудейскихъ только тѣмъ, что выдалъ ихъ въ болѣе невѣроятной формѣ.

Мухаммедъ встрѣчаетъ на своихъ небесахъ различныхъ, огромныхъ по росту и странныхъ по составу и формѣ, ангеловъ. Онъ разсказываетъ о неимовѣрномъ пространствѣ между глазами одного ангела и необыкновенной величинѣ того или другаго

(1) «Природа и ея силы». Спб. 1859 года—о звѣздномъ небѣ—стр. 44—68.

(2) Семь небесъ Іудеевъ: 1) Завѣса. 2) Протяженіе или твердь. 3) Облака. 4) Обиталище. 5) Обитаніе. 6) Постоянное жилище. 7) Работъ. Weststenius ad. h. l. Срави. «Вліяніе іудейства на ученіе Корана» въ VIII выпускѣ Миссіонерск. Противомусульм. Сборника. Казань 1875 г. ч. II, стр. 130. 283. Observations.... sur le Mahometisme—Sale. Section quatrieme à la fin.

изъ нихъ. Англійскіе ученые, удивляясь обитающему на третьемъ небѣ Мухаммеда ангелу съ разстояніемъ на 70,000 дневнаго пути между глазами, остроумно замѣчаютъ, что Мухаммедъ забылъ при этомъ свою ариѳметику. Разстояніе между глазами человѣка всегда относится ко всему росту человѣка, какъ 1:72; слѣдовательно высота этого ангела должна быть гораздо выше разстоянія всѣхъ семи небесъ въ совокупности и слѣдовательно этотъ ангелъ не могъ помѣститься ни на одномъ изъ этихъ небесъ(1). Мы не будемъ далѣе разбирать критически подробностей этихъ семи небесъ Мухаммеда. Странность и неестественность въ разсказѣ очень понятна. Мы видимъ изъ разсказа, что Мухаммедъ освятилъ путешествіемъ на небо все то, что до него утверждалъ на землѣ. Но нельзя пропустить безъ вниманія фамильярнаго собесѣдованія Мухаммеда съ Богомъ. Представленное Мухаммедомъ описаніе таинственной бесѣды съ Богомъ и описаніе Самаго Бога, кромѣ противорѣчій разуму, противорѣчитъ еще догматическому ученію самихъ мусульманъ. Изъ

(1) ..l'espace entre les yeux d'un homme n'etant, par rapport à sa hauteur totale, que d'un à soixante-douze, la hauteur totale de cet ange a dû être d'environ cent quarante mille ans de chemin, c'est-a-dire de quatre fois la hauteur de tous les sept cieux ensemble, et par consequent cet ange n'aurait pu se tenir dans aucun d'eux.—Rohrbacher. T. 10 стр. 28.

догматическихъ книгъ мусульманъ нигдѣ не видно, чтобы лице Божіе дѣйствительно было закрыто 70 покрывалами; Богословіе ихъ не допускаетъ въ Богѣ ни малѣйшей тѣни человѣко-образности. Самый Коранъ говоритъ о Божествѣ только единомъ, вѣчномъ, неизобразимомъ духѣ, чуждомъ всѣхъ условій матеріи. „Нѣтъ Его (Бога), говорится въ ихъ вѣроучительной книгѣ, на небѣ и нѣтъ Его на землѣ; Онъ отрѣшенъ отъ мѣста и отъ времени... и Онъ да будетъ превознесенъ... Его нельзя изобразить и описать краскою черною и бѣлою; у Него нѣтъ членовъ; у Него нѣтъ головы, нѣтъ ушей, глазъ, языка, вкуса, носа, рукъ, ногъ и Онъ изъятъ отъ всего подобнаго“. Такое-же точно ученіе о Богѣ мы встрѣчаемъ и у другихъ арабскихъ писателей, которые представляютъ единаго и вѣчнаго Бога неимѣющимъ ни формы, ни фигуры, ни границъ, ни предѣловъ, ни членовъ, ни частей; потомучто Онъ ни тѣло, ни матерія.([1])“

Мухаммедъ разсказывалъ, какъ было замѣчено, что онъ во время бесѣды съ Богомъ выслушалъ отъ послѣдняго 99 тысячъ словъ. Какія это слова, Мухаммедъ не благоволилъ открыть прочимъ смертнымъ этого; потому-ли, что слова эти не относи-

([1]) Voy. Mouradjha d'Ohsson, code religieux. T. I. стр. 82.

лись къ другимъ, или потому, что въ памяти Мухаммеда не остался ихъ смыслъ и утратилось ихъ значеніе, а удержалось только безполезное для каждаго изъ мусульманъ количество ихъ, — не извѣстно. Но разумъ человѣческій, желающій во всемъ видѣть цѣль и причину, не хочетъ оставить безъ особенныхъ соображеній, изысканій и приложеній и этого обстоятельства въ столь многосложной обстановкѣ путешествія Мухаммеда на небо. Разумъ спрашиваетъ, что, если Мухаммедъ возносился, какъ признаютъ сами мусульмане, на такое короткое время, что вода не успѣла пролиться изъ сосуда задѣтаго, и едва не опрокинутаго крыломъ Архангела Гавріила, то могъ-ли Мухаммедъ, какъ-бы ни былъ быстръ его полетъ, совершить такъ скоро свое небесное путешествіе, на каждомъ изъ семи небесъ получать привѣтствія, разсматривать удивительныхъ ангеловъ, принимать отъ Бога заповѣдь о ежедневной молитвѣ, пять разъ испрашивать отмѣненія числа молитвъ отъ 50 до 5 и наконецъ выслушать 99 тысячъ словъ? Не говоря о всемъ прочемъ, на одно послѣднее требуется времени, по крайней мѣрѣ, 27 1/2 часовъ, полагая на каждое слово, выслушанное Мухаммедомъ отъ Бога по секундѣ. Такимъ образомъ на одно послѣднее обстоятельство тре-

буется болѣе сутокъ времени и послѣ этого говорить, что Мухаммедъ дѣйствительно *физически* возносился на небо и такъ скоро возвратился оттуда, значитъ допускать, что въ одно и тоже время Мухаммедъ находился въ физическихъ отношеніяхъ и въ тоже время отрѣшался отъ нихъ, что не возможно. Это арабскіе философы называютъ: собраніемъ, или соединеніемъ невозможныхъ противоположностей. Такъ разумъ человѣческій убѣждается въ физической невозможности чудеснаго Мухаммедова путешествія, коего всѣ факты находятся въ прямомъ противорѣчіи или съ законами разума или съ законами природы. Но отвергать въ чудесахъ физическую возможность мы не только не имѣемъ права, но должны признаться, что это должно быть едва-ли не первымъ требованіемъ при опредѣленіи того или другаго чуда. Разумъ нашъ необходимо требуетъ, чтобы и самыя тайны Божіи, низведенныя въ область человѣческую, могли быть доступны человѣческому знанію и были-бы сообразны съ здравымъ обще-человѣческимъ смысломъ, въ противномъ случаѣ, мы припишемъ всемогуществу Божію много такого, что вовсе недостойно этого всемогущества: потомучто и Богъ не все совершаетъ, что можетъ, а только сообразное съ законами Его премудрости

и благости. Только съ допущеніемъ физической возможности мы можемъ опредѣлять дѣйствительность чуда и при помощи другихъ условій ясно отличать оное отъ вымысловъ фантазіи. Сдѣлаемъ общій взглядъ на разсказъ Мухаммеда о семи небесахъ. Всѣ предметы этихъ семи небесъ Мухаммедъ представляетъ въ чудовищныхъ формахъ и гигантскихъ размѣрахъ. Мухаммедъ какъ будто доказываетъ, что превосходство неба и духовнаго ангельскаго міра предъ землею и людьми должно состоять только въ драгоцѣнности матеріала, въ особенной силѣ, величинѣ и какой-то уродливости. Въ разсказѣ Мухаммеда видѣнъ какой-то грубый матеріализмъ, совершенно поглощающій духовную природу всѣхъ описанныхъ имъ семи небесъ; въ тоже время замѣтна какая-то дѣтская наивность: Мухаммедъ старался передать все, что должно представляться каждому высокимъ и величественнымъ, въ огромныхъ размѣрахъ и отъ того разсказъ его носитъ на себѣ печать дикой несообразности.

Человѣческій разумъ, этотъ высшій дѣятель души нашей, никакъ не можетъ допустить существованія такихъ матеріальныхъ небесъ. Онъ не можетъ стремиться къ такому небу; онъ созданъ не для такого неба... Его небо-высочайшая, абсолютная истина;

безконечно-совершеннѣйшее добро и невыразимо-чарующая красота, или что тоже—Существо, создавшее его. Вотъ небо человѣка, къ которому онъ всегда долженъ стремиться и стремленіе къ которому вполнѣ согласно съ его природой и съ его естественными требованіями. Никакихъ золотыхъ и серебряныхъ небесъ разумъ человѣческій и наука, какъ результатъ разумныхъ изысканій, допустить не могутъ и не имѣютъ никакого основанія признать за дѣйствительность путешествія Мухаммеда на небывалыя небеса, тѣмъ менѣе могутъ признать это путешествіе чудомъ.

Да и могъ ли Мухаммедъ быть достойнымъ какого либо чуда? Имѣлъ ли онъ какія либо особенныя качества, уважая которыя, другіе могли бы вѣрить какъ его словамъ, такъ и особенно могли бы считать его дѣйствительно достойнымъ особеннаго благоволенія Божія, могли бы предположить дѣйствительно-истинное общеніе между нимъ и Богомъ? Словомъ, былъ ли Мухаммедъ достоинъ того, чтобы Богъ открывалъ ему свои тайны чрезъ своего служителя—ангела и наконецъ, въ довершеніе своей расположенности къ своему любимцу, приблизилъ бы его чудеснымъ образомъ предъ тронъ свой?

Чтобы отвѣчать на эти вопросы, очевидно мы должны разсмотрѣть особенно главные факты изъ жизни Мухаммеда, въ коихъ всего яснѣе выражался его характеръ.

Первоначальная жизнь Мухаммеда можетъ составлять свѣтлую сторону его характеристики. Честность въ поступкахъ къ другимъ и въ отношеніи къ своему собственному поведенію составляла главную и единственную, можно сказать, черту молодаго его характера. Эта честность снискала Мухаммеду расположенность и уваженіе современниковъ, которые прославили его за это въ своихъ сочиненіяхъ(1). Замѣтить надобно, что характеръ Мухаммеда слагался болѣе отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ, чѣмъ развивался внутренно. Такъ, положеніе чернаго камня и рѣшеніе спора, возникшаго по этому случаю между корейшитами, развиваетъ въ немъ честолюбіе. Жизнь у Хадиджи, торговыя путешествія, доставившія Мухаммеду случай ознакомиться съ различными религіями, бракъ съ Хадиджею — всѣ эти обстоятельства можно признать уже такими, въ которыхъ положено было начало другому направленію въ характерѣ Мухаммеда. Далѣе, ознакомившись чрезъ іудеевъ съ понятіемъ

(1) Das Leben Mahommed's von Wachington Irving—стр. 100.

единства Божія и съ нравственно-религіознымъ состояніемъ своего отечества, Мухаммедъ начинаетъ религіозно-государственную реформу. Въ Мухаммедѣ, какъ реформаторѣ, мы не долго видимъ прежній характеръ честности. Со смертію Хадиджи нравственная жизнь Мухаммеда совершенно измѣнилась. Наконецъ, когда различные бѣглецы Мекскіе и жители пустынь сдѣлали его способнымъ выступить противъ Абу-Софіана, начальника враговъ его корейшитовъ, тогда измѣнился характеръ и самой его вѣры(1). На ряду съ этими обстоятельствами, все болѣе и болѣе измѣнявшими характеръ Мухаммеда, нельзя не припомнить, какое важное значеніе имѣлъ для Мухаммеда благосклонный пріемъ его послѣдователей царемъ Абиссинскимъ, а также обращеніе къ Мухаммеду шестерыхъ іудеевъ(2), фанатизмъ которыхъ, вмѣстѣ съ фанатизмомъ самаго Мухаммеда, положилъ начало временному могуществу Мухаммеда, рѣшилъ жребій Аравіи и далъ ей иное направленіе. Въ чемъ же и какъ выразилось новое направленіе въ жизни Мухаммеда? Нечаянное участіе многочисленной толпы въ судьбѣ Мухаммеда прежде всего возбудило въ немъ человѣческія

(1) Wachington Irving стр. 100—101.
(2) Rohrbacher—т. 10, стр. 26—27.

страсти. Мірскіе интересы вмѣстѣ съ страстями скоро пріобрѣли полное господство надъ тою религіозною ревностію, которая первоначально воодушевляла Мухаммеда. Мѣсто честности въ жизни и прямодушія въ поступкахъ заступаютъ слѣдующія непохвальныя черты, унизительныя не только для пророка, но даже простаго смертнаго: обманъ, вѣроломство, жестокость, несправедливость и особенно распутство. Не разбирая всѣхъ этихъ качествъ, которыя имѣютъ основаніе въ тѣхъ или другихъ фактахъ изъ жизни Мухаммеда, обратимъ вниманіе на послѣднее, чтобы видѣть нравственную чистоту Мухаммеда и по ней судить о достоинствѣ общенія его съ Богомъ.

Мусульмане увѣряютъ, что Мухаммедъ ихъ вполнѣ достоинъ пророческаго титула, такъ какъ онъ представляетъ своею жизнію совершеннѣйшій образецъ для мухаммеданъ. Онъ не былъ, говорятъ они, слишкомъ жестокимъ къ другимъ: онъ дозволилъ каждому брать по 4 жены, и если кто захочетъ, то можетъ брать для себя столько же наложницъ. Еще менѣе онъ былъ жестокимъ къ самому себѣ: онъ имѣлъ до пятнадцати женъ законныхъ и множество наложницъ. Говоря такимъ образомъ, не противорѣчатъ ли мусульмане самимъ себѣ? Они

превозносили прежде Мухаммеда за его невинность, которую сохранялъ Мухаммедъ до смерти Хадиджи, или до 50 лѣтняго своего возраста. Теперь превозносятъ его и за распутство, которому Мухаммедъ предался самъ и которое дозволяетъ другимъ и собственнымъ примѣромъ и своими откровеніями. Напрасно стали бы мусульмане послѣ этого извинять своего Мухаммеда въ распутствѣ тѣмъ, что онъ имѣлъ слишкомъ неестественную способность къ совокупленію([1]); вся прежняя жизнь Мухаммеда составляетъ явное противорѣчіе извиненію такого рода. Лучше сказать надобно то, что Мухаммедъ потому теперь предался страсти распутства, что не видѣлъ около себя никакой подпоры, никакой задержки, внутри себя не находилъ никакихъ твердыхъ убѣжденій относительно нравственности и отвергнулъ всякое обязательство закона положительнаго. Напрасно бы также стали указывать мусульмане на многоженство, какъ на обычай, существовавшій во время Мухаммеда; самъ Мухаммедъ не слѣдовалъ этому обычаю прежде. Онъ стоялъ выше обычая, а можетъ быть и очень хорошо зналъ, что

([1]) Histoire par Gibbon. T. III, стр. 70. Сравн. «Жены Мухаммеда» въ приложеніи въ X выпуск. Миссіонер. противомусульм. Сборника. Казань, стр. 37.

и Самъ Богъ даровалъ первому человѣку Адаму только одну жену, а не десятокъ, и тѣмъ указалъ всѣмъ на законъ самой природы. Не умѣстны будутъ также извиненія, дѣлаемыя Мухаммеду со стороны историковъ, которые оправдываютъ его страсть климатическими условіями. Жаркій климатъ, говорятъ они, легко возбуждаетъ пылъ страстей, разгорячая кровь араба(1). Положеніе очень правдоподобное; но оно не можетъ быть приложимо въ оправданіе Мухаммеду: до 25 лѣтъ онъ жилъ дѣвственно, до 50 л. честно и невинно съ одной только супругой. Слѣдовательно Мухаммедъ выдержалъ побѣдоносно и съ человѣческимъ достоинствомъ вредное для нравственности вліяніе климата и, замѣчательно, выдержалъ со славою въ самые лучшіе годы своей кипучей молодости, въ пору увлеченія и въ періодъ зрѣлаго мужества. Можно ли послѣ этого допустить, что климатическое вліяніе имѣло на него такое непреодолимое дѣйствіе подъ конецъ его жизни, въ виду могилы?!...

Самое сильное извиненіе въ своей безнравственной жизни Мухаммедъ оставилъ своимъ послѣдователямъ въ своей привиллегированной личности, которой самимъ небомъ, будто-бы, дозволено было

(1) Histoire par Gibbon. T. III стр. 67.

всякое нарушеніе тѣхъ законовъ, исполненіе коихъ было обязательно для его націи. Распутство и при полигаміи считалось безнравственнымъ. Поэтому Мухаммедъ былъ вынужденъ успокоить общественное о себѣ мнѣніе особеннымъ откровеніемъ (1). Богъ предоставилъ, будто-бы, ему *большую* свободу въ числѣ и выборѣ женъ, нежели прочимъ людямъ (Коранъ гл. 33, ст. 49). Вотъ почему, главнымъ образомъ, и видимъ мы не отрадную и даже мрачную перспективу въ жизни Мухаммеда, въ послѣдніе годы его. Уважительно-ли такое извиненіе? Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, Богъ даровать такую привиллегію, которая бы заключалась въ нарушеніи закона Божія или что то-же въ нарушеніи воли Божіей? Не заблуждались-ли тѣ, которые такое извиненіе Мухаммеда считали уважительнымъ? Это будетъ понятно, когда мы глубже вникнемъ въ эту привиллегію. Мы не можемъ никакъ согласить съ премудрымъ правосудіемъ Божіимъ и святостію Бога такую привиллегію, какую присвоилъ себѣ Мухаммедъ. Въ лицѣ пророка всякій желалъ бы видѣть образецъ жизни духовно-нравственной; всякій желалъ бы, и на самомъ дѣлѣ долженъ, подражать Пророку. А если этотъ Пророкъ есть вмѣстѣ и за-

(1) Миссіонер. противомусульм. Сборн. вып. X. прилож. стр. 37.

конодатель, то въ немъ мы должны видѣть передовую личность, которая со всею строгостію исполняетъ законъ и ни мало не нарушаетъ границъ, положенныхъ для другихъ. Такой примѣръ строгаго исполненія закона Пророкомъ имѣлъ-бы неоспоримое вліяніе на другихъ. Это требованіе самое естественное. Сынъ долженъ непремѣнно исполнять благую волю отца; ученикъ долженъ слушаться своего учителя. Отецъ и учитель долженъ не только указать своему питомцу что сдѣлать, но показать именно и то, какъ сдѣлать или изучить что-либо. Равнымъ образомъ и Пророкъ долженъ пролагать дорогу тому народу, къ которому онъ посланъ. Всѣ *истинные Пророки* были строгими исполнителями законовъ, которые они предписывали другимъ. Исторія не представляетъ намъ ни одной привиллегированной личности, подобно Мухаммеду. Привиллегія всѣхъ другихъ Пророковъ состояла въ особенной любви Божіей къ нимъ, а не въ нарушеніи законовъ, на которое бы Самъ Богъ давалъ свое соизволеніе. Тягость привиллегіи Мухаммеда для другихъ не разъ сознавалась, какъ увидимъ мы послѣ. Особенно Мухаммедъ пользовался своимъ преимуществомъ тамъ, гдѣ дѣло касалось его любимой страсти — прекраснаго пола. Здѣсь оно

имѣло самое обширное приложеніе. Это мы подтвердимъ примѣрами.

Кровосмѣсительныя связи по законамъ гражданскимъ и по предписаніямъ Корана почитались достойными проклятія. Прелюбодѣйство осуждалось, какъ одно изъ главныхъ оскорбленій, и виновные въ этомъ преступленіи наказывались сотнею ударовъ. Мухаммедъ предавался страстямъ чисто по человѣчески, чтобы не сказать по скотски; права пророка еще болѣе только способствовали ему въ достиженіи той или другой преступной цѣли. Мы уже знаемъ, что законодатель арабовъ не ограничился тѣмъ числомъ женъ, которое его законъ, или вѣрнѣе — его произволъ, предписалъ другимъ. Но самъ лжепророкъ, Мухаммедъ, не удовлетворился этою безграничностію, онъ посягнулъ даже на кровосмѣшеніе.... Онъ беретъ для себя жену усыновленнаго Зейда, еще живаго. Какой мужъ способенъ былъ бы вынести это? Но Зейдъ не можетъ ничего сдѣлать сильному лжепророку и ропотъ народа, возникшій по этому случаю, ничего не значилъ предъ законодателемъ... Мухаммедъ низводитъ съ неба стихи Корана и этими стихами не только извиняетъ себя, но даже совершенно оправдываетъ.

„О пророкъ тебѣ! позволено жениться на женахъ, которыхъ ты одаришь, на плѣнницахъ, которымъ Богъ далъ попасть въ твои руки, на дочеряхъ твоихъ дядей и тетокъ съ материной и отцовой стороны, которыя бѣжали съ тобой, и на всякой вѣрующей женщинѣ, которая отдаетъ свою душу (сама себя) пророку, если пророкъ хочетъ на ней жениться. Это преимущество, которое мы (т. е. Богъ) даемъ тебѣ предъ прочими вѣрующими. Мы знаемъ, что предписали вамъ на счетъ вашихъ супругъ и рабовъ, чтобъ въ этомъ съ твоей стороны не было ни какого грѣха. Богъ терпѣливъ и милосердъ. Ты можешь дать надежду той, которой хочешь и взять на твою постель которую хочешь, и которую желаешь вновь, послѣ пренебреженія ею. Поступая въ этомъ такъ, ты не будешь виноватъ. Такъ будетъ легче освѣжать ихъ взгляды. Да не будутъ онѣ никогда опечалены, да будутъ всѣ довольны тѣмъ, что ты имъ доставишь. Богъ знаетъ, что есть въ сердцахъ вашихъ; Онъ знающь и человѣколюбивъ“ (Коран. гл. 33, ст. 49—51)

Послѣ такихъ откровеній какъ смотрѣть на Мухаммеда? Если никакая страсть не извиняетъ человѣка предъ Богомъ, то нельзя извинять и Мухаммеда въ страсти къ распутству. Но пусть рас-

путство еще въ человѣческой природѣ и особенно возможно въ человѣкѣ, предъ которымъ нѣтъ закона; но чтобы это распутство, это кровосмѣшеніе оправдывать соизволеніемъ свыше, какъ это дѣлаетъ Мухаммедъ, низведши выше приведенныя слова Корана,—то это рѣшительно не понятно для человѣка, хотя сколько нибудь размышляющаго о себѣ и о своемъ Творцѣ, какъ виновникѣ только однихъ благъ и споспѣшествователѣ въ одномъ же только добрѣ. Это можно только объяснить страстію, которая ослѣпила разсудокъ Мухаммеда, и честолюбіемъ, которое не дозволяло малѣйшей насмѣшки надъ собою, тѣмъ менѣе могло дозволить хотя бы и заслуженное наказаніе за кровосмѣшеніе. „Богъ и ангелы милостивы къ пророку; вѣрующіе! произносите имя его съ благословеніемъ“. (Коран. гл. 33, ст. 54).

При такихъ событіяхъ изъ жизни Мухаммеда, гдѣ онъ низводитъ отъ Бога соизволеніе на преступныя свои дѣйствія и такимъ образомъ дѣлаетъ самого Бога виновникомъ зла, мы невольно припоминаемъ другое очень важное событіе въ исторіи Мухаммеда. Именно, приходятъ на мысль обстоятельства Огодской битвы(1). И какъ тамъ, при ро-

(1) Коран. гл. 3.

потѣ народа по случаю кровосмѣсительныхъ связей съ женою Зейда, Мухаммедъ приписалъ все волѣ Бога, такъ и здѣсь, при ропотѣ разочарованнаго въ побѣдахъ фанатическаго войска, Мухаммедъ все относитъ къ Богу и выдаетъ отъ лица Его свое ученіе о не минуемой какой-то судьбѣ. Здѣсь Мухаммедъ все—добро и зло производитъ отъ Бога. Самъ Мухаммедъ никогда ни въ чемъ не виноватъ. Вообще Коранъ богатъ такими стихами, которыми небо прикрывало всѣ неудачи Мухаммеда и всѣ его нравственныя безобразія. Такіе стихи всегда содержатъ въ себѣ мысль о милосердіи или милости Бога и ангеловъ къ лжепророку — Мухаммеду. Мухаммедъ забывалъ въ подобныхъ случаяхъ о другихъ свойствахъ единаго Бога. Вообще Мухаммедъ рѣдко говоритъ о правосудіи и нелицепріятіи Божіемъ. Приведемъ стихъ изъ Корана, въ коемъ выражена мысль о милости или снисходительности Бога къ безнравственнымъ дѣйствіямъ лжепророка.

„О пророкъ! зачѣмъ ты не позволяешь себѣ того, что тебѣ дозволено Богомъ? Ты желаешь удовлетвориться женщинами; Богъ милостивъ и милосердъ; Богъ дозволилъ тебѣ быть свободнымъ отъ клятвъ; Онъ твой покровитель, Онъ премудръ и всевѣдущъ.“ (Коранъ. гл. 66, ст. 1—2.)

Извѣстно по какому случаю произнесены Мухаммедомъ такіе стихи. Но согласно-ли будетъ съ достоинствомъ и величіемъ Божіимъ допустить, что Богъ въ самомъ дѣлѣ можетъ покровительствовать нашимъ слабостямъ вообще и въ частности слабостямъ величайшаго, по мнѣнію мухаммеданъ, изъ пророковъ, съ нарушеніемъ вѣрности въ клятвахъ, данныхъ нами? Допустить это значило-бы подтверждать несправедливость несправедливостію, значило-бы вмѣшивать Бога въ дурныя продѣлки, ставить Его участникомъ въ нихъ. Разбирая эти и подобныя имъ событія въ жизни Мухаммеда, мы приходимъ къ заключенію, что онъ не только не имѣлъ никакой высоты въ нравственной жизни, но даже и законъ свой наполнилъ такими-же почти безнравственными требованіями, какія только возникали въ душѣ его. Въ Коранѣ очень много стиховъ, низведенныхъ по семейнымъ интригамъ самого Мухаммеда.

Итакъ вотъ одна сторона нравственной жизни Мухаммеда! Между другими свойствами, особенно характеризующими его нравственность, нельзя пройти молчаніемъ жестокости и удивительной подозрительности, которая неоднократно была причиною кровопролитія. Въ первые годы своей жизни Му-

хаммедъ не былъ жестокимъ, какъ показываетъ намъ исторія, потому-ли, что не былъ таковымъ отъ природы, а пріобрѣлъ наклонность и даже страсть эту тогда, когда произволъ его не находилъ для себя никакой преграды, или-же потому, что не имѣлъ еще возможности проявлять своей жестокости,— вопросъ довольно затруднительный. Но какъ-бы то ни было, нельзя однакожъ извинять Мухаммеда въ этой жестокости тѣмъ, что, будто-бы, было выше силъ человѣческихъ терпѣть враговъ Божіихъ. (1) Съ одной стороны нельзя извинять такимъ образомъ Мухаммеда потому, что жестокость могла только устрашить невѣрнаго, а не убѣдить его въ истинахъ, проповѣдуемыхъ пророкомъ; съ другой стороны — потому, что опытъ прежнихъ истинныхъ Пророковъ, и особенно Апостоловъ Христовыхъ, показалъ, что истина находитъ себѣ доступъ въ сердцѣ каждаго человѣка и безъ насильственныхъ мѣръ. Лучше всего, кажется, его можно оправдать тѣмъ, что онъ сознавалъ слабость своихъ убѣжденій, видѣлъ, что безъ меча онъ ничего не сдѣлаетъ и особенно, если сознавалъ(2) внутренно, что онъ

(1) Histoire par Gibbon т. III, стр. 64.

(2) Извѣстно, что послѣ перваго мнимаго явленія Мухаммеду ангела, онъ самъ не вѣрилъ этому явленію и только уже Хадиджа, жена его, убѣдила его въ истинности явленія ему ангела.

вовсе не имѣетъ пророческаго дара и силы Св. Духа, при озареніи Коего истинные посланники находили въ себѣ способность убѣждать людей невѣрныхъ, или враговъ Божіихъ, чувствовали въ груди своей сильную любовь къ несчастнымъ, блуждающимъ во тьмѣ невѣдѣнія единаго истиннаго Бога и по этой-то любви не проливали ихъ крови, не рѣзали ихъ мечами, подобно Мухаммеду, но съ нѣжностію матери обращали ихъ на путь правды—къ познанію Тріипостаснаго Бога. Если-же Мухаммедъ посланъ Богомъ для обращенія людей невѣрныхъ, то развѣ онъ обратилъ всѣхъ тѣхъ, въ крови которыхъ обагрилъ варварскій мечъ свой? Если онъ посланъ отъ Бога проповѣдывать истину, то развѣ мечъ могъ быть органомъ живаго слова? Мечъ его пролагалъ только кровавую дорогу его честолюбію, но заблужденіе остается и до нынѣ въ его послѣдователяхъ. Къ тому-же, если Мухаммедъ посланъ пронести мечъ свой съ проповѣдію изъ конца въ конецъ, то почему онъ не объявлялъ такой цѣли посольства въ самомъ началѣ, а открылъ уже тогда, когда видѣлъ, что у него уже довольно фанатическихъ приверженцевъ, при грубой и необузданной силѣ которыхъ онъ можетъ и на землѣ поставить выше всѣхъ тронъ свой?... И надобно-ли говорить,

помимо различныхъ и многочисленныхъ кровавыхъ побоищъ, о убійствахъ частныхъ лицъ, въ которыхъ Мухаммедъ подозрѣвалъ *личныхъ* своихъ враговъ? Такъ онъ отсѣкъ головы двоимъ плѣннымъ послѣ пораженія Бедрскаго; велѣлъ убить Мединскаго поэта Каабу за то, что не хвалилъ Мухаммеда въ стихахъ, и многихъ другихъ лицъ. 20 человѣкъ корейшитовъ и 700 чел. іудеевъ(1) живыми закопали въ ровъ, по его приказанію, предъ его глазами.... Замѣтимъ здѣсь, что ни одного изъ своихъ враговъ онъ не узналъ по духу пророческому, а удачно лишь пользовался молвою, также какъ и отъ различныхъ бѣдствій его спасали друзья и тайные приверженцы. Но, распоряжаясь такъ безпощадно жизнію другихъ, Мухаммедъ не поступалъ-ли въ подобныхъ случаяхъ гораздо ниже и безнравственнѣе самихъ идолопоклонниковъ — арабовъ, когда платилъ смертію за одни личныя оскорбленія? У арабовъ кровь проливалась только за кровь: смерть — за смерть.(2) Но Мухаммедъ и этого закона нисколько не уважалъ. Онъ убиваетъ мужа одной жены только лишь для того, чтобы овладѣть женою убитаго.... Можно видѣть, что жестокость Мухаммеда была слѣдствіемъ

(1) Histoire Cantu, т. 8, стр. 43.
(2) Histoire Cantu т. 8, стр. 44.

сладострастія, которое ослѣпило его разсудокъ такъ, что Мухаммедъ не видѣлъ никакого зла въ своихъ дѣйствіяхъ,—заглушило въ его сердцѣ всѣ человѣческія чувства и управляло его необузданною волею. Въ своихъ поступкахъ Мухаммедъ очень ясно обнаружилъ характеръ фанатика. „Фанатикъ какъ извѣстно, порабощенный властію чувствъ, въ эгоистическомъ стремленіи своемъ оказывается непріязненнымъ ко всему тому, что противорѣчитъ его положеніямъ; жалуется безпрестанно на свѣтъ и на испорченность нравовъ, хотя въ минуты забывчивости самъ предается этой испорченности; всякому навязываетъ свое мнѣніе, и если-бъ отъ него зависѣло, онъ бы истребилъ все, что непокоряется его мнѣнію. Гдѣ фанатику вручена власть, тамъ кровь и пепелъ свидѣтельствуютъ о его царствованіи(1)“...

Теперь, когда намъ извѣстенъ уже характеръ Мухаммеда, мы имѣемъ полное право сказать, что Мухаммедъ, не представляя никакихъ высокихъ качествъ въ нравственномъ отношеніи, вовсе не заслуживаетъ особенной любви Божіей и потому-же самому не могъ быть достойнымъ чуда. Здѣсь-же,

(1) См. основныя начала Антропологіи Проф. Каз. Унив. Берви, помѣщенныя въ Ученыхъ Запискахъ Каз. Универс. за 1839 г. кн. IV.

кажется, всего умѣстнѣе замѣтить, что и самъ Мухаммедъ отказывается отъ чудесъ во многихъ мѣстахъ Корана. Такъ въ 29 главѣ онъ говоритъ, что чудеса зависятъ отъ Бога, а онъ посланъ только проповѣдывать истину. Вотъ слова 29 гл. 49 ст: „они говорятъ: если-бы ему даны были чудеса отъ Господа его... (подразумѣвается: то мы бы повѣрили ему); отвѣчай: чудеса во власти Бога, а я только явный увѣщеватель.“

Во 2, 16 и 25 гл., и многихъ другихъ высказывается ясно мысль о проповѣди Мухаммеда. На требованіе своихъ современниковъ, относительно чудесъ и свидѣтельства чудесности, Мухаммедъ довольствовался только указаніемъ на Бога, котораго поставлялъ свидѣтелемъ между собой и народомъ. Такъ точно онъ поступилъ и послѣ приведеннаго нами 49 стиха 29 главы Корана: въ 51 стихѣ 29 гл. онъ говоритъ:... „довольно, что Богъ есть свидѣтель между мной и вами.“

Не могъ быть достойнымъ чудотворенія Мухаммедъ и по ограниченности своего ученія. Коранъ Мухаммеда вовсе не имѣетъ признаковъ высоты, свѣтлости и Божественности истинъ, что характеризуетъ произведеніе ума Божественнаго. Читая Коранъ, человѣкъ не можетъ исполниться того свя-

таго помазанія, которое освѣжаетъ, возвышаетъ, радуетъ и живитъ человѣка. Въ Коранѣ читатель можетъ только теряться при его несвязности, сбивчивости и исторической невѣрности. Напрасно сталъ бы читатель искать въ Коранѣ ученія о любви человѣка къ Богу, какъ общему отцу; Мухаммедъ ниразу и не назвалъ даже Бога—отцемъ. Не входя подробно въ недостаточность Кораническаго ученія, надобно вообще сказать, что Коранъ Мухаммеда, будучи лишенъ тѣхъ признаковъ, которые клали бы на него несомнѣнную печать божественности, съ изобиліемъ отражаетъ въ себѣ весь характеръ своего виновника — Мухаммеда. ([1]) Изъ Корана и опровергаемаго здѣсь путешествія на небо видно, что Мухаммедъ не небо низводилъ на землю, а все земное перенесъ на небо. Такимъ образомъ и ученіемъ своимъ Мухаммедъ скорѣе отвлекалъ отъ себя возможность близости божественной и удалялъ отъ себя возможность чуда, которое совершилъ бы Богъ всемогущій ради заслугъ его.

Итакъ Мухаммедъ не былъ достоинъ чуда ни по нравственной чистотѣ, ни по высотѣ своего ученія. Слѣдовательно ночное путешествіе его нельзя считать чудомъ, совершеннымъ для него. Чтоже

([1]) Такъ напр. гл. 8, 9, 22 и др.

сказать объ этомъ ночномъ путешествіи мухамме-данину? Остается повторить то, что было высказано нами въ началѣ этого сочиненія, именно, что раз-сказъ Мухаммеда о ночномъ путешествіи вовсе нель-зя считать разсказомъ о путешествіи дѣйствительно совершенномъ имъ; что это было только сновидѣ-ніе, непосредственно вытекающее изъ обстоятельствъ жизни Мухаммеда, — сновидѣніе, въ которомъ Му-хаммедъ находился еще подъ вліяніемъ духа оболь-стителя, который представлялъ его воображенію различные предметы своего царства. Подобными сонными бреднями Мухаммедъ старался воспользо-ваться для того, чтобы увеличить свой собственный авторитетъ! Чтоже касается до обширности, разно-образія и другихъ качествъ этого разсказа, при которыхъ такое сновидѣніе представляется невоз-можнымъ, то на это надобно сказать мухаммеда-нину, что разсказъ этотъ вовсе и не существовалъ первоначально въ такой формѣ(1), въ какой суще-ствуетъ онъ нынѣ. Первоначально самъ Мухаммедъ могъ многое прибавить къ своему сновидѣнію, смотря по своимъ цѣлямъ, а потомъ такія же дополненія

(1) Нѣкоторые изъ арабскихъ писателей вовсе ничего не говорятъ о ночномъ путешествіи Мухаммеда; другіе — сухо и неопредѣленно; третьи наконецъ—пространно и поэтически.

и различныя украшенія постоянно вносили въ этотъ разсказъ болѣе ревностные изъ его послѣдователей. Это объясняется очень легко и естественно. Вспомнимъ какъ и донынѣ молва народная разноситъ то или другое событіе иногда вовсе небывалое. Была бы только матерія для народной молвы; она не замедлитъ обработать эту матерію и прикрасить въ ней то, что кажется ей не такъ-то красивымъ; она возведетъ на степень чудеснаго и необыкновеннаго то, что подаетъ къ тому хотя малѣйшій поводъ. Эта народная молва иногда выступаетъ уже слишкомъ далеко за предѣлы своего творчества, и тогда ея произведенія являются уже смѣшными, невѣроятными и невозможными. Но здравый разумъ человѣческій хорошо различаетъ фантастическія басни и вымыслы отъ дѣйствительныхъ событій. Этотъ здравый разумъ никакъ не можетъ принять и согласиться и съ упоминаемымъ ночнымъ путешествіемъ, видя въ немъ явное противорѣчіе своимъ законамъ, различные анахронизмы, историческія и догматическія противорѣчія и невозможности физическія.

Понятно почему корейшиты, современники Мухаммеда, заклеймили его прозваніемъ „съумасшедшаго“.

Заключимъ разборъ разсказа о ночномъ путешествіи Мухаммеда словами, которыми любятъ подтверждать истину сказаннаго самодовольные мухаммедане: „Богъ лучше знаетъ истину“: но и человѣку Богъ же далъ разумъ, чтобы человѣкъ могъ ясно отличать истину отъ грубой лжи и заблужденія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Важность вопроса о способахъ откровеній Мухаммеду..... 5— 9

I.

Изложеніе способовъ, коими будто сообщались свыше Мухаммеду откровенія.

Явленіе Архангела Гавріила Мухаммеду на горѣ Харà, или призваніе Мухаммеда къ пророческому служенію..... 9—15

Повременное, въ продолженіе 23-хъ лѣтъ жизни Мухаммеда, явленіе къ нему Архангела съ откровеніями..... 15—21

Ночное путешествіе Мухаммеда на небеса для непосредственнаго собесѣдованія съ Богомъ..... 22—38

II.

Основанія, по коимъ узнается дѣйствительность способовъ небесныхъ откровеній..... 38—42

Способы откровеній Мухаммеду не могутъ быть признаны за дѣйствительные способы небесныхъ откровеній.

Они недостойны Бога..... 43—48

Они несообразны съ цѣлію, для которой дѣлаются людямъ откровенія и заключаютъ въ себѣ много противорѣчій..... 48—54

Частное разсмотрѣніе способовъ откровеній Мухаммеду въ связи съ окружающими обстоятельствами..... 54—79

III.

За что же признавать разсказы о способахъ откровеній Мухаммеду, за чистый ли обманъ со стороны Мухаммеда, или за обманъ ненамѣренный..... 79—140

Опечатка: на стр. 20 вм. «Инсанъ эль-уйюнъ приводитъ преданіе»... слѣдуетъ читать: въ «Инсанъ-эль-уйюнъ» приводится преданіе и проч. Подобно же и на стр. 59.

2007237486